

9 СЕНТЯБРЬ 2011

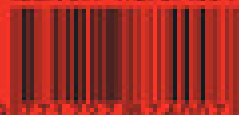
150 ЛЕТ
ВОКРУГ СВЕТА
1861-2011

БОРИС СТРУГАЦКИЙ
ПРЕДСТАВЛЯЕТ
АЛЬМАНАХ ФАНТАСТИКИ

ПОЛДЕНЬ XXI ВЕК

Кафа
(Закат Земли)

ISSN 977-172757400-7

9 771727 400007

Коллектив авторов
Полдень, XXI век (сентябрь 2011)
Серия «Альманах Бориса Стругацкого
«Полдень, XXI век»», книга 81

*Текст предоставлен правообладателем http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=650905
Полдень, XXI век (сентябрь 2011): ВООРУЖ СВЕТА; Москва; 2011
ISBN 978-5-98652-359-0*

Аннотация

В номер включены фантастические произведения: «Кафа (Закат земли)» Геннадия Прашкевича, «Как я провела выходные» Оксаны Романовой, «Навигатор «Принцессы»» Ильдара Валишина, «Памяти товарища Д.» Сергея Вербина, «Голубое стеклышко» Юстины Южной, «Сученыш» Олега Кожина, «Домик» Татьяны Шипошиной, «Верлиока» Ольги Дорофеевой, «Синие цветы» Александра Голубева.

Содержание

Колонка дежурного по номеру	4
1	5
ГЕННАДИЙ ПРАШКЕВИЧ	5
Инструкция	6
1	6
2	10
Флот победителей	14
Третий Гусев	20
1	20
2	21
3	22
4	23
Добрый атал	27
Времена фараонов	34
1	34
ОКСАНА РОМАНОВА	37
ИЛЬДАР ВАЛИШИН	42
СЕРГЕЙ ВЕРБИН	60
ЮСТИНА ЮЖНАЯ	64
ОЛЕГ КОЖИН	77
ТАТЬЯНА ШИПОШИНА	88
ОЛЬГА ДОРОФЕЕВА	92
АЛЕКСАНДР ГОЛУБЕВ	98
2	101
ТАТЬЯНА ИВАНОВА	101
ГЕОРГИЙ АБСАЛЯМОВ	108
3	114
«Фанданго» 2011	114
Наши авторы	115

Альманах Бориса Стругацкого Полдень, XXI век (сентябрь 2011)

Колонка дежурного по номеру

Смелого пуля боится, смелого штык не берет!

Известный лозунг, приписываемый Александру Суворову, касается военного искусства...

А что можно сказать о художественном сочинительстве в массовых жанрах (ведь фантастика относится именно к ним)? Существует ли литературная смелость? И если да, в чем она выражается конкретно?

В новизне фабулообразующих щей?.. Несомненно. Ибо не все щей могут быть благо-склонно оценены читателем, требуя от него хотя бы минимальной научно-технической подготовки. («Ну и заумь!»)

В новых типах характеров? Разумеется. Ибо подобные характеры могут быть встречены в штыки, поскольку психологически раздражают. («Таких героев не бывает!»)

Существует и еще один вид литературной смелости. Он присущ авторам, которые пытаются использовать чужие миры. То есть, сочинять сиквелы.

Казалось бы, работа – не бей лежачего! Художественные реалии не требуют творческого труда. Герои любимы читателем давно и прочно. Единственное, что грозит автору сиквела, – неизбежное сравнение твоего опуса с основополагающим классическим произведением (фанфиков, произрастающих из произведений, еще не ставших классическими, касаться не будем – они, в массе своей, относятся к так называемой сетературе, а там свои законы), но это можно пережить.

Долгое время единственным подобным холмиком на литературных пажитях отечественной фантастики был проект «Время учеников», задуманный и реализованный Андреем Чертковым. Сейчас же они плодятся полным ходом.

Впрочем, эти новые проекты носят коммерческий характер. А значит, изначально основаны на неизбежной повторяемости миров и героев, эксплуатируя их узнаваемость. Тут много отваги не требуется.

Истинная же литературная смелость – создать на поле, взрыхленном классиком, нечто собственное, свою идеологию, свою тематику, свои характеры. По принципу «В литературе не может быть ничего святого!» Возможно, даже обманув ожидания читателей. И рискуя, в результате, вообще оказаться ими, читателями, абсолютно непонятым. А потому – не рассчитывая на массовую приязнь.

Хотите убедиться?..

Вперед! Открывайте сентябрьский номер нашего альманаха...

1

Истории. Образы. Фантазии

ГЕННАДИЙ ПРАШКЕВИЧ Кафа (Закат Земли) Повесть

Победили красные, а кровь твоя желтая.

О. В.

От автора

Корни предлагаемой читателям повести, несомненно, уходят в далекое детство автора, в те годы, когда впервые была прочитана и жадно перечитана «Аэлита» Алексея Толстого. Очарование живого, поющего, гроыхающего электрическими молниями мира, в котором каждый ищет свою правду, свою любовь и одновременно ощущение какой-то ужасной недосказанности, долго владело мною. «Я грамотный, автомобиль ничего себе знаю. – Такое запоминается сразу. – С восемнадцати лет войной занимаюсь – вот все мое и занятие... Четыре республики учредил, – и городов-то сейчас этих не запомню... Один раз собрал сотни три ребят, – отправились Индию освободить... У Махно был два месяца, погулять захотелось... ну, с бандитами не ужился... Ушел в Красную Армию. Поляков гнал от Киева, – тут уж был в коннице Буденного: «Даешь Варшаву!» В последний раз ранен, когда брали Перекоп... Войны сейчас никакой нет, – не предвидится. Вы уж, пожалуйста, Мстислав Сергеевич, возьмите меня с собой. Я вам на Марсе пригожусь».

А инженер Лось? А любовь, разрывающая пространства?

Вот вернулись они с Марса – безнадежный романтик (из бывших) и неунывающий красный командир (теперь тоже из бывших). Любовь позади, борьба с олигархами Марса проиграна. Литературный критик тридцатых годов Георгий Горбачев гневно брызгал слюной: «Гусев – не пролетарий, не коммунист, он деклассированный империалистической и гражданской войнами крестьянин, бывший махновец, потом буденновец, типичнейший партизан, авантюрист, сочетающий революционный подъем с жаждой личного обогащения. Он загребает в свои руки, когда он еще или уже не в боевом экстазе, в первую голову золото и «камушки»... Гусев – националист, и первая его мысль по приезде на Марс – присоединить Марс к РСФСР, чтобы утереть нос Англии и Америке... Гусев – типичный анархист: он бросает марсиан в прямой бой, не расспросив о силах врагов и друзей, об общей ситуации на Марсе... Не рабочий, не коммунист – взбунтовавшийся, деклассированный, жадный, мелкий собственник воплощает у Толстого русскую революцию...»

Много раз я пытался набросать на бумаге варианты возможного развития толстовской повести. И не одного меня мучила такая затея. По разным подсчетам, к сегодняшнему дню опубликовано в России не менее двенадцати попыток литературного продолжения знаменитой повести. Стоит ли браться еще раз? Кто знает? Но однажды я сказал себе: стоит! Очарование «Аэлиты» с годами ничуть не рассеивается, не пропадает, и осенью 2010 года на Тенерифе, где мы с женой вечерами обсуждали жизнь, которая кипела когда-то именно здесь, на обломках древней Атлантиды, я почувствовал: пора! И потянулся к бумаге. И результат этой работы перед вами. И если вы еще помните хотя бы в общих чертах удивительную, блистательную повесть Алексея Толстого, доброго вам чтения!

Инструкция

1

Товарищ нарком Ежов стоял у окна.

Глиняные (по цвету) каблуки сапог скошены.

Ноги присогнуты, будто с лошади соскочил, решил размяться.

Субтильный, узкоплечий (шашкой долго не помашет), морщился, глядя на лейтенанта Рахимова. Угадывалось в прищуренных глазах сильное желание подойти к сейфу, перегаром несло. Верхний свет выключен, на столе лампа с направленным на гостя оранжевым абажуром; поставлена лампа обдуманно – отбрасывает свет и на портрет товарища Сталина.

Лейтенант Рахимов тоже шурился.

Почти два месяца он провел в общей камере.

По голове не били, он привык, что кормят раз в день, – усиливает чувство ответственности. Теперь, на Лубянке, вздохнул облегченно. Вспомнил, как смеялись сопровождающие в машине. Синие околыши, красные верха – свой народ, не догадывались, кого везут. Считали, так, мелкая контра, по вызову. Шутили: какой-то гражданин по фамилии Блох недавно случайно задавил на бензиновой машине милиционера, видимо, рулить не умел. Явное вредительство. Вкатили по полной. Да и то, не дави милиционеров, как... Блох.

Товарищ Ежов поднял руку, потер лоб, изрезанный морщинами.

Португепя перетягивает мятую (не до парада) гимнастерку, почетные знаки. Всё дельно, просто, – у товарища Сталина тоже роскошных костюмов нет. А то, что лейтенант Рахимов оказался одного с ним роста (на самом деле выше, просто сапоги у Николая Ивановича подбиты специальными каблуками), товарища наркома еще более успокоило. Он не любил высоких людей. При росте в сто пятьдесят один сантиметр смотреть снизу вверх на какого-нибудь врага народа просто невыносимо. Хочется дотянуться маленьким кулачком до лица выродка. «С Февральской революции не пользовался отпуском... Чуть не семью видами болезней страдаю...» Так вдруг подумал, глядя на сухощавого лейтенанта. Тускло подумал, враждебно, потому что опять жгло, томило под ложечкой – то ли от тревожности, то ли от постоянных неясных ожиданий, то ли от водки, невыносимо питой ночью. Ощупал лейтенанта быстрым взглядом – неприязненно, чтобы тот, не дай бог, не почувствовал себя героем. Знаем, знаем, все про тебя знаем, лейтенант... В органах с двенадцати лет, из беспризорников... Когда-то по карманам работал, «стаканчики граненые», но окреп, из социально близких выбился в твердые свои, поощрялся личным оружием, с хорошей стороны проявил себя в операции «мракобесы»... Теперь вот два месяца провел в общей камере – там встречал в разговоры, слушал, запоминал. Из активных «мракобесов», эзотериков советских, как они себя называли, некоторых уже в живых нет, других раскидало по лагерям, а эх их вражеской деятельности все еще отдается. Недавно на Охте рвануло. Стоял там домик – простой, веселый, бревенчатый. Хозяин – из инженеров. Там и рвануло. Взрыв невыносимой силы. Значит, ядовитые корни «мракобесами» глубоко пущены, значит, вросли в землю, как у того азиатского растения кок-сагыз, у которого они в землю уходят чуть не на десять метров. Умные химики до сих пор ломают головы. Сам Николай Николаевич Семенов, главный спец по взрывам, консультировал, внятного ответа не дал. Каменистую сухую землю в сторону от домика выбило канавой почти в два метра глубиной и ширины такой же, и вынесло раскаленный, плавящийся грунт по оплавленным валунам прямо к речке, при этом – удивительно – сам домик не пострадал. Каким-то образом взрыв был точно направлен в одну сторону – к

речке. А кто создал такое удобное направляемое взрывчатое вещество? Где хранятся запасы? Как воспроизвести образец хотя бы в опытных количествах?

Необычно рвануло на Охте, будто огненным плугом вспахало землю.

Такая направленность снимает проблему самого совершенного вражеского укрепления. Дайте нам такое взрыввещество, любую крепость возьмем! Дело, конечно, засекречено, но в военных кругах шептались. Товарищ Сталин при последней встрече загадочно подчеркнул: «Товарищ Ежов душит гидру контрреволюции ежовыми рукавицами, а надо бы...» Объяснять не стал, но мысль угадывается – значительная, глубокая. В январе испытана в СССР первая боевая ракета, способная бить по вражеским позициям издалека... Вот бы теперь к ней и нужное топливо...

Товарищ нарком подошел к столу, выдвинул узкий ящик.

Потрогал пальцем серый пакет. В нем три сплюсненные пули.

Нет, четыре. Три от пистолета «наган», одна револьверная – от «кольта». Все сплюснены, как от сильного удара. Каждая помечена: «Зиновьев», «Каменев», «Смирнов» (на Смирнова ушли две пули). Резко закрыл ящик, подошел к сейфу, лязгнул металлической дверцей. «Стаканчики граненые». Стакан стоял удобно – на бумагах, тут же бутылка – початая, зеленоватого стекла. Налил вполовину, выпил, отвернувшись. Вытер губы запястьем, опять запер сейф на ключ и с умыслом раскинул на столе десяток машинописных листов. На какие-то пару секунд, ну на десять секунд или на пятнадцать. За такое время мало что увидишь... Ну, может, строчку ухватишь из десяти слов машинописного текста...

– Что скажешь?

Понимал: лейтенант сейчас врать начнет.

Люди так уж устроены – всегда врут. Отсюда – недоверие.

Но товарищ Сталин тысячу раз прав: здоровое недоверие – лучшая основа для совместной работы. Так уж повелось, что врать безопаснее. И не просто врать, а по партийному, особым образом, обдуманно, сохраняя необходимый резерв, разумную дистанцию. А то разведут споры-дискуссии, будто надеются на чудеса. А чудес не бывает. Только вранье хитрое.

Водка горячо пошла по жилам. Товарищ Ежов посмотрел остро.

Без подготовки, не предупреждая, еще раз перекинул машинописные листки: говори, дескать, что успел заметить, лейтенант? Как тебя там? Рахимов? Стахан? «Стаканчики граненые». Поворачиваясь к сейфу, подумал: если этот лейтенант не совсем дурак, то промолчит. Виновато промолчит, с чувством уважения и понимания. Болтунам не место на оперативной работе. Никто не способен с одного взгляда запомнить текст десяти брошенных на стол машинописных страниц, ну, может, абзац... строку... Ученые говорят, что глаз – он вроде фотокамеры, но в фотоделе – там и проявка, и закрепление... А взгляд, он что? Ну, запомнишь абзац – уже хорошо. Так что не усложняй себе жизнь, лейтенант. Должен понимать, что не бывает чудес. Партия твердо доказала: никаких чудес, бывает только вранье, как в Священном Писании. Вспомнил: не зря мы в детстве гоняли местного попа по деревне. Он нас боялся, терпеть не мог, в намёт при беге переходил, а разве вымолил какую молнию, чтобы покарать нас?

– «Москва... НКВД СССР...»

Лейтенант опустил бледные веки, будто припоминая.

– «Инструкция... Об основных критериях при отборе кадров для прохождения службы в органах НКВД...»

Товарищ Ежов даже обернулся. Ничего такого не ожидал.

Впрочем, схватить название документа несложно. Память можно натренировать. Да и шапки к документам (даже к секретным) печатаются крупно, в разрядку... Так думая, открыл дверцу стального сейфа, дотянулся до недопитого стакана.

– «Основные негативные категории, – без выражения продолжил лейтенант. – При собеседовании с кандидатом следует расспросить его о семейном положении, условиях быта и жизни родителей. Если они разведены, то это, как правило, означает, что или отец или мать ненормальны. У их детей тоже будут разводы. Это своего рода печать проклятия, которая передается из поколения в поколение. Если родители жили счастливо, то их дети тоже будут счастливыми и психически здоровыми. Тов. И. В. Сталин определил, что советская семья – ячейка общества и, следовательно, на это стоит обращать особое внимание...»

Лейтенант увидел отчетливое изумление в глазах наркома.

– «При исследовании семейной жизни кандидата, поступающего на службу, важно как можно больше знать о его жене, из какой она семьи, кто ее родители... Пристальное внимание обращать на многодетные семьи. У дегенеративных матерей часто случается так, что чем больше они грешат, тем больше плодят детей. Это, в свою очередь, отображается на детях, а хуже всех бывает последний ребенок...»

– Что остановился? Заело?

– Там дальше слово вытерто на сгибе.

– Ну, вот еще большое дело! Пропусти!

– «Обращать внимание на окружение жены кандидата. Как правило, это бывает змеиным гнездом. Тогда семейная жизнь сотрудника будет целиком зависеть от настроения супруги, ее подруг и связей. – Лейтенант, как хитрый змей, сверкнул кончиком языка, облизал пересохшие губы. – Основные видимые признаки дегенерации... Нервный тик или судороги лица. Обычно это концентрируется вокруг рта. Дергается рот, губы, нос, шея. Подергиваются веки глаз. Это повторяется каждые несколько минут. Некоторые это пытаются скрыть потягиванием, разминкой шеи... Косоглазие и прочие деформации глаз. Недаром говорится, что глаза – зеркало души, – лейтенант будто держал печатный текст перед глазами. – В категорию людей с «дурным глазом» следует отнести не только косых, но также горбунов, карликов... – Секундная заминка, скорее всего, лейтенант и не вдумывался в значение произносимых им слов, зачем вдумываться – такого указания ему не было. – Сюда же следует относить разноцветье глаз, вплоть до астигматизма. Всякие дефекты речи. Шепелявость, картавость, заикание. Все это тесно связано с нервными, наследственными психическими болезнями...»

Секундная пауза.

– «Хронические мигрени. Сильные головные боли вплоть до тошноты и рвоты. Как правило, это заболевание наследственное. Если им страдает кто-то из близких родственников, то наверняка это передалось по наследству кандидату, поступающему на службу. Не следует мигрени путать с обычными головными болями, которые бывают у каждого человека. Речь идет о таких болях, которые погружают человека в коматозное состояние, из которого он долгое время не может выйти, даже после вмешательства врачей. Следует выяснять, страдает ли такими болями кто-либо из числа близких родственников кандидата...»

Короткая пауза. Взгляд на наркома.

– «Лошадиные зубы. Это торчащие вперед, как у лошади, зубы. Это можно отнести в категорию уродств, связанных с «дурным глазом». Иные признаки, указывающие на уродство лица: непропорциональность размеров головы по отношению к туловищу, необычайно большая голова, выступающий лоб, любые видимые диспропорции тела, которые могут показаться отвратительными...»

– Как это – «отврати...»?

– Там незаконченное слово. Знак переноса.

– Все так, – хмуро одобрил нарком. – Запоминать умеешь.

Посмотрел еще более хмуро:

– А конец пятой страницы?

– «Умственные силы обычно составляют единственную сильную сторону духовного наследия человека, посредством которого субъект разрешает для себя все жизненные вопросы и даже такие, которые малодоступны умственному анализу, и обыкновенно разрешаются у нормальных людей при участии чувства как более тонкого орудия – нравственности, долга, совести и т. п. Основными чертами ума демонических натур являются: многоречивость, склонность к спору, к софизмам и диалектике, сухая логика и умственный формализм, пытающийся стать выше чувств, совести и намеков нравственного такта. Далее – стремление вытеснить логику фактов, заменить ее логикой умственных настроений...»

– Довольно! Вижу, лейтенант, ты на лету схватываешь.

Попытался вспомнить: чей выдвигенец этот Рахимов? Кажется, Богдана Кобулова... Начальник следственной части НКВД много обязан знать... Он много и знает... В недавнем разговоре наедине намекнул на связь жены товарища наркома Ежова с элементами подозрительными, распущенными... Николай Иванович давно ждал чего-то такого, не раз говорил жене: «Залетишь, дура!» Сам видел в незашторенное окно, как иногда под утро подходила, урча, машина к подъезду. Не сильно любят москвичи заглядывать в Большой Кисельный переулок, но находились смельчаки, все-таки подъезжали... А Женя... А Евгения Соломоновна... Она выпрыгивала, она бежала на свой этаж... От нее вкусно пахло... «Ой, Коленька, ты еще работаешь?» – целовала в лицо, откидывалась от перегара. Смеялась: «Это Валька Катаев затащил нас с Гликиной к Михаилу Ромму. А там Ильинский, там Плятт! Там весело, Коленька! Мы пели. Тебя не было, а жалко, все знают, у нашего железного наркома абсолютный слух. – Нисколько не льстила, петъ Николай Иванович действительно любил и умел. – А Люба Орлова, она такая прелесть!»

А в другой раз подвозил Евгению Соломоновну писатель Бабель.

Этого Николай Иванович особенно не любил. С этим Женя подружилась еще в Германии, когда работала машинисткой в полпредстве. Болтун, ответственности никакой. Не раз, не раз предупреждал жену: «Подведут тебя такие друзья!» – «Да почему, Коленька?». Не объяснять же ей, что проныра Бабель в последние годы не столько пишет свои рассказы, сколько вертится в подозрительной троцкистской среде.

А еще Кольцов... А еще Шолохов...

Защемило сердце, не поворачиваясь, спросил:

– Нынешний майский контроль по литературе «Н» помнишь?

Лейтенант Рахимов кивнул. Писатель М. А. Шолохов останавливался в гостинице «Националь».

– «Так как было приказание в свободное от работы время включаться самостоятельно в номера гостиницы и при наличии интересного разговора принимать необходимые меры, стенографистка Королева включилась в номер писателя Шолохова... Оценив инициативу Королевой, я просил премировать ее, о чем был составлен проект приказа... На второй день заступила на дежурство стенографистка Юревич... – Лейтенант произносил слова ровно и бесстрастно, как утреннее радио, давал понять, что для него это действительно всего лишь слова. – Контроль за номером писателя Шолохова продолжался свыше десяти дней... вплоть до его отъезда... Во время контроля была зафиксирована интимная связь Шолохова с женой тов. Ежова...»

– Откуда стенографистке знать, с кем развлекается писатель в своем номере?

– Голоса, товарищ нарком. Специальный навык.

– Сам слышал?

– Так точно.

Лязгнула дверца сейфа.

Товарищ нарком Ежов выпил, глядя в окно.

Такого человека, как лейтенант Рахимов, держать при себе опасно. Надо бы, но опасно, опасно. Соколы Троцкого не спят, не все перебиты, у них особая тяга к заговорам, к тайным сборищам. Враги везде – в армии, на заводах, в наркоматах, колхозах, университетах, обкомах. Они и в органы пробираются, иногда занимают крупные посты. Когда в семнадцатом громили богатые витрины на Невском, это была революция, праздник, там все было ясно, а сейчас будни серые, гоняешься за скрытым врагом, корчует врагов тайных, маскирующихся под радость социализма. Тут рук и ног не хватает, не успеваешь быть везде. Одно хорошо: выросла сознательность граждан. Всё чувствуют, всё видят, предупредить хотят. Содрогаются потерять завоеванное. Тот же домик на Охте. Отдаленный от других, за деревьями. Узнали о нем по доносу. По письму, бдительным человеком написанному на листке, вырванном из книжки «Долой неграмотность: Букварь для взрослых». Со смыслом оказалось письмо, с намеком на необратимость революционных действий. Неизвестный бдительный человек писал: такой-то вот инженер Лось Мстислав Сергеевич (имя старорежимное), из бывших, недобиток, якобы попутчик (а это как посмотреть), взрывает что-то на собственной уединенной даче, а стражи революции ну ничего не слышат! Конечно, бдительного человека быстро вычислили по букварю (он подписи на письме не ставил). Оказался действительно простой человек, нашли у него и книжку-букварь с вырванной страницей. Пригласили быть понятым при обыске. Он охотно пошел, стрекотал услужливо. Ходил за лейтенантом госбезопасности Стаханом Рахимовым и стрекотал. Сейчас честных нет, нужда людей портит. Дворник или инженер, стрекотал, одинаково могут впасть в грех, но инженер, ясный день, впадет раньше. Мы из оков капитализма вырывались так, что душу срывали, стрекотал. «Мы не рабы». Это все знают. «Рабы не мы». Неграмотный сегодня – как слепой, всюду его ждут неудачи и несчастья...

2

А дело со взрывом получалось интересное.

Домик дачный – двухэтажный. Ловкая деревянная лестница с лакированными перилами. Наверху кабинет и спальня. Внизу – две особенные комнаты, широкая терраса, частично открытая. Из шкафов на пол вывалены книги. Разбросаны по полу, каждая проверена, кое-что отобрано. Тетрадь с выписками отобрана отдельно. «Ошибка была в том, что бытие – жизнь Земли и существ – постигалось как нечто, выходящее из разума человека. Познавая мир, человек познавал только самого себя. Разум был единственной реальностью, мир – его представлением. Такое понимание бытия должно было привести к тому, что каждый человек стал бы утверждать, что он один есть единственное сущее, все остальное – весь мир – лишь плод его воображения. Дальнейшее было неизбежно: борьба за единственную личность, борьба всех против всех, истребление человечества, как вставшего из человека его же сна, – презрение и отвращение к бытию – как к злему сновидению». Человек от станка записывать такое не станет.

«В то же время было сделано изумительное открытие – найдена возможность мгновенно освобождать жизненную силу, дремлющую в семенах растений. Эта сила – гремучая, огненно-холодная материя, – освобождаясь, устремлялась в пространство. Были построены огромные летающие корабли, приводимые в движение этой силой».

А вот это звучало интересно.

Дремлет какая-то жизненная сила в семенах неведомых растений, да хоть пара старорежимных архангелов пусть раздувает вечный огонь – какая разница, если с помощью указанной жизненной силы боевая ракета рабоче-крестьянской Красной армии уйдет точно в цель? Нет в мире таких крепостей, которых не могли бы взять трудящиеся, большевики.

Строить коммунистическое общество – долг каждого, корчевать антисоветские тайники – тоже...

Нарком слушал ровный голос лейтенанта и барабанил пальцем по зеленому сукну стола. Один читает букварь для взрослых – мы приветствуем растущий ум! А вот другой маскируется, погружается тайком в «Загадки жизни», в «Опыты с мозговыми лучами» – мы тщательно должны проверять, к чему он стремится. «Внутри тонкого стеклянного колпака, – ровно цитировал лейтенант содержание протоколов обыска домика на Охте, на память цитировал, – каплей дамарлака, канадского бальзама или расплавленного с бурой стекла подвешивается сухая тонкая шелковая нить, на конце которой укрепляется в равновесии тонкая сухая соломинка, служащая стрелкой-указателем. На конце соломинки распушен тончайший хлопочек гигроскопической ваты. Диск насоса посыпан мелко толченой солью. Отверстие насоса защищают кусочком сухого картона с пробуравленными дырочками и небольшим бортом, чтобы не сдуло соль. Разреживают воздух осторожно, и аппарат готов к действию. Теперь сосредоточьте взгляд на клочке ваты, стрелку можно повернуть взглядом...».

Бревенчатые стены домика на Охте изнутри были оштукатурены. Полы двойные – не замерзнешь. Инженер Лось и зимой жил в своем домике, почти не ездил на Ждановскую набережную. В столовой – простой стол, покрытый клеенкой, вокруг стола разнокалиберные венские стулья. Стекланный пузырек с чернилами, дешевая ученическая ручка, стопка бумаг, исписанных разборчивым мелким почерком. На специальной полочке – сказочная царица из тяжелого металла. По весу – золото, но царицу почему-то не сперли, так и стояла, сверлила чекистов взглядом. Злобно глядела – то ли крыльям было больно, отращивала, то ли горбатая от рождения. «Сорок дней и сорок ночей падали на Туму сыны неба, – прочел лейтенант еще одну выписку из тетради. – Звезда Талцетл всходила после вечерней зари и горела необыкновенным светом, как злой глаз. Многие из сынов неба падали мертвыми, многие убивались о скалы, тонули в южном океане, но многие достигли поверхности Тумы».

Это, наверное, «мракобесы» спасались от какого-то своего потопа.

Но главным документом для возбуждения дела послужил, конечно, найденный в рабочем столе инженера Лося протокол «Общества для переброски боевого отряда на планету Марс в целях спасения остатков его трудящегося населения».

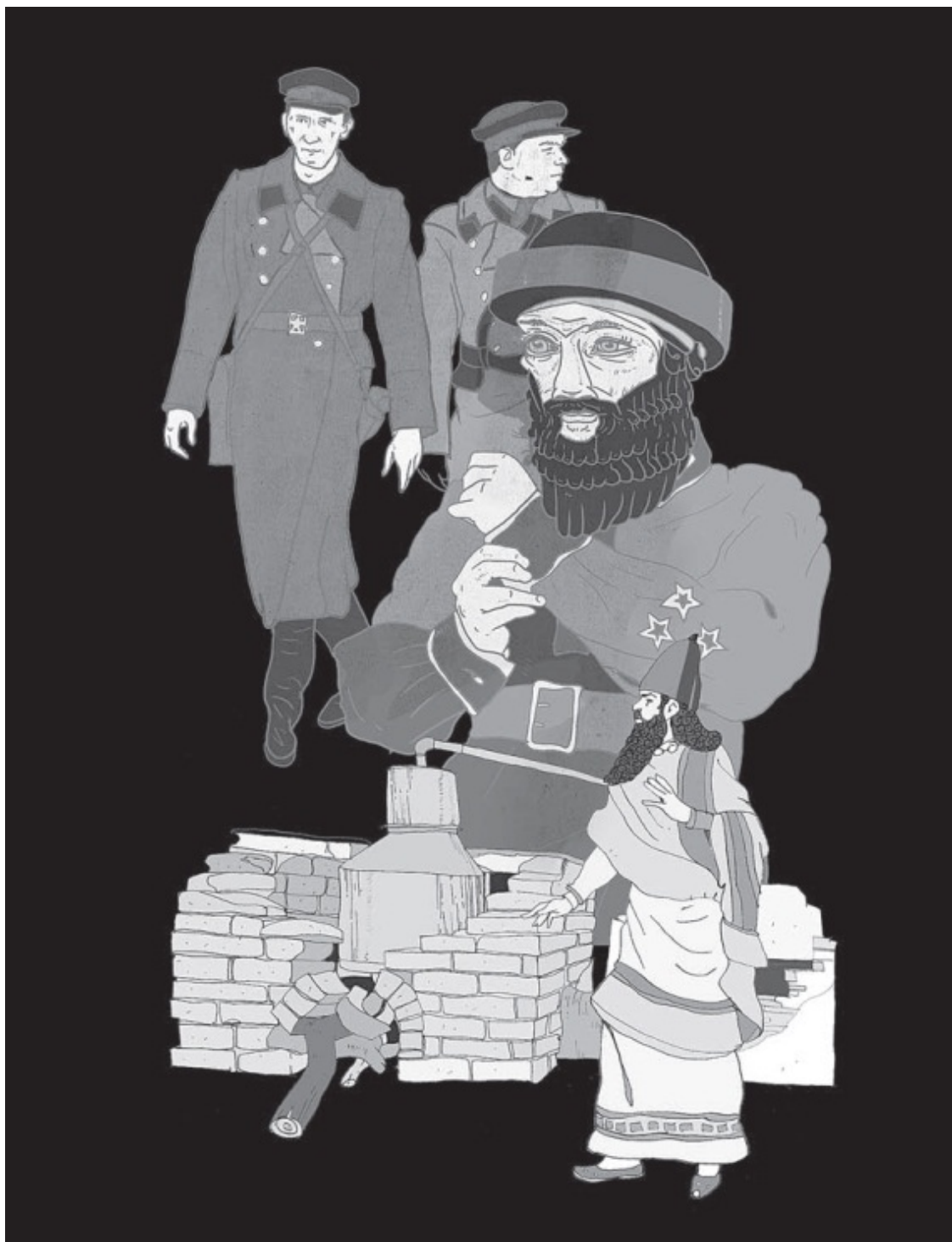
Под протоколом подписи: А. Гусев... Е. Полгар...

Понятой, услышав такие имена, обрадовался, застрекотал с новой силой.

Дескать, и Гусев этот, и Полгар – они давно уже на исправлении. Тут товарищи чекисты не сплеховали. Теперь сохатого надо ловить, ну, этого Лося, тоже мне инженера. Девчонка при нем жила. Тоже где-то на исправлении. Синюшная, голоногая. По имени Кафа. Может, татарка, не знаю, стрекотал свидетель, а может, эстонка. Синюшная, всё молчала и молчала. «А сохатый этот, ну, Лось который, издевался над ребенком». Понятой описал инженера очень похоже: глаза плаксивые, а волосом сед, ну не знаю, как кто... Стрекотнул, заробев: ну, может, как ваш Карл Маркс... Не в этом смысле, конечно... А Гусев, который подписывался, он часто жил у сохатого неделями. Выпить любил. Свой сундучок держал в прихожей. Видите, обит, как полагается, жестяной полоской. Здесь понятой стрекотал увереннее. «Я девчонку жалел. Синюшная, подкормить бы. Говорил сохатому – отпускай ее хоть на постирушки. Я и покормлю ее... Так сохатый этот вместо спасибо спускал с цепи на меня Гусева. Гусев чуть не с шашкой в правой руке на крылечко выскакивал. А если разобраться, – стрекотал понятой, – кто тут от народа, а кто в очках?»

Ничего особенного обыск домика не дал.

Вредители – это ясно, а взрывчатки никакой.

Фанерный шкаф с одеждой, телогрейка, кожаная безрукавка – ничего необычного, ничего такого, что вразрез вкусам народа. У стола – плетеная корзина, в ней мусор, мятая бумага, видно, что торопились. Лейтенант Рахимов каждую бумажку выловил из корзины. «Кое-где возвышались остатки акведука и отдельные полуобвалившиеся постройки, но на гипподроме, там, где раньше стояли навесы для лошадей, толпились рабы. Их не гоняли на работы, зато четыре раза в день каждому подавали обильную пищу, заставляя не отходить от канализационных колодцев, да они и не успели бы отойти далеко. Коренастые надсмотрщики с кожаными плетями, некоторые с копьями, уговаривали рабов питаться лучше. Груды лежалых мидий и пахучих морских ежей...» Странно, конечно. «Рабы не мы». Все знают. И в учебнике политграмоты нигде не указывалось на такое вот необычное отношение к рабам.

Схемы какие-то. План участка.

На плане – постройка в виде сарая, видимо, ее с корнями сожгло взрывом.

В сухой чернильнице – мумия мухи. Под клеенкой кухонного стола – записочка. Может, синюшной девчонке: «К Ляхову не ходи!» Понятой опять обрадованно застрекотал: «Ох, издевался, издевался сохатый! Над девчонкой издевался. А Ляхов – это я. Это ко мне ее пускать запрещали. А я бы накормил синюшную. Ну, принесла бы ведро воды, может, простирнула чего, не всё жизнь прожигать при очастом».

Нашлась еще жестяная коробка чая колониального с детскими рисунками.

«Девчонку заставлял рисовать. Мыслимое ли дело, мучить дитя такими вещами?»

Под диванчиком у стены валялись три опростанных *бутылки* из-под водки, но без этикеток. «Это Гусев ночевал, – стрекотал понятой. – Пил, пил, человек страшный. Карать надо за такое!» Не помнил дурак, стрекотун, слова товарища Сталина, сказанные на XIV съезде ВКП(б). Товарищ Сталин там так о резерве говорил: «Есть люди, которые думают, что можно строить социализм в белых перчатках. Это – грубейшая ошибка, товарищи. Ежели у нас нет займов, ежели мы бедны капиталами и если, кроме того, мы не можем пойти в кабалу к капиталистам, не можем принять тех кабальных условий, которые они нам предлагают и которые мы отвергли, – то остается одно: искать источники в других областях. Это всё-таки лучше, чем закабаление. Тут надо выбирать между кабалой и водкой, и люди, которые думают, что можно строить социализм в белых перчатках, жестоко ошибаются».

А под потолком в кабинете – специально нарисованная – шла широкой полосой как бы коричневая мозаика. Нарисована, а на вид правда как мозаика. Морские волны с погруженной по пояс мощной человеческой фигурой, потом – та же фигура среди многих звезд. «Было бы красиво, если б народ такое понимал, – с новой силой застрекотал понятой, уловив интерес лейтенанта. – Но никто же не понимает!» Совсем, подлец, осмелел.

– А что со взрывом? – спросил нарком.

А со взрывом дело тоже не совсем простое.

В протоколе указано: выжжена в плотном грунте, местами каменистом, канава двухметровой глубины (точно измерено) и до самого откоса – ровные, как стекло, стенки, все камешки оплавлены. «Я, – пояснил лейтенант товарищу наркому, – из нагана стрелял, ни камешка из того стекла не выбил. – Посмотрел на наркома: – Большая польза от таких взрывов может быть. Даже очень большая. Каналы, к примеру, не надо рыть! Наметил нужный профиль и пальнул взрывчаткой, как в трубу, вот и вся недолга. Ставь статуи, маяки, веди пароходы».

Все – одно к одному, но дело не высвечивалось.

Например, никаких указаний на то, где на даче могла храниться взрывчатка.

Спецы обнюхали все, спускались в подпол со специальной собакой, на чердак поднимались. Непонятная взрывчатка, будто всю ее сразу выстрелили – жар там должен был быть страшный, а бревенчатый домик всего в двух метрах от оплавленной канавы устоял. Разве так бывает? Ну, валялись в пыльной кладовой детали каких-то машин, на то Лось и инженер, чтобы заниматься машинами. Спросить тоже некого. «Мракобесы» по лагерям, Гусев на Колыме, инженер исчез. Может, вплавило человека в земную породу, сожгло в пепел, только муть осталась в остекленелой породе.

– А девчонка?

– Отдали в детдом.

– Она что рассказывала?

– Ничего. Вроде как некая.

И, видя настороженность наркома, лейтенант ровно пояснил (по Инструкции): «В случаях вырождения иногда нарушается план тела, его вес... Это выражается в нарушении

величины и пропорции частей. Например, шестилапистость, разные пальцы по величине на руках...»

– А у девчонки что, шестилапистость?

– Да нет. Больше синяя. Этого Ляхова сама взглядом отгоняла.

– А со взрывом? Что ты мне всё про синюшную! Со взрывом что?

– Следствие приостановлено. Гусев на Колыме – отбывает наказание. Этот Полгар – тоже на Колыме. Есть сведения, списаны в инвалидную команду.

Товарищ нарком Ежов сунул стакан в сейф. Ишь, отбывают наказание... Устроились, пристроились... Ждать новых напоминаний товарища Сталина мы не будем. Страна в огне. Не зевай!

В каждое окно заглядывают без спросу то фашист, то еще кто-нибудь... Думая так, утвердился в принятом еще до прихода лейтенанта решении: такого памятливого, как Стахан Рахимов, держать при себе опасно.

Приказал:

– Отправишься на Колыму.

Подумал пару минут, поднял голову:

– Завтра и отправляйся. Детали и документы – у Кобулова, но отчитываться – только передо мной. Память у тебя хорошая, теперь вижу, и впредь никаких записей не веди, только запоминай. Найдешь на Колыме з/к Гусева, найдешь з/к Полгара. Кто-то из «мракобесов» прячется, наверное, и в Ленинграде, это факт, мы их тут найдем, выжжем из каждой щели. Запрещаю тебе пить, курить, ввязываться в драки. Голову береги, лейтенант, всё услышанное, увиденное носи в голове, ни слова на бумагу. Доберись, доберись, лейтенант, до взрывчатки: когда, кем придумана, где лежит? Мешать станут – сразу на меня ссылайся, я найду управу. Кулачки у меня, может, и маленькие, – близко поднес действительно маленький кулачок к бледному лицу лейтенанта, – но бью по-сталински точно!

Флот победителей

«...Солнце, полное яду, пепельным светом поливало руины Кафы сквозь скукоженную листву. По южному склону ужасной вулканической горы, заполнившей собою почти полнеба, скатывались грязевые потоки, безмолвно застывали, торчала из чудовищного вывала ободранная пальма – вертикально, как шест. Пепел серым неплотным слоем выстилал улицы, стены поросли влажным мхом. Следы босых ног на плоских плитах смотрелись дико и странно: огромные, может, прошел мохнатый, но люди, как муравьи, суеились вокруг пожарищ. После ужасных подземных толчков потрескались все набережные, местами осыпались каменные причалы. Озабоченно пробежала по серым плитам белая овца, остановилась, подергала курдюком, уставилась круглыми непонимающими глазами в мерцающее от солнца море.

Хипподи рассмеялся. Овца не знает, ей не дано знать, что каналы, ведущие к Большому храму, надежно перекрыты железными цепями, она сумеречно тревожится, угадывая в пляске солнечных бликов далекие мачты чужих боевых трирем. Да, Союзу морских народов принадлежат многие земли по ту сторону Геракловых столбов; в Египте, в Ливии – вплоть до Тиррении – морские народы, объединившись, выжгли все гарнизоны аталов, высадились на многих островах, но Кафа стоит. Война проиграна, каменные стены рухнули, но столица аталов стоит. Дымит, сотрясается от подземных толчков, но стоит. Правда, жрецы уже улетают, – так шепчутся на гипподроме. Говорят, сам бог Шамаш отправляет жрецов очень далеко. Никто даже не знает точно, куда. Может, совсем далеко. Может, через всё море – одним прыжком за облака, пугая морские народы.

Хипподи легонько погладил забинтованные пальцы на левой руке.

Влажная жара изнуряет, сил нет, как душно и тяжело, но лизнуть палец – средний или безымянный – можно только на площадке Большого храма. Жрец Таху постучит пальцем по камню и непременно скажет: «Мы строим новый мир. Чем больше разрушений, тем яснее будущее». И тогда можно будет лизнуть. Жрец Таху не устает повторять: «С врагами нужно биться, а не соглашаться». Вот почему Главные ворота столицы, даже упавшие от подземных толчков, никогда не будут распахнуты перед морскими народами.

Белая овца непонимающе смотрела в море.

Паруса чужих трирем свернуты, выполосканы в море, развешены для просушки на деревянных бортах. На триремах и сейчас, наверное, трудно дышать. Поглядывая то на овцу, то на далекие триремы, Хипподи торжествующе присел на горячий парапет полуразрушенной набережной. Трое суток назад объединенный флот морских народов торжественно, под пронзительные вскрики сигнальных дудок, вошел в бухту, глубоко врезанную в островную столицу аталов. Белые паруса, сильные гребцы – флот победителей входил в бухту уверенно. Щелкали бичи надсмотрщиков, смуглые и черные воины гремели щитами – они считали, конечно, что поверженные аталы приготовили для них богатые подарки, а жены и дочери поверженных омоют победителям усталые ноги водой с уксусом из узкогорлых кувшинов. Гремели якорные цепи, бегали вдоль бортов дежурные лучники, горячий кофе был отправлен даже в трюмы – прикованным к веслам гребцам. Чудовищная вулканическая гора, заполнившая полнеба, сама смотрелась, как дымящаяся кружка с кофе и, кажется, не пугала вооруженных гостей. Огромные, обшитые бронзой и кожей катапульти на возвышенных участках берега тоже не смущали победителей. Они видели, как дети и женщины аталов, утомленные старики, уроды и всякие калеки, спотыкаясь и хромая, спускались от руин каменных стен с безобразными глиняными горшками в руках. Боги морских народов справедливы, они растрясли столицу аталов, как игрушку, и вот теперь выжившие спешат встретить победителей.

Хипподи прикрикнул на овцу, та обиженно удалилась.

А зря победители не спешили. Уже через полчаса, когда победное кофепитие на палубах и в трюмах было в самом разгаре, безобразные глиняные горшки с большой точностью полетели в триремы. Взвыли военные дудки, забежали надсмотрщики, хлопая бичами, загремели цепи якорей. На ближней к берегу триреме, прикрываясь кожаным щитом, особенно яростно орал лоснящийся черный воин. Хипподи, выдвиженец жреца Таху, давно мечтал о таком рабе. Хипподи приплясывал от удовольствия, видя, как глиняные горшки, выброшенные упругими сильными лапами катапульти, разбивались на деревянных палубах, ударяли в паруса, оставляя на них желтые и красные вонючие потеки. Все говно столицы летело в самодовольный флот победителей. Канализационные трубы заранее подвели к специальным колодцам, теперь там специальные черпаки так и мелькали. Жаркий влажный ветер, разворачиваемый массивами перегретой горы, всю вонь сносил на опозоренный флот. Даже рыбы бежали от вонючих трирем, от грязных таранов, вонючих парусов, спешно снимаемых, выбрасываемых за борт. Пятнадцать катапульти в упор расстреливали чужие триремы, а уже на выходе из бухты в зловонной, сгустившейся жары по главному кораблю ударили три резервных. Одна из трирем в отчаянии выскочила на острые приглубые камни, воины и моряки орали, спасались вплавь, а разбившаяся трирема тяжело осела на правый борт и затонула. Гребцы, прикованные к веслам, захлебнулись прежде, чем кто-то кинулся бы им помочь.

Никто, впрочем, и не кинулся.

Бог аталов Шамаш – в каменных галифе и в каменной гимнастерке, в каменных гармошкой сапогах, в наброшенной на тяжелые плечи шкуре морского барана, молча смотрел на мерцающую под солнцем воду.

«Я – вчера. Я знаю завтрашний день».

Перепончатая рука бога была прижата к груди.

Он сдерживал гнев, но вулкан за Большим храмом уже опять дымился, с черных отрогов несло влажным сернистым жаром, из северного жерла вылетали, клубясь, тучи серого пепла, вязкая лава алым раскаленным тестом выдавливалась из черных провалов, прихотливыми каменными ручьями спускалась к морю. Иногда слышался шум из боки, нового небольшого кратера, над этой бокой клубился белый дым с удушливым сернистым запахом. Иногда слышалось бульканье, будто вулкан захлебывался.

Никогда морские народы не испытывали такого унижения.

Задыхаясь от невыносимой вони, удушающей влажной жары и бессильной ярости, они отдали якоря в отдалении от неприветливых черных берегов и занялись срочной помывкой загаженных палуб и парусов, тревожно вглядываясь в собирающиеся над бухтой тучи. Они и раньше слышали об аталах разное. Например, о прирученных хищных рептилиях, которых аталы якобы пускают из клеток в бухту – лакомиться незваными пришельцами. Но рептилий можно отогнать гарпунами. Гораздо страшней специально обученные пловцы, умеющие незаметно подплыть к триремам и поджечь их веществом, не гаснущим даже в воде. Пловцы натирают плечи особой мазью и даже днем среди солнечных бликов неразличимы. Но даже невидимых пловцов можно вычислить по водяным дорожкам и перебить стрелами. Гораздо страшнее мохнатый народ, не понимающий слов, не признающий ни богов, ни власти. Эти полулюди ходят в звериных шкурах, из оружия владеют только ножом и дубиной, но их сами аталы боятся. Говорят, мохнатые иногда спускаются к одиноким, вынесенным на каменные террасы храмам и мочатся на каменные сапоги Хранителя бездны. Правда, Шамаш мудро не замечает такого святотатства или не хочет его замечать, связываться с диким народом. Если бы заметил, ударил золотым трезубцем. Но, прижав каменную перепончатую руку к каменной груди, Хранитель бездны смотрит вдаль – в серебящееся море, потому что настоящая опасность приходит только оттуда.

Идея с горшками принадлежала Хипподи.

Он радовался. Отогнанный флот существенно увеличил вес его монеты.

Теперь Хипподи был уверен в близком успехе: он, наконец, получит рабов – черного и белого. Хипподи радовался предстоящей встрече с жрецом Таху. «Если у кого-то в Кафе есть неведомые мысли, необычные изречения, – так скажет жрец, щуря голубые глаза, сплетая тонкие пальцы, – если кто-то в Кафе выражает мысли и изречения чужими словами, раньше не бывшими ни у кого в ходу, Шамаш должен знать это. Если среди граждан Кафы распространяются необычные повторения, Шамаш должен знать это. Изречения, однажды сказанные, уже сказаны, повторять их – противно Хранителю бездны. То, что слышал, рассказывай только мне, – негромко скажет жрец Таху. – Рассказывай так, как слышал, ничего не отнимая и не прибавляя».

После таких своих слов жрец Таху непременно добавит: «Смотреть мало, надо видеть. Хранитель бездны должен знать то, чего не знают другие. Кто-то откровенное скажет – другу или жене, а Шамаш должен знать. Кто-то в гневе и одиночестве произнесет нехорошее чужое повторение, Шамаш должен знать. Никто ничего не слышит, никто ничего не видит, но ты – уши Шамаша, Хипподи, ты его глаза, ты приносишь мне увиденное и услышанное, а я извещаю Шамаша».

Потом жрец Таху спросит: «О чем сегодня говорят на набережных, на гипподроме, у колодцев, у вечерних костров?»

А Хипподи ответит: «О том говорят, что страна скоро будет разграблена. А из последних чистых колодцев воду разберут морские народы. В стране вспыхнут мятежи, а всё хорошее улетит».

Жрец Таху не поверит: «Всё хорошее улетит?»

«Так говорят, – подтвердит Хипподи. – У вечерних костров, и на гипподроме, и у колодцев, и на разрушенных набережных. Даже рабы. И еще говорят, что будет разрушено все находящееся, а полевые плоды исчезнут, а солнце будет светить час в сутки, и то не всегда. А из Пирамиды выйдут духи рабов. Заклинания не устоят, как не устояли Главные ворота. Против духов нет дверей, нет запоров. Они проползают, как звери, протекают, как воздух, чтобы мучить людей, пожирать плоть, пить кровь, вливать яд в жилы».

Жрец Таху будет кивать.

Они будут обсуждать проигранную войну, совсем как равные.

Они будут говорить о сдерживаемом гневе Хранителя бездны, а потом успокоятся и заговорят о будущих торжествах. Жрец Таху сядет на каменный сапог бога Шамаша, и тонкие уши жреца будут розово просвечивать на солнце. Это хорошо. Рядом Бассейн. В Бассейне – монета Хипподи. Она похожа на все остальные, но это его собственная монета! Она принадлежит только ему. Она покрыта знаками, говорящими об особых заслугах наблюдателя Хипподи. Чудесные знаки красивой спиралью стягиваются к центру терракотового диска. Жрец Таху, конечно, поймет мысли Хипподи, он вспомнит о горшках с их ужасным наполнением и произнесет: «Теперь морские народы переживают большой позор».

Хипподи скромно опустит глаза: «Кто придумал такое унижение для морских народов?»

Жрец уважительно ответит: «Добрый атал».

«Значит, вес его монеты увеличился?»

Жрец кивнет. И будет смотреть в мерцающее море.

И будет подсчитывать короткие мачты чужих трирем.

Да, конечно, будет думать он, добрый атал достоин. Морские народы не боятся огня и каменных ядер, зато испугались безобразных глиняных горшков с говном. Только вот что плохо: канализационные колодцы почти пусты. Аталы питаются скромно, сейчас это недостаток.

Тогда Хипподи смиренно предложит: «Пусть рыбаки не выкидывают лежалых морских ежей. Пусть рыбаки доставляют вчерашний улов ежей и мидий прямо на гипподром. Не обязательно тухлых, но пусть полежавших на солнце. На влажной большой жаре, как сейчас, желудки людей работают весело, но неправильно, и выдают наружу даже больше того, что ими потреблено. Лишь бы не подвели гончары. Горшков понадобится много».

«Если морские народы захватят столицу аталов, – одобрительно покачает головой жрец, – первым они повесят доброго атала, придумавшего для них такое большое унижение».

И, наконец, спросит: «Чего ты хочешь?»

«Двух рабов, – ответит Хипподи. – Белого и черного».

Конечно, он постарается скрыть жгучую страсть, постарается принизить значимость своего желания, возьмет себя в руки, будет выглядеть скромным, даже смиренным, но жрец уловит блеск его глаз. Он возьмет левую руку Хипподи и медленно обнюхает ее. Столица аталов вечна. В нее никогда не входили враги. Хипподи разбинтует пальцы. Кафа вечна. Лизнув указательный палец Хипподи, жрец Таху одобрительно отпустит его руку и глаза у него повеселеют, а уши начнут розоветь не только от солнца. Бог Шамаш, великий Хранитель бездны, не допустит, чтобы морские народы когда-нибудь поднялись по лестницам на каменные набережные Кафы.

Лишь бы не подвели гончары.

Да, конечно, столицу можно сжечь, ее можно затопить, но жизнь Кафы всегда неизменна. Даже собака, бегающая по столице аталов, не может быть убита. Пусть страшно трясется земля, дымит гора, посыпает землю серым пеплом, пусть и впредь придется кормить аталов тухлыми морскими ежами или лежалыми мидиями, женщины столицы неизменно

будут благоухать. Жасмин и миндаль, розы и базилик, разные душистые растения, цветочные масла – всё должно отражаться в знаках, придумываемых мастерами. На синем плече каждого атала должны возникать немыслимой красоты звезды и кольца. Это успокаивает в самые темные времена. Красота рассеивает мрак. Морские народы устроятся мрачного Хранителя бездны, его каменной воли. Стыдась пережитого, они перестанут заходить в окрестные порты и рассеются по морям. И когда опозоренные триремы уйдут, наконец, на выстроенные заново набережные выйдут чудесные женщины аталов. Вчера они дружно таскали к катапультам безобразные глиняные горшки, а сегодня их окружает только аромат роз.

«Я – вчера. Я знаю завтрашний день».

Чудесные женщины выйдут на набережную в подчеркнуто широких юбках, в легких, почти прозрачных накидках, сквозь которые явственно проступят обжигающие глаза, немыслимые тату – вложенные одно в другое кольца, звезды сиреневые и алые, хитрые гиеоглифы, схожие с теми, что выдавливаются на терракотовых монетах, а головы столичных модниц украсят сложные прически – хитрые кудряшки будут весело и загадочно завиваться на висках, падать на лбы. Ради такого будущего стоит питаться тухлыми морскими ежами и занимать очереди к канализационным колодцам.

Лишь бы не подвели гончары.

Добрый атал тоже выйдет на праздничную набережную.

С двумя мускулистыми рабами. Обязательно с двумя – с черным и с белым.

Ох, эти законы перспективы! Ох, эти мечты! Самая далекая всегда выглядит крошечной, смутно мерцающей в тумане немыслимых пространств, а самая близкая – невероятно вырастает. Мечта о двух рабах вдруг так приблизилась к глазам Хипподи, что как бы гигантские черные и белые тени упали на подрагивающий, извергающий дым массив вулкана и на развернутый на его склоне Полигон.

Жрец Таху лично отвечает за надежную охрану Полигона.

На Полигон нет доступа никому, кроме тех, кто поселен на его территории.

Окованные железом ворота украшены вложенными одно в другое кольцами. Этот знак тоже придуман добрым аталом. Внутри Полигона, за его стенами, в особых печах плавятся металлы, там варится вещество, взрывающееся не сразу, а периодически. Там почти каждый день взлетают над землей чудесные металлические яйца, все трясется от огня и дыма. Рабы на шпподроме высчитывают, куда может улететь такое яйцо – может, в сторону Тиррении, никто этого не знает, кроме жрецов. Может, так, запуская в небо чудесные металлические яйца, добрые слуги Шамаша умирят вулкан, кто знает, но вулкан туп, как мохнатые: он содрогается, упорствует, он осмеливался рычать на самого Хранителя бездны. Кто отбирает тех, кто должен уйти из Кафы? Кто указывает избранных? Почему они стремятся в небо? Спрашивать не разрешается. В главном зале Большого храма бог Шамаш в мрачной полутьме правит шестью крылатыми конями, впряженными в золотую колесницу. Там голова Хранителя бездны достает до черных туч, не обязательно самых высоких, но даже это заставляет аталов задира́ть головы.

Кто осмелится спросить, куда мчится Шамаш?

Доброму аталу причитается награда. Да и жрец Таху прямо сказал: «Причитаемое – получит». Сто nereид на гладких дельфинах, выбитые на колоннах и на портиках Большого храма, – тому свидетели. Сказанное жрецом при nereидах и в присутствии самого бога Шамаша – сказано навсегда. Если жрец произнес: «Причитаемое – получит», значит, вопрос решен. Значит, и о двух рабах вопрос решен – о черном, и белом. Удовлетворенные событиями (триремы отогнаны, тухлые морские ежи включены в рацион, лежалые мидии доставляются в общественные столовые, многие новые рисованные на навоощенных табличках знаки одобрены, работа на Полигоне не останавливается ни на миг) жрец Таху и Хипподи подойдут к краю Бассейну. Там в прозрачной воде, настолько прозрачной, что она угадыва-

ется лишь по легкой ряби или по случайно занесенному ветром розовому лепестку, лежат на поблескивающем фарфоровыми плитками дне монеты – терракотовые диски, украшенные чудесными шероглифами. Прочесть их может только Шамаш, иначе монеты враз обесценятся, но жрец Таху знает точные соотношения гиероглифов и указывает мастерам, какой знак поместить на том или ином диске. Он знает, какая монета чего стоит и кому принадлежит. Забросать глиняными вонючими горшками флот победителей – Хранитель бездны доволен, значение монеты меняется. Одобрены новые чудесные знаки – Хранитель бездны снова доволен, опять значение монеты меняется.

Жрец Таху спросит: «Зачем тебе два раба?»

«Я буду гулять с ними по верхней площадке Большого храма».

«Но так делают многие, Хипподи. Ты придумал что-то особенное?»

«В жаркий день белый раб будет нести за мной прохладительные напитки, а черный раб будет служить скамеечкой. Я много размышляю. Я часто задумываюсь во время прогулок. – Воображение Хипподи разыгралось, глаза блестели. – Иногда я так много думаю, что устаю и тело мое становится горячим. Я могу светиться в темноте, так сильно задумываюсь». И, чувствуя одобрительное понимание жреца, Хипподи как бы случайно, как бы просто так, из самого обыкновенного интереса укажет пальцем на монету в прозрачной, будто отсутствующей воде, тихой-тихой, как послеобеденный сон: «Разве этого еще не хватает на двух рабов?»

«Но ты же хочешь рабов, у которых есть душа?»

«А раб с душой и раб, не имеющий души, разве они идут по разным ценам?»

«Конечно, Хипподи. Зачем ты спрашиваешь? Разница – в степени опасности. Монета – как вулкан. Одно дело, когда она лежит на дне Бассейна, другое дело, когда она пущена в ход. Одно дело – вулкан, мирно дымящийся, и другое, когда он трясет землю. Раб, у которого есть душа, может отвечать на интересные вопросы, он не дает скучать, но он может задуматься. А это плохо, Хипподи. Однажды такой раб может задуматься, почему именно он служит для тебя скамеечкой и почему именно он в жаркий день носит за тобой прохладительные напитки, а не наоборот. Душа, особенно задумывающаяся, Хипподи, всегда – мучительный дар».

«Я буду следить за этим, Таху. Я буду говорить с рабом-скамеечкой и с носителем прохладительных напитков только о совсем простых вещах. Буду чувствовать их состояние, как жрецы чувствуют состояние огнедышащей горы. Я буду говорить с ними только о таких вещах, которые не дают повода для глубоких размышлений. Скажем, о пауках, живущих в кактусах. Разговоры о пауках оживляют кровь, ничего больше. Что нужно, Таху, чтобы моя монета обрела, наконец, нужный вес?»

И жрец Таху ответит. И бог Шамаш услышит его слова.

«Дождись критянина, Хипподи, – ответит жрец. – Того, с которым ты завел дружбу в прошлом году. Приведи критянина, который обещал нам белую еллу. Порошок белой еллы сыплется как песок, но может сохранять приданную ему форму. Он насквозь прожигает ладони и светится в темноте. Когда мы смешиваем его с нашими веществами, мы получаем новую силу для своих летающих машин. Когда мы получим белый порошок еллы, ты, Хипподи, без промедления получишь своих двух рабов – черного и белого. И может, я отдам тебе и критянина, пусть тоже носит что-нибудь за тобой».

Такие хорошие, возбуждающие слова произнесет жрец Таху.

Лишь бы не подвели гончары».

Третий Гусев

1

В Магадане Рахимов устроился на квартире капитана НКВД Мочабели. Фамилия грузинская, а память, как у поляка. Что не нужно, тут же забывал. Полномочиями лейтенанта капитан не особенно интересовался: о чем-то его заранее предупредили, о чем-то догадывался. Вечером выставлял на стол спирт в зеленоватой бутылке без этикетки. При голой лампочке под потолком бутылка смотрелась красиво. Закусывая подогретой тушенкой, утирал жирные губы:

- Вот ты не пьешь, да? Это неправильно.
- Я и раньше не пил. И в Питере никогда не пил.
- В Питере незаметно, да? А в Магадане каждый заметит.

Взглянуть на казенного непьющего человека заглянул на огонек майор Кутепов – сослуживец плотный, рыжий, пах дегтем так, будто не сапоги чистил, а рыло. Когда-то на концерте в Москве вышел на сцену и перевернул рояль животом кверху, так ему старорежимное исполнение не понравилось. Отделался строгачом. Слушая веселого майора, Рахимов задумался. Вот в Инструкции наркома (видел-то секунд десять-пятнадцать, а запомнил навечно) указывались основные критерии отбора людей для работы в органах. Там упоминались и рыжие. В этом преемственность, как нигде, хорошо видна, а рыжий майор мыслил правильно и в верном направлении. Например, начал с того, что Невилл Чемберлен ему не нравится. Ну, вот не нравится ему Невилл Чемберлен. Всё чего-то копошится, ноет, скребётся, ищет контактов с Даладье, с Гитлером готов сотрудничать, с Муссолини. Сколько можно?

- А вы не торопитесь. Все вымрут, как класс.

– А тебе, правда, пить нельзя? – не верил лейтенанту майор. – Совсем ни стакашка? Тогда вот что тебе скажу. На Колыме воздух плотный, холодный, без выпивки тут задохнешься. И народец у нас – тот еще! Украинские куркули, бухарские баи, вредители из Казани...

С аппетитом закусывал разогретой тушенкой, весело запивал. Кругом враги, стране надо вооружаться! Срочно притом! Сам того не зная, как бы напоминал лейтенанту о его сугубо секретном задании. А вот капитану Мочабели разговоры о большой политике не нравились, он старательно сворачивал на всякие случаи. Вспомнил, например, что в газетах недавно писали. Там писали, что на полуострове Ямал днем вдруг ночь наступила. Стоял обычный белый день солнечный, ничто не предвещало и вдруг темно. Ни звезд, ни луны. Как в начале мира. Может, намекал, вражеская пропаганда.

Майор Кутепов против последнего несколько не возражал, весело встряхивал рыжими волосами. Он сам лично видел заметку в одной советской, честной газете, что даже в Америке случалось такое. Страна империализма, дядя Сэм, шляпа у него в звездах, а туда же. И будто там у них, у американов, не какой-то один полуостров, а чуть ли не вся Америка среди солнечного дня погрузилась в ночь, негры сильно бесчинствовали. Сам видел такую заметку. Негры – угнетенные, вот и воспользовались возможностью.

- Было такое, только давно, – подтвердил лейтенант.
- Какое давно? – возразил рыжий майор. – Думаю, в мае.
- Точно, в мае. Но в одна тысяча восемьсот семьдесят третьем году.
- Как так? С кем споришь! Сам читал.
- В какой газете?

– В «Правде».

– А впервые написали об этом все-таки в «Бостон Индепендент Кроникл».

– Это откуда же такая информация? – насторожился майор. – Откуда компромат?

– Нам лекции читали на спецкурсах. Я запомнил.

Майор задумался, смотрел остро. Капитан Мочабели тут же перевел разговор на простое, всем понятное. Пожаловался: в Магадане скучно, хорошей байки иногда полгода ждешь. Портянок не хватает, уже даже полотенца пускал на это дело, ведь до дальних командировок приходится добираться и в пургу и в грязь непролазную. В общем, хорошо поговорили, но глубокой ночью, почуяв, что лейтенант еще не уснул, капитан негромко шепнул: «Ты, Стахан, нашего майора не задирай». И загадочно намекнул: «Не смотри, что он рыжий».

2

День лейтенант Рахимов провел в Управлении НКВД, вечером опять ели тушенку.

Капитан привычно сказал: «Тебе не наливаю». Но тут опять явился рыжий майор, налил себе и сразу заспорил. «Вот мы вчера говорили про Ямал и про Америку, так вот, лейтенант, учти, информация твоя не совсем верная».

– Это почему?

– А ты на Ямале был?

– Будто у меня других дел нет.

– Тогда про Америку я и не спрашиваю.

– Ну и что такого? Ты тоже не был ни на Ямале, ни в Америке.

– Тогда давай напрямую, – уперся рыжий майор. – Ты вот нам тут на американов указываешь. А кто в добром уме верит американам? Я тебя, лейтенант, пожалуй, к делам не допущу!

В общем, получилось неловко. Пришлось с утра через оперативника Краснова связываться с Москвой, с приемной наркома Ежова. Неизвестно, что там сказали Краснову, но веселый рыжий майор к капитану Мочабели больше не заходил.

Квартирка у капитана была небольшая.

Он лейтенанту отгородил угол ширмой в пестрый цветочек.

Утром на общей кухне опять разогревали тушенку, кипятили чай. И вечером тушенку разогревали. Рахимов хорошо помнил слова наркома: «Запрещаю тебе пить, курить, ввязываться в драки. Голову береги, все услышанное, увиденное носи в голове, ничего на бумагу». Капитан Мочабели, многие годы занимаясь делами з/к, обо всем привык судить просто. Дураки люди, так говорил. Партия выдавливает из нас рабов, а мы упираемся. «Рабы не мы». Ты, Стахан, рыжего майора Кутепова не кори, у него тоже всякое бывало. Страна сейчас – как большой разлив. А вздувшаяся река, она, известно, несет на поверхности все, что не может удержаться, вцепиться, укорениться. Все неустойчивое, ненужное вздувшаяся река беспощадно выносит в океан. Здесь у нас, в Магадане, идет перековка. «Мы не рабы». Большая перековка. Здесь истинные враги разоружаются перед партией.

Капитан плеснул в стакан, воодушевился:

– У нас на Колыме, считай, под шестьдесят бывает, такой холод, а все равно, считай, серой несёт, да? Пекло, пусть ледяное, да? Настоящее ледяное пекло. А где еще добела вываживать души? Олово, золото, уголь, оружие – многое надобится нашей стране, мы прямо кольцом окружены врагами. А добывает кто золото? Сволота, мракобесы, кэрэшники!

На этот раз хороший разговор получился.

Два добрых товарища говорили при огоньке керосиновой лампы.

– Всех заставим работать, – светло мечтал капитан. – Теперь главное для нас, строителей коммунизма, не допустить человека до размышлений. В размышлениях много гнили, за

всем не уследишь, всем не подскажешь. Революция не должна коптить, мы аккуратно нагар снимаем. Так что, не кори, не кори рыжего майора. У него свои силы. Он, может, газеты читает мало и невнимательно, зато план по выкорчевыванию врагов народа сильно перевыполняет. У него под показаниями все подписываются.

3

Город Магадан, в общем, оказался таким, каким лейтенант и представлял его.

Правда, лежал далеко – аж у Восточно-Сибирского моря, которое когда-то звали Ламским. Лейтенант Рахимов думал в Москве: вот доберусь до Хабаровска, а там пароходом, пароходом! Но в финчасти на Лубянке указали, что ехать придется через Владивосток. Тащился более двух недель в поезде. Паровоз дымил, фыркал, на поворотах влажный угольный дым затягивало в купе. Под откосами валялись скелеты умерших вагонов, иногда торчала поставленная на попа цистерна. В одном месте видели паровоз. Он торчал из зарослей малинника – почти целенький. Как въехал в малинник, распахивая и утюжа землю, так теперь и торчал. То ли вредительство, то ли случай. Попутчик в купе постоянно запирал дверь. Оправдывался: «На службе».

Всю дорогу лейтенант Рахимов, как книгу, листал воспоминания.

Самое интересное вспоминал из пережитого – детские беспризорные годы.

Потом службу, конечно. Доносы, допросы, обыски, протоколы. Помнил, как капитана Мочабели хотели вычистить из рядов – оказывается, происходил капитан НКВД из рода грузинских князей, чего, правда, никогда не скрывал, а выпив, даже подчеркивал. Работал капитан хорошо, споро выявлял скрытую контру, но пьяный не стеснялся напоминать о своем княжеском происхождении. Провели собрание, предупредили, но капитан и после этого от своих слов не отрекся, пошел на принцип, написал лично товарищу Сталину. Все ждали, что загремит теперь капитан, а товарищ Сталин ответил. «Руководству капитана Мочабели должно быть известно, – ответил вождь, – что в Грузии любой сельский староста был князем».

В общем, трогать не стали, но в Магадан перевели.

Неторопливость поездов радовала. Выходил на перрон, присаживался к столу со вчерашними щами. Улан-Удэ... Чита... Шилка... Все вокруг засрано, но есть все-таки зелень, и комсомолки гуляют... Нерчинск... Биробиджан... Тоже везде засрано, но здесь у разносчика газет книжку купил. Понравилось описание партизанских действий, быт сибирских партизан описан уверенно. Автор книжки, кстати, ехал в том же поезде, но в спецвагоне с решетками. По фамилии Путилов, з/к. (Об этом узнал позднее, знакомясь со списком этапа.) Наконец, Хабаровск... Владивосток... Находка... У причала дымил грязный пароход «Н. Ежов» (бывший «Г. Ягода»). Николай Иванович будто напомнил о себе. «Запрещаю пить, курить, ввязываться в драки». Будто подмигнул: торопись, торопись, лейтенант. Помни, что выделяют Муссолини и Гитлер! Сильные взрывчатые вещества нужны Красной армии. Такие сильные, чтобы враг сразу обалдел. Пустишь страшное вещество – вот и дыра в чужом укрепункте. Помни, помни про врагов, лейтенант. Их у нас хватает: торговцы бывшие, харбинцы, единоличники, жены шпионов, спрятавшиеся кулаки, сектанты, всякие недобитыши офицерские белые, попы, провокаторы, предатели...

Долго шли вдоль острова Сахалин – берег низкий, черный, с неясными зелеными вкраплениями, нигде ни огонька. Как на Ямале в тот злосчастный темный день. Наверное, Чехов уезжал, свет везде выключил, а включить забыли. Потом появилась впереди угрюмая серая скала – остров Завьялова, а в глубине бухты выглянули из тумана серые одноэтажные бараки Магадана, кирпичные трех-и четырехэтажные дома, здание почты. Очень солидно смотре-

лось новенькое четырехэтажное здание Дальстроя, за которым ползал туман. А в тумане прятались многие гектары пересыльного лагеря – за колючкой, за вышками...

4

Капитан Мочабели заведовал учетно-распределительной частью лагерей.

Сдав начальству бумаги, лейтенант уже на другой день приступил к работе. Интересовали его все фамилии на буквы Г и на букву П. А конкретно – Гусев А. И. и Полгар Е. С. В виде приложения шло еще одно имя на букву К – Кафа. По приказу капитана Мочабели усатый сержант из казахов выложил на грубый рабочий стол шесть плоских деревянных ящиков.

– Ну, этого тебе на полгода не хватит, – покачал головой капитан и прикрикнул на дежурного: – Зачем приволок картотеку мертвецов? Лейтенанту живых надо, да? Я правильно понял, лейтенант?

– Не совсем. Те, которых ищу, могут оказаться и среди мертвых.

Капитан ухмыльнулся. Ну, тогда тебе и года не хватит! В каждом ящике шестьсот-восемьсот имен. Вот подыши-ка темной лагерной пылью, сам попросишь разведенного спирту. И ушел, оставив в комнате дежурного. Тот молча и неотрывно следил за короткими пальцами лейтенанта Рахимова, перебиравшими картонные и бумажные карточки. Любые вопросы запрещены.

Картотека не идеальная, конечно, это само собой.

Записи не всегда разборчивы и машинопись затерта.

Зато Гусевых в ящиках оказалось чуть ли не семь десятков (со всей страны), из них половина Алексеи Ивановичи. Треть – мертвецы, еще треть – люди, по возрасту и приметам ну никак не подходившие к разыскиваемому. По мере изучения отпали сперва старики (по возрасту), потом (по разным причинам) другие. В конце концов остались всего три Гусева, зато они вроде бы подходили – и по возрасту и по другим данным. У одного (если не в ленинградских подвалах, то в памяти) вполне мог храниться секрет ужасной взрывчатки.

Первый Гусев А. И. (з/к отдельного лагерного пункта «Эльген») прямо характеризовался как не разоружившийся перед партией.

«Отношение к труду – плохое.

Где работает – открытый грунт.

Кем работает – чернорабочий.

Взыскания – два, за отказ от работы.

Поощрения – не имеет.

Недисциплинирован.

В культурно-воспитательной работе не участвует».

А был этот Гусев А. И. печником с ледокольного парохода «Челюскин».

Да, да, с того самого. Плыл класть печи зимовщикам на полярных островах, а в лагерь попал по распространенной беде: язык не умел держать за потрепанными цингой зубами. Другими словами: не по делу поливал в пьяной компании Героя Советского Союза № 37 – Шмидта. По имени Отто Юльевич. Значит, не русский, да? Ну, может, и так, но Герои – они, хоть русские, хоть не русские, отмечены Партией и Правительством, то они уже как бы над бытом, к ним нельзя относиться небрежно. Они ведь, хоть русский, хоть нет, собой рискуют – идут в арктические льды. Печник же по пьяни одно твердил: зачем класть печи на островах, там жить нельзя, там холод такой вечный, что рано или поздно сбегут люди. Я прежде, чем выложить дымоход, болтал печник Гусев, всё хорошенько обдумываю, а тут... (Инструкция была точно в цель, заметил про себя лейтенант Рахимов. «Сросшиеся брови, значительное количество мелких родимых пятен на коже». Неизвестно, как там было у печ-

ника с другими реверсивными признаками, но у такого ловкого вражины вполне могли оказаться между пальцами и плавательные перепонки.)

Кстати, донес на печника брат родной.

Лейтенант нисколько этому не удивился.

Он беспризорником сам прошел через всякое.

Вот обещал случайный гражданин краюху подать, только поднеси ему тяжелые вещи, ну, маленький Стахан подносил, а ему давали пинка. «Пушкина читал? Нет? Вопросов нету». Другие просили: покажи дорогу к такой-то пристани – и тоже отделявались пинком. Однажды какая-то глупая старушка все-таки подала ему рубль (старорежимный), так он так обо-злился, что бежал за ней до самого дома и всяко грязно ее позорил. «Стаканчики граненые».

Когда начал служить, тоже на всех смотрел уличным волком, но на службе – дисциплина, там никуда не денешься. Мучила память, голова пухла от имен и событий, но научился скрывать. Кто в здравом уме будет помнить, как описался со страху, убегая от мильтонов? Или как потерял срезанный у нэпмана кошелек? А Стахан помнил. И светлое, и позорное, и страшное – все помнил. Прочитанные книги помнил, газетные заголовки, вывески на лавках и учреждениях. «Подтип по образцу Бючли». Вот где-то увидел такие слова и сразу навсегда запомнил. А посмотреть, что это за подтип, что это за образец – времени не было. В детстве думал, что это у всех так, а потом дошло, убедился, что люди многое забывают сразу, это только у него, у урода («Подтип по образцу Бючли»), – так. В этом смысле вечерние разговоры с капитаном сильно помогали Рахимову. Спрашивал неназойливо, как бы ненароком, запоминал. Капитан согласно кивал: ты, Стахан, не тушуйся, вычистим от гадов страну! «Мы не рабы! Рабы не мы!» Не смотри, Стахан, что ты малого росту. Я вот князь, например, а некоторых это мучает.

Второй Гусев по отчеству не подходил.

Указано в документе Алексей Иванович, а в скобках – Авксентьевич.

Может, из-за разных отцов и угодил в лагерь, всё могло быть. Все же Рахимов дело Ивановича (Авксентьевича) изучил. Сейчас ведь как? Пошел в ЗАГС и сказал – не хочу быть Ивановичем, а хочу быть Авксентьевичем. Свобода! Для чего революцию делали? Спросят: зачем тебе? Есть основания? Ответишь: а то! Есть основания! Дядя родной проходил по делу соколов Троцкого. А он у нас Иванович. Это как черным дегтем по веселому ситцу, да? Как такое терпеть? Кстати, лейтенант сам знал человека, который сменил опозоренную (после убийства товарища Кирова) фамилию Медведь на фамилию Учстал. Его спросили: а это человеческая фамилия? Человек только прищурился. Переспрашивать не стали, догадались – Ученик Сталина!

Гусев Алексей Иванович (Авксентьевич) родился в 1891 году в русском городе Елец (Орловская губерния) в семье нотариуса окружного суда. Поступил на медицинский факультет Казанского университета, затем перевелся в Юрьевский. Там познакомился с профессором римского права Кривцовым. Стал пописывать брошюры обо всем, но главное – о больших тайнах, которых ни одна наука не разгадала. Был близко знаком (вот вам прямая связь) с некоторыми «мракобесами». На допросах не скрывал: «Мое знакомство с профессором Кривцовым направило мое мышление на путь новых исканий. Предполагая возможность сохранения в наши дни истинной доисторической науки, я занимался изучением древних войн, вооружения и способов доставки тяжелых объектов на большие расстояния».

Вопрос: «На какие именно расстояния?»

Ответ: «На значительные».

«А из Москвы в Берлин?»

«И это тоже».

Ответ засчитали.

Уголовный Кодекс РСФСР нам что говорит? Уголовный Кодекс РСФСР нам вот что говорит: контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских Советов... Ну, дальше понятно все... Статья 58-1...

Но Гусев (Авксентьевич) на этом не остановился. Измена родине (58-1а), недонесение на лиц, замысливающих такую же измену (58-12), тайные сношения с иностранными государствами (58-3), даже шпионажем (58-6) себя замарал.

Был еще и третий Гусев.

К делу даже снимок прилагался.

Желтая, поломанная по краям карточка. Крепкий человек, больше о таком ничего не скажешь. Выпуклые глаза. Походил больше на конюха, но на допросе признался: имел сно-

шения с Марсом. Лейтенант задумался. Видимо, речь шла о некотором населенном пункте. Может, о заграничном. В большом географическом атласе в библиотеке Дальстроя нашел целых три Марса: малое горное селение в Персии и два низменных, чуть не ниже уровня моря, в южной России и в Удмуртии. Но самое главное: Гусев А. И., имевший сношения с Марсом, хорошо знал пропавшего инженера Лося. Из такого человека многое можно выкачать. Как из глубокой шахты руду, можно из такого человека выкачать очень полезную информацию, вооружить Красную армию новым ужасающим оружием и стереть с лица земли все, что противоречит всеобщим радости и свободе. Люди, как коты. Их пока мордой в миску не сунешь, молоко не пьют.

Искомый Гусев и в лагере отличился. Место свое содержал грязно, койку не заправлял. Отсюда итог: умер в больнице ОЛП (отдельного лагерного пункта) «Золотистый». Прилагалось найденное при трупе письмо, написанное карандашом, – никому не успел передать, скотина. В письме, сложенном аккуратным треугольничком, покойный з/к сообщал какой-то Маше (жене? сожительнице?), что в течение последних двух с половиной месяцев он работал ассенизатором, хотя был признан негодным к физическому труду. «А работать, – сообщал покойный Гусев А. И., – очень мне хочется». Даже бравировал: «Хочется приносить стране настоящую пользу, хочется не быть за бортом, вложить в свой труд всю преданность партии, правительству, родной стране. Я, Маша, убежден, что мне поверят, что меня простят, что я буду вычеркнут, наконец, из проклятого списка врагов народа!»

Но партию и природу не перехитришь.

Крупное воспаление легких, кардиосклероз, упадок сердечной деятельности. Похоронен на том же ОЛП «Золотистый». «В 1500 м от зоны лагеря в юго-западном направ. на глубине 1,5 мт. в гробу и нижнем белье». Тут же приводились приметы захоронения: «Расстояние от зоны лагеря – 1,5 км. Метров от дороги – 300. Какое место – сопка. Куда погребен головой – на северо-запад. Какие ближайшие предметы около могилы – редкие поросли стланика».

Надежней упрятан, чем Чингисхан.

А то, что умерший был тем самым нужным ему Алексеем Ивановичем Гусевым, лейтенант Рахимов понял сразу. Правонарушения отмечены: споры с конвойным – карцер, стычка с дежурным – карцер, несанкционированная встреча с з/к... Полгаром!.. Пересеклись, гады!

– Подумаешь, Марс, – ответил на размышления лейтенанта бывший князь капитан НКВД Мочабели. – Я слышал, и на другую планету летали, почему нет? Только делу не дали ход. А допрос с пристрастием – он фантазии возбуждает. Через мои руки и не такие контры проходили.

Посочувствовал:

– Опоздал ты на своего Гусева. На «Золотистом», насколько мне известно, больше пяти месяцев не живут. Тебе бы раньше со мной связаться, вытащил бы того гуся на сковородку, раз так нужен тебе.

– Не мне. Стране нужен.

– Тем более. Я бы сам поговорил с этим Гусевым, пока он был жив. Человек, если он еще живой, всё скажет, если правильно подойти. У меня было, проходил по делу настоящий красный командир. Ну, там все сходилась – и командир он, и красный, и орден Красного знамени, и подвиги кромешные совершил. А когда подошли с умом, оказалось, что хоть и командир он, а белый.

– Против себя воевал, что ли?

Мочабели охотно разбавил спирт, выпил:

– Нам о таком задумываться не рекомендуется. Записал ответы, отдал дело в производство. Диалектика!

Но вот з/к Полгар, если всерьез, был не так уж прост, даже совсем не прост. Считался красным журналистом, знал три языка. «Животное, снабженное кровью», писал о таких в древности Аристотель. У лейтенанта в памяти часто такое всплывало. Этот Полгар постоянно двоился, имел как бы два лица. Одно из папье-маше – глупое, а другое – лик божественный. (Тоже выражение – из древних.) Крикнешь к божественному, а к тебе глупое поворачивается. Писал, кстати, гражданин Полгар книжечки о существовании эфира – тончайшей среды, наполняющей всю нашу вселенную. В деле з/к Полгара нашлись записки, сделанные им уже в лагере. Он и на Колыме всякое предполагал. Солнечные процессы... Чудовищные взрывы и вихри... Почему бывшие всегда так сильно заняты взрывами и вихрями? Почему свободная рабоче-крестьянская страна вызывает у них исключительно мысли о взрывах и вихрях?.. В обрывочных своих записках з/к Полгар предполагал, что когда-нибудь свободная советская наука обязательно установит связь между колебаниями солнечной деятельности и крупными событиями общественной жизни. Вот оно как! «Когда-нибудь... Свободная...» Мало им бомбы под колеса несущегося поезда, они хотят дуть на Солнце, как на свечу, чтобы всю ужасную энергию сносило в сторону тех, кто мир перестраивает.

Ущемленец! Ущемленец! Инструкция-то нам что говорит?

А Инструкция говорит нам, что внутренняя дисгармония в соединении со слабым развитием нравственной жизни делает невозможным как индивидуальное усовершенствование, так и достижение высших целей жизни. «Рабы не мы». Жизнь подобных з/к Полгару субъектов с течением времени движется не вперед, как следовало бы ожидать по всем законам развития, а назад.

Это, само собой, приводит к разочарованию, к утрате радости в жизни, к моральному одряхлению. Потом распадается весь план жизни, и она сама превращается в нравственную случайность.

Добрый атал

«...мачты трирем – голые, короткие, отталкивающие.

А мир, он – как зеленое дерево, ствол которого расходится на четыре ветви, а каждая из четырех – еще на четыре, и еще на четыре, и так без конца. Мы все, говорил жрец Таху, необозримым количеством ветвей уходим в будущее, шумим там под всеми ветрами, а чудовищный мощный корень, он один-единственный, он прочно врос в прошлое, где когда-то вообще ничего не было, только бог Шамаш – еще босиком, но в галифе и в гимнастерке. Жрец Таху знал, что Хипподи часто ходит мимо Пирамиды духов, и даже спит иногда в кустах и в траве перед вентиляционными окошечками, надежно заросшими колючими кактусами и кустами, а сам Хипподи знал, что в одном месте можно осторожно сунуть руку под мышинный горошек, под колючие кактусы, и вытянуться так, что тело опасно нависнет над глубокой трещиной в камне; тогда пальцы, уйдя в тьму вентиляционного окошечка, коснутся листочков клейких и нежных. Там, во тьме Пирамиды духов, растут два огромных дерева, давно перепутавшиеся ветвями – дерево печали и дерево радости. Они растут в ужасной тьме, которая сохранилась с того времени, когда бог Шамаш впервые примерил гимнастерку и галифе на свое голое перепончатородное тело и даже не задумывался о звездах. Правда, Хипподи не знал, можно ли веселиться в Пирамиде духов. Там, наверное, всегда чувствуется присутствие потерянных человеческих душ, ведь перед тем как продать раба, его на час вталкивали в Пирамиду.

Дерево печали. И дерево радости. Они растут в вечной тьме, им не надо света, они питаются тьмой, поэтому имеют однозначные свойства. Если пожевать листочек с дерева печали, даже просто лизнуть ладонь, на которой лежал листочек, солнце тускнеет, жара становится гуще, кровь пульсирует в висках, размывая очертания видимого, а сам человек

горько плачет и долго не может прийти в себя. А если пожевать листок с дерева радости, даже просто лизнуть палец, прикасавшийся к листве, человек ликует и впадает в детство, все тащит в рот и умирает от противоречий. Хипподи не раз видел рыжего горбуша, жившего на берегу, напротив руин общественных бань. Ходили слухи, что этот горбун однажды полностью сжевал небольшой листок с дерева радости: скоро он сильно помолодел – стал огненным, румяным, ни одна морщинка не пересекала молодой низкий лоб. Все равно чувствовалось, что он скоро умрет.

Мир неустойчив.

Дымят и рушатся горы.

С моря приходит большая волна.

Жидкий огненный камень течет по склонам.

В общем-то Хипподи понимал, почему бог Шамаш, Хранитель бездны, всегда так сосредоточен. Хорошее настроение удержать трудно. Плохое настроение тоже никогда не бывает ровным. В бликах, в морских ломающихся отблесках очертания даже очень крупных предметов расплываются, а Шамаш должен видеть всё в деталях. Среди многого он видит меня, думал Хипподи с удовлетворением. Он видит, что я лежу под колючим кактусом в зарослях нежного мышиного горошка и собираюсь прямо сейчас запустить руку в черное вентиляционное отверстие Пирамиды – по самый локоть. Злые духи сильно теряются, когда к ним суешь руку. Сейчас я сушу руку в самое начало мира, счастливо думал Хипподи, и выловлю из древней тьмы мелкий клейкий листочек и потом долго буду лежать на теплой траве, смотреть на мерцающее море и принюхиваться. Если через час я заплачу от невыносимой тоски по своим таким чудесным недоступным рабам – по белому и по черному, значит, моя рука выловила листок с дерева печали. Этим Хранитель бездны безмолвно предупреждает: даже впад в печаль, не забывай, закопай остатки листочка, засыпь надёжно камнями, чтобы ни один зверь не выкопал, не вынюхал, чтобы даже мохнатый, мочась на каменный сапог, не подобрал бы валяющийся на земле листочек. Многие печали и без того сотрясают мир, хотя, при сильном желании, и печаль можно направлять в нужную сторону.

Скажем, в сторону чужих трирем.

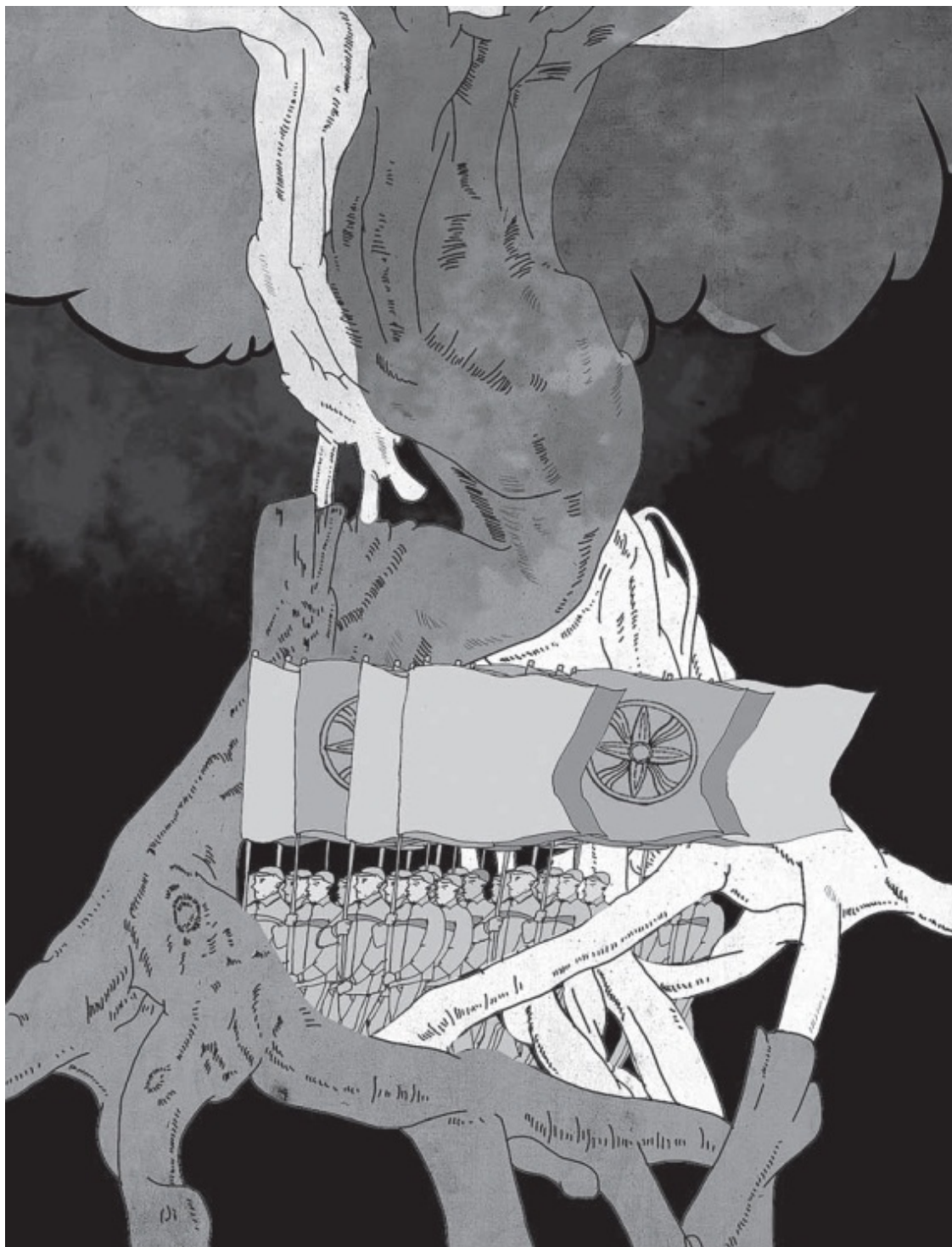
Для этого клейкий листочек с дерева печали нужно мягко размять медным пестиком и замешать в тесте для большого пирога. И отправить выпеченный пирог на триремы победителей. «Мы трепещем!» – будет означать этот знак. «Приходите и владейте нами!» – будет означать этот знак. «Приходите и владейте нашими островами – до самого севера, до сумеречного мира льдов. Владейте нашими женщинами – от уже рожавших до самых юных. И нашими рептилиями – до самых опасных. И нашими мохнатыми – до самых тупых! Берите наших детей – воспитывайте их нашими врагами». Если знак будет понят правильно, пирог съедят кормчие и вожди флота победителей. И надсмотрщики начнут весело хлопать бичами, а гребцы вскрикивать, а боевые дудки прокричат очередной, последний, приказ войти в бухту.

Но победители никогда не поднимутся на причалы островной столицы.

Уже приготовившись, кормчие и вожди вдруг заплачут, увидев свои отчетливые отражения в медных кофейниках. Они поднимут головы и будут потрясенно разглядывать величественные массивы черного вулкана, где каждая трещина набита, как колючими насекомыми, зелеными кактусами. Все кормчие и вожди победителей занемогут черной печалью, такой же черной, как вечная тьма Пирамиды духов, и тогда катапульти аталов снова выплеснут на триремы победителей всё, что было исторгнуто из их отчаявшихся желудков с помощью тухлых морских ежей и лежалых морских мидий. И позор флота победителей увеличится во много раз, и нельзя будет дышать в опоганенных трюмах, и даже на палубах некоторые ослепнут – от зловония.

Я хитрый, подумал Хипподи, коснувшись клейкого листочка кончиком языка.

Я постигаю многое, умно подумал Хипподи. И еще раз провел кончиком языка по нежным, едва заметным прожилкам. Хранитель бездны благоволит мне. Это ничего, что земля снова и снова содрогается. Это ничего, что ночью мохнатые снова приходили и обильно мочились на каменный сапог Шамаша. В конце концов, в пирог можно запечь и размятый листочек с дерева радости. Тогда кормчие и вожди победителей будут радостно смеяться, глядя на свои отчетливые отражения в медных кофейниках, неистово радоваться восходу солнца над островом, потеть, молодея с каждым часом, с гуканьем и писком требовать грудь кормилицы. И если серые триремы все же войдут в бухту, катапульты обрушат на победителей новую порцию глиняных горшков с говном, активно продуцированным из лежалых мидий и тухлых морских ежей.

Лишь бы не подвели гончары.

Листочки в Пирамиде на ощупь были влажные и холодные. Да и какими они могут быть, если корни древних деревьев сосут только холод и тьму, ничего больше. Правда, из этих тьмы и холода с огромной силой выявляются радости и печали, как при вспышках взлетающего металлического яйца вдруг выявляются полуразрушенные стены Полигона. Год назад жрец Таху в присутствии самого Хранителя бездны твердо пообещал: «Если ты, Хипподи, доставишь нам белый порошок еллы, который сыпется, как песок, но сохраняет приданные ему формы, ты получишь двух рабов. И белого, и черного. Обоих сразу. Приведи в Большой храм критянина, обещавшего порошок еллы. Этот порошок насквозь прожигает ладони, и светится в темноте. Когда мы смешиваем порошок еллы с нашими веществами, мы получаем новую силу для летающих машин. Нам нужна новая сила. А ты, Хипподи, получишь сразу двух рабов – черного и белого. И у обоих будет душа, как ты хочешь. Ты мог бы и сэкономить – купить раба-скамеечку без души, но кто знает, как поведет себя раб-скамеечка, совсем утерев чувства. Уж лучше переплатить. Тогда можно неторопливо вести с рабами разные беседы, спрашивать, например, кем они были в прежнем свободном мире. Правда, в этом каких-то особенных тайн нет. Черный, наверное, сидел на пальме и ел фрукты, а белый – обрабатывал посевы и задумывался над будущим. Никаких особенных тайн. Это в нашем мире все перепутано, как ветки деревьев радости и печали. Имея двух рабов, Хипподи можно мирно проводить время на площадке Большого храма, гулять по набережной. А еще мы критянина тебе отдадим. У критянина черные глаза, как оливки, поэтому за ним нужен особый присмотр: кто знает, не соответствует ли цвет души цвету глаз? Хотя почему у черного человека душа непременно черная?»

Листочек маленький, клейкий, неизвестно, с какого дерева.

Можно, конечно, спуститься вниз и войти в Пирамиду духов.

Там первичная тьма, в которой свет еще даже не создан. Осторожно ощупывая стволы деревьев, можно понять, наверное, какое из них ввергает в печаль, а какое веселит, – но вдруг во тьме закричит ночная пужанка? Даже свободные люди обмирают от ее кричания. Неизвестно, что ночная пужанка делает в вечной тьме, может, тьма ее и порождает, но кому вообще известно, что мы делаем в этом мире, все время умножаемом на четыре, и почему Хранитель бездны смотрит только в море?

«Я – вчера. Я знаю завтрашний день».

Хипподи радовался. Он сладко всем языком провел по клейкому листочку, чувствуя легкое электрическое покалывание, а потом осторожно наклеил листок на камень в глубокой трещине, куда даже мохнатые не догадываются заглянуть, а зверям там делать нечего. Разве что рептилия или ночная мышь заберутся. Но зачем рептилии или ночной мыши радость или печаль? В их смутной жизни и без того все слишком смутно, и они никогда не знают, весело им или грустно.

Хипподи прислушался.

По тропинке явно взбирался человек.

Пахло крепким потом, больше ничем, значит, человек явился не с трирем.

Да и всех одежд на человеке было – тонкий плащ, который носят критяне. В такую жару проще взбираться по узким тропинкам в набедренной повязке и в головном платке, но этот забросил полу белого тонкого плаща за левое плечо и громко сопел от прилагаемых усилий. Он ничего не видел, не чувствовал, он только торопился. И, пропустив его, Хипподи угрожающе произнес: «Не оборачивайся! Молчи!»

Пришелец остановился: «Почему нельзя?»

«Если обернешься, я ударю тебя ножом».

«Разве мы встречались? Я тебя знаю?»

«Есть у тебя оружие?»

«Критский нож».

Хипподи нисколько не боялся пришельца.

Он даже спросил: «Ты любишь отвечать на вопросы?»

Пришелец ответил: «Нет».

«Тогда стой, где стоишь, – разрешил Хипподи. – Если обернешься, у тебя пропадет голос, отнимутся ноги, ты будешь проклят всеми богами, а великий бог Шамаш, Хранитель бездны, доведет тебя до полного разора и безумия, если у тебя есть что терять, и если у тебя есть ум».

«Ты – Хипподи», – произнес пришелец.

И обернулся. Поборол страх. И влажные его глаза блеснули: «Я обещал придти. И пришел. Но очень устал. Дашь мне лизнуть палец?»

«Лизни», – важно, но без жадности разрешил Хипподи.

Он видел, что критянин испуган, что он устал, и знал, что сейчас критянин отойдет.

Сейчас критянин отойдет от усталости и испуга, потому что дерево радости, в отличие от дерева печали, действует стремительно. Критянин шел к нему, к Хипподи, значит, белый порошок еллы доставлен и лежит на его судне. Наверное, критянин торопился, потому что любил вкус листков с дерева веселья. Зрачки Хипподи от веселья сразу расширились. Ни один бог не создавал мир таким красивым, как Шамаш. Хипподи сейчас видел многое. Другие боги рождаются из воздуха и огня, им никогда не стать Хранителями бездны. Они могут сиять, как серебристые облака на закате, гореть, как пламя изрыгающего жидкий камень вулкана, но мир, созданный Шамашем, всегда богаче. Глаза Хипподи поблескивали, как обсидиановое стекло – вулканический выплав. Он видел мирные, встающие над бухтой дворцы и чудесные расхождения акведуков. Тенистые деревья выбегали из почвы, вновь и вновь делились на четыре, радостно шумели кронами в будущем. Бог Шамаш выковал мир из тьмы, из ничего, из отсутствия света. Вот была одна тьма, а он раздул свет. И заставил мир ветвиться. Всегда на четыре. А то, что корни любых растений всегда во тьме, в почве, в самом сердце тьмы, – это только придает миру красок.

Наверное, так думал и критянин.

Он дважды лизнул пальцы Хипподи.

Потом глубоко и расслабленно вздохнул.

«Какое твоё состояние?» – доброжелательно спросил Хипподи.

Он мог и не спрашивать, такое хорошее было у них состояние. Вот красивая бухта, красивые дымки над руинами, у берега мачты затонувшей галеры, а на рейде – короткие мачты еще не затонувших.

«Но они вновь подойдут, когда проветрятся...»

«Но у аталов еще есть горшки. У них много горшков...»

Ни Хипподи, ни критянин ни о чем друг друга не спрашивали.

Они только отвечали, потому что все вопросы были растворены в жарком воздухе.

«Все так и будет, как мы говорим», – кивнул Хипподи, в голове которого роилось множество вариантов правильного ответа на любой вопрос. И, важно помолчав, дал понять критянину, что дело не в трусости и не в усталости. Если гончары подведут, если не подействуют еще раз тухлые морские ежи и лежалые мидии, кормчие и вожди победителей, конечно, поднимутся в Большой Храм, и там Главный жрец встретит их, вытянув перед собой руки в звонких браслетах из бронзы и орихалка. Для морских народов это особый знак. Они так считают, что если целовать руки Главному жрецу побежденных, то богу Шамашу это угодно, бог Шамаш признает их победу и позволит делать с глупыми аталами все, что угодно. Так принято. Сперва победители целуют руки Главному жрецу побежденных, а потом подвергают его сильному унижению. Если Шамаш молчит, значит, разрешает. Тогда и с него можно будет сорвать затасканное каменное галифе.

Критянин кивнул ответно.

Пот на его лбу высох. Всё так и будет.

Конечно, кормчие и вожди будут целовать руки Главного жреца. Они ведь не знают, что руки Главного жреца по локоть нежно умащены: одна – соком из листьев дерева печали, другая – соком из листьев дерева радости. И воинственные отряды пришельцев, стоя перед храмовой площадкой, увидев, как их кормчие и вожди целуют руки Главному жрецу побежденных, чтобы поскорее со всем этим покончить, грозно и торжествующе ударят копьями в камни под ногами.

И тогда кормчие и вожди обернутся.

И одни возденут руки к грозным низким закопченным небесам страны аталов, а другие в ужасе упадут на колени. И безумные бессвязные слова начнут смягчать ожесточившееся сердце Шамаша.

Лишь бы не подвели гончары.

«Почему так много дыма везде?» – посмотрел на гору критянин.

«Лучше дышать дымом, чем запахом из глиняных горшков, которыми мы недавно закидали триремы, – со значением заметил Хипподи. И добавил: – Хочу получить то, о чем мы говорили на этом месте год назад...»

«Ты получишь желаемое...»

Никто не задавал вопросов. Зачем задавать вопросы? Дерево радости высветляет ум. Зачем вопросы, если все они заданы Шамашем еще тогда, когда корень у двух деревьев был один?

«Если ты, Хипподи, передашь мне то, о чем мы здесь говорили год назад, то в придачу к твоим двум рабам ты еще получишь от меня обезьяну...»

«Нет, обезьяну я не возьму. У нее нет души...».

«Этого никто не знает, – вкрадчиво ответил хитрый критянин. Наверное, неведомая Хипподи обезьяна его достала. – Если у кого-то нет души, ее можно нарастить. У меня красивая гибкая обезьяна. Когда впервые ее увидел, подумал – это дурная женщина так трещит. Но ты знаешь, Хипподи, даже дурной женщине можно нарастить душу...»

Хипподи был доволен. Он оказался хитрей хитрого критянина.

Очень скоро он получит искомый порошок и передаст его жрецу Таху.

Белый порошок еллы сыпется как песок, но сохраняет приданную ему форму. Он насквозь прожигает ладони и светится в темноте. Я буду гулять по набережной с двумя рабами – с черным и белым. Триремы грозные, но на них сейчас плохо и страшно пахнет. Не надо им входить в бухту. Наши рабы жуют лежалые мидии, они питаются морскими ежами. У них теперь одна военная работа – заполнять глиняные горшки. А вот я получу двух рабов – белого и черного, без имен. Зачем имена? Просто раб-носильщик и раб-скамеечка. Мир гармоничен. Пока бог Шамаш не скинет с ног сапоги, чтобы проветрить потные ноги, можно всей грудью вдыхать восторги этого мира, потому что никто, кроме него, Хипподи, так глубоко не запускает руку в самое нутро Пирамиды – в начало мира, в его исходную тьму.

Они поднялись, и Хипподи пошел впереди, указывая дорогу.

Он не оборачивался, не давал советов, потому что и без того знал, что критянин время от времени проводит языком по своей руке, там, где ее недавно пожимала рука Хипподи. Черное ущелье открылось с узкой тропинки. Поджаренные, черные, почти угольные камни, вывернутые, разбитые на куски, выброшенные ужасными взрывами, сорвавшиеся, сползшие с мертвых горячих склонов. А в провалах – плоские лепешки и чудовищные колючки кактусов, их зеленые шары, ошетилившиеся колючей смертью. Разрушенная столица лежала внизу. Бессмысленно бегали среди руин люди. А наверху, за растрескавшейся стеной Полигона, с воем и грохотом вдруг взлетело металлическое яйцо. На мгновение оно как бы замед-

лило ход, как бы зависло в воздухе, испуская из нижней части, оканчивающейся узким горлом, пучок яростного огня.

Но мгновение – и нет ничего. Только ветер сносит облако дыма к морю.

Выжженная земля, запах серы, жара плотная, липкая. В черном ужасе подрагивающего ущелья замерли кактусы. Чудовищные шары, мясистые лепешки, скрученные змеи-колючки. Ветвящиеся, круглые, рогатые, страшные. Такие полчища не забросаешь глиняными горшками. И черную огненную гору не усмиришь, хотя она бьется, как выброшенная на берег рыба.

Они поднялись на храмовую площадку.

Среди востроносых каменных голов и длинных ваз, упавших и все еще стоявших между каменными колоннами, злобно уставилась на критянина каменная женщина со всклокоченными волосами и свирепым, неправильным лицом. Острые груди торчали в стороны.

«Я боюсь...»

Но соки дерева радости уже взялись, уже обжигали сердце.

«Это хорошо. Это очень хорошо, – думал Хипподи. – Скоро жрец Таху отдаст мне критянина вместе с двумя рабами...»

А критянин думал: «Это хорошо, всё хорошо. Белый порошок еллы отняли у меня морские народы, но Хипподи этого не знает. На подходе к столице аталов морские народы отняли у меня людей, судно и белый порошок еллы. Хипподи этого не знает. Он не должен этого знать. Он не знает, что я поклялся победителям доставить на триремы вещество, заставляющее прыгать над склонами горы тяжелые металлические яйца. Если я выманю у Хипподи и его жреца такое вещество, победители вернут мне моих людей и мое судно, а с судном и неведомый им порошок еллы, и они позволят взять мне в Кафе столько золота и орихалка, сколько я могу унести. Я раскую всех гребцов, хорошо покормлю их, они сильные, они унесут много. Ради такого я открою ворота Кафы, хотя они повалены. За это морские народы вернут мне судно и отпустят с почестями. А если удастся каким-то образом, но тайно, передать Хипподи белый порошок еллы, который мне вернут, то и Главный жрец аталов проявит милость. Нет вариантов, в которых я проигрываю», – торжествующе думал критянин.

А Хипподи думал: «Хранитель бездны знает всё. Его волей наш мир никогда не сходит с означенного круга. Я, Хипподи, передам жрецу Таху белый порошок еллы и получу своих рабов. Обязательно черного, и обязательно белого. Глупый критянин, мнящий себя хитрым, отдаст мне белый порошок еллы. Может, я тоже передам ему немного того вещества, которое заставляет подпрыгивать над землей тяжелое металлическое яйцо. В любом случае жрец Таху отдаст мне критянина. Нет вариантов, в которых я проигрываю», – счастливо думал Хипподи.

А хитрый критянин думал: «Грубый бог в каменных сапогах не может управлять всем миром. Я получу свое судно и своих людей. Я возьму многие мешки с золотом, и один отдельный мешок понесет глупый Хипподи, которого мне отдаст Главный жрец или которого мне отдадут победители. Я вывезу Хипподи в сторону Египта. Я буду ласков с ним и продам его на рынке рабов. Пусть поживет в незнакомой стране, глупый синий человек, привыкший к своему страшному острову. Там, на краю света, любят слушать людей, ничего не понимающих в местной жизни...»

В сумеречном море светились факелы на опозоренном флоте.

«Много радостей рассыпано среди опасностей жизни...» – думал критянин.

А Хипподи думал: «Много радости дарит мир, если ты послушен Хранителю бездны...»

Лишь бы не подвели гончары».

Времена фараонов

1

Крыши бревенчатых бараков ОЛП «Золотистый» прогнулись под тяжелыми завалами снега. Лиственницы в беспорядке – тонкие, маломощные – затаились, ждали лютых пуржливых ветров, выламывающих все их сухие суставы. Костлявый капитан НКВД в полушубке и в фетровых сапогах, с кобурой на поясе под оттопыренной правой рукой, коротко приказал, и конвойные в форме, в фуражках с красными верхами и синими околышами споро провели лейтенанта Рахимова в инвалидный барак. Фитиль-доходяга на ближних нарах даже не попытался встать, как привалился плоской спиной к стене, так и сидел, привалившись к стене.

Трудно из соцвреда сделать человека полезного.

Каэры из Москвы, каэры из Мурманска, повстанцы с Дона, каэры из Красноярска, воры и налетчики из Киева, зеленые из тамбовских мест, муллы из Актюбинска, кулаки из-под Воронежа... Бороды, усы, лысины, потные низкие лбы, в которых и трех пядей не угадывалось... Не «Букварь для взрослых» – отдельный лагерный пункт... Не «Загадки жизни», не «Опыты с мозговыми лучами» – сама жизнь... Вдруг вспомнилась, поднялась со дня памяти цыганка с Литейного, в двадцать первом задержанная патрулем... Цыганка кричала, клялась, что никому не гадает, ничем не спекулирует. У нее и нет совсем ничего, показывала цыганка пустые хищные руки, размахивала пестрыми юбками. Кажется, патруль, ребята молодые, не из города, верил, посмеивался, а голодному чумазому пацану Стахану в подворотне так и хотелось крикнуть, что врет, врет она, врет гадалка-спекулянтка, сука пестрая, вы под юбки ее загляните, чего там есть, но тут появился пожилой, мосластый, повидавший жизнь цыган. Он по-своему полопотал с пестрой бабой, потом по-русски пересказал насторожившимся патрульным, что он думал. А думал он так: это – хорошая цыганка, он ее знает. Даже показал свои руки, что вот он сам какой – дворником работает. Почти пролетарий. Цыганка тоже начала новую жизнь, вышла на Литейный, что ж теперь гнать ее? Она знает, что гадать можно только буржуйам и буржуйкам. Простые люди всякой этой мистике (цыган произнес более простое слово) не верят, а толстых недобитых буржеек чего ж не пугать? Ну да, всё так. Патрульные покуривали, похохатывали, пускали махорочный дым. Смешно, конечно, когда такая страшила, но социально близкая, гадает нежной барыньке, культурной сучке, хватает ее за чистенькую тоненькую ручку. О таких солдатиках-дураках в Инструкции товарища наркома позже чисто укажут: слабаки, вырожденцы, после первого стаканчика спирта теряют контроль над собой. Когда мы выкорчем последних вражин, тяжело посмотрел лейтенант на сжавшегося под его взглядом каэра, останутся только красивые люди, а органы НКВД сами по себе переродятся из карающего в управляющий инструмент. Никакого нервного тика, никаких кривых ртов, только добрая улыбка и простая приветливость. Никакого косоглазия, только добрые понимающие глаза. И уж тем более никаких этих хитрых хронических мигреней, только физкультура, от которой все ходят подтянутые, не горбясь...

Отгоняя видения, глянула с нижних нар еще одна заросшая волосами морда.

Тусклые мутные глаза, как у прошлогоднего животного, нечесанные грязные волосы.

Человек-контра, крошечный враг семи пядей во лбу смотрел на лейтенанта Стахана Рахимова из-под грязной копны, как из гнезда, вшивый, наказанный за то зло, которое успел причинить рабоче-крестьянской массе.

– Их тут выводят гулять?

– Только по специальному разрешению.

Лейтенант Рахимов удовлетворенно кивнул. В лефортовской тюрьме подследственных из общей камеры тоже выводили по специальному разрешению. Стучать в дверь строго воспрещалось. Он еще раз потянул носом. Еще при утреннем разводе подследственным следовало заявить, когда им потребуется в туалет, но кто может знать, как поведет себя днем желудок? Тогда к тем, кто днем устраивал беспорядок, входили дежурные с каучуковыми палками. Их, конечно, слушались: руками убирали с пола то, чего уже не держал желудок...

Глаза, наконец, привыкли к сумеречности барака.

Дальний проход завален лозой. Такие же пучки, некоторые уже пересохли, свалены в другом проходе, более узком, а готовые корзины страшной, вылезшей из дурного сна решеткой громоздятся у деревянных дверей. Лопнувшие тонкие прутья – как сломанные ребра. А как иначе? Тут не синема. Тут расплачиваются за неправильное прошлое. Каэры, бывшие беляки, меньшевики, антоновцы, соколы Троцкого, предатели. Они всякое видели, всякое знали, пили-ели, опыты с мозговыми лучами ставили, а теперь один уже слова человеческие подзабыл, а другой туманно и страшно таращится из-под собственного горба. Не зря когда-то Петр Великий запрещал рыжим, косым, горбатым давать свидетельские показания в судах, беспощадно выбрасывал из жизни слепых, глухих, непонимающих – правильно запрещал. Зло выбирает самые изощренные личины, это в органах знают.

– Номер?

З/к ответил.

Человек-животное смотрел на лейтенанта Рахимова с нижних нар – тяжелый, негибкий, серый, будто из него, как из пазов барака, тоже лез седой мох. Падаль, отступник, иначе не скажешь. Странно, что давно и навсегда пронумерованные, эти бывшие все еще втайне помнят свои имена. Сам по себе з/к Полгар мало интересовал лейтенанта. Самый обыкновенный рассадник вшей и болезней, вонючее вместилище зла, других определений быть не могло. А давно ли этот самый Полгар уверенно входил в чистенький оштукатуренный домик на Охте, с вниманием рассматривал царицу из тяжелого металла, листал рукописи и книжки. «Сорок дней и сорок ночей падали на Туму сыны неба. Звезда Талцетл всходила после вечерней зари и горела необыкновенным светом, как злой глаз...» Обсуждая такое, пили крепкий, вкусный чай, постукивали пальцами по краю стола, красиво задумывались («опыты с мозговыми лучами»), забыв про голодных беспризорников на ледяных улицах, про голод страны, про опасность окружения, на полном серьезе вели очередной протокол «Общества для переброски боевого отряда на планету Марс в целях спасения остатков его трудящегося населения». Неясно, почему остатки этого трудящегося населения сами не возьмут в руки косы и топоры...

В Инструкции, впрочем, все оговорено.

«Умственные силы обычно составляют единственную сильную сторону духовного наследия человека, посредством которого субъект разрешает для себя все жизненные вопросы и даже такие, которые малодоступны умственному анализу и обыкновенно разрешаются у нормальных людей при участии чувства как более тонкого орудия – нравственности, долга, совести...».

Рот у з/к Полгара оказался маленький, жалкий, как у пиявки. И сам он безвольно распух, вывалил бока, как оставленный догнивать сарай. В домике-то на Охте у инженера Лося, наверное, всё было не так – подтянутый, сытый, улыбался приятно, делал плавные жесты, покончив с протоколами, брал хорошее москвошвеевское пальто из шкапа, прощался, бросал в корзину мятый листок. «Если ты, Хипподи, доставишь белый порошок еллы, который сыпется, как песок, но сохраняет приданные ему формы, ты получишь двух рабов». Чепуху люди пишут. Никак без рабов им не обойтись. Вот пухлый весь от водянки, раздутая вонючая развалина, а и сейчас, наверное, сочиняет что-то про существование эфира – тончайшей, наполняющей всю вселенную среды. «Рабы не мы». А раньше со всею смелостью

утверждал, что свободная наука (чья?) обязательно установит связи (какие?) между колебаниями солнечной деятельности и крупными событиями общественной жизни (какими?). Впрочем, люди врут, врут, они всегда врут. Николай Иванович прав. Секретная Инструкция что нам говорит? А секретная Инструкция нам говорит, что именно внутренняя дисгармония в соединении со слабым развитием нравственной жизни делает невозможным как индивидуальное усовершенствование, так и достижение высших целей жизни. Лейтенант каждое слово помнил. Нравственная жизнь подобных субъектов с течением времени начинает двигаться не вперед, как следовало бы по законам развития, а исключительно назад. Это приводит к разочарованиям, к утрате радости, к моральному одряхлению, к идеям сплошного эфира и, понятно, влияния солнечных взрывов на человеческую судьбу. Распадается план реальной жизни, и она превращается в нравственную случайность...

(Окончание в следующем номере)

ОКСАНА РОМАНОВА

Как я провела выходные

Рассказ¹

В пятницу Федька повесился. Это он не по обиде, а по собственной дурости сделал: решил проверить, на самом деле шея сломается или нет. Так и болтался в петле до вечера, пока дядя Толя не пошел в сарай за дизелем. Ну, дядя Толя, конечно, позвал бабушку. Та пришла и долго ругалась на Федьку. Сказала, раз он такой болван, пусть и остается висеть до утра, авось чему научится. Федька, конечно, хотел возразить, да ему веревка горло пере-давила. А когда он сообразил и начал реветь, бабуля уже ушла.

Я, если честно, поверила бабушке и поэтому не поленилась сбегать в погреб за краской. Как Федька ни отбивался, а я ему руки-ноги в синьку окунула и еще на пузе успела половину слова «дурак» написать. А потом дядя Толя Федьку решил снять – он вообще добрый. Я сразу деру дала, только братец бежит быстрее, даже со свернутой шеей. Ох, навалил он мне тогда! Шесть зубов и глаз выбил. А потом пошел на речку мыться.

Чего-то мне неудобно было на ужин без глаза идти, и я решила посидеть пока на чердаке у Доктора. Там тепло, уютно и никто не сунется. Доктор, когда узнал, что я к нему на чердак лазаю, даже лампу мне подарил: пусть, говорит, там будет, все равно и мне пригодится. Но только он сам туда не ходит, только иногда Жменю присылает пыль убирать. А в пятницу Жменя чистит подвал, так что я сидела совсем одна.

Глаз нарастает быстро, не то что зубы. Я даже подумала, что если зубы с костями растут одинаково, то Федька будет ужинать с головой набекрень, а мне придется есть кашу. Может, вообще не ходить тогда? Но бабуля кричать будет. Ладно, вот начну видеть левым глазом и тогда пойду домой. А пока я взяла посмотреть старые книжки – их тут целые кучи.

У меня уже набрались любимые, с картинками про зверюшек. Особенно мне нравится скелет лошади, он такой красивый! Я всегда хотела лошадку, но бабуля сказала, что только через ее труп, а у нее следующая смерть еще не скоро, через два года, когда папа вернется. А когда я спросила, можно ли через мой труп, бабуля долго смеялась. Она думает, что раз я хожу только в первую группу, то умирать еще не научилась. А я уже почти умею, честно!

Вот, пока я эти картинки смотрела, Доктор домой пришел. И не один, а с кем-то чужим, не из нашей деревни. Я такого голоса еще никогда не слышала. И Доктор этому гостю говорит: смотрите, только никому не рассказывайте! Говорит, незаконная эта назия, все материалы и приборы могут отнять и права на смерть лишат. А второй ему отвечает: не беспокойтесь, я сам заинтересованная сторона, надоело уже танатальные налоги платить. Доктор засмеялся, такой довольный сразу стал, и договорился с тем мужиком на завтра. Сказал, завтра спокойно умрете, и целый месяц о вас никто знать не будет.

Тут я решила, что глаз у меня совсем прошел. Поэтому спустилась с чердака и побежала ужинать, пока Федька все не слопал. Бабуля сразу увидела, что у меня зубов не хватает, и брата отругала. Хотя он все равно синьку до конца не отмыл, поэтому я все равно что отомстила. Поэтому мы были квиты и помирились.

Ночью я ему рассказала про Доктора и чужого дядьку. Федька обрадовался и сказал, что, наверное, у них есть машина смерти, чтобы по-настоящему умирать можно было. И спрашивает: ты покойника видела? Ну, я когда книжки на чердаке глядела, там были нари-

---

¹ Если человек талантлив, он талантлив во всем. Оксана Романова была мне известна как художник, иллюстратор фантастики. И вдруг она появляется на мастер-классе со своим рассказом. Оказывается, рассказ не первый, но прежде автор просто стеснялась показывать пробы пера. И проба пера оказалась такой, что ведущие мастер-класса Евгений Лукин и Святослав Логинов дружно решили, что рассказ нужно не разбирать по косточкам, а немедленно печатать. С. Логинов

сованы всякие потрошенные люди, уж наверное их не живьем резали. Поэтому я сказала, что видела и не один раз. Федька сразу разозлился, стал кричать, что это я все вру, а я не врала вовсе. Мы чуть обратно не поругались. Потом я ему объяснила, как все на самом деле, и братец тоже захотел книжки посмотреть. Я сначала его на чердак пускать не хотела – это же моя тайная нора! – а потом решила, что за это он меня с собой возьмет, когда будет прыгать в заброшенную шахту из-под ракеты. Так мы и договорились.

Прямо ночью и пошли, все равно на чердаке есть лампа. Главное, ходить там потихонечку, чтобы половицы не скрипели, а то Доктор проснется. Федька книги как увидел, так и обалдел совсем. Я ему хотела любимую показать, а он про животных смотреть не захотел и сразу ухватил про людей. Нашел там картинки с голыми тетеньками и застрял. А мне так скучно стало: спать неохота, домой идти тоже не интересно, с Федькой не поболтать... Я ходила-ходила, да и спустилась вниз. Захотела машину поглядеть, про которую братец врал. У Доктора дверь единственная в нашей деревне, которая закрывается, а я маленькая, я через подвал к нему залезала. Жменя сначала сердилась, а потом поняла, что хозяин мне разрешил приходить, и успокоилась.

Она и сейчас тут в уголочке стояла, только диодки подмигивали. Я ей помахала, она тоже свою лапу подняла, а потом опять отключилась. Наверное, ее зарядить забыли. Я бы могла ейкумулятор из нашего сарая притащить, только он очень тяжелый. Поэтому я Жменю оставила стоять, а сама в дом пошла.

Там в большой комнате у Доктора сразу кухня и едальня, очень удобно – за чайником бегать не надо. А вот где у нас кухня, у него мастерская сделана. Я сразу туда направилась, потому что куда еще машину ставить?

Комната здесь большая, ее Доктор удлинил, когда стенку в хлев прорезал. Он ведь коров не держит, только собак, кроликов и трех свинок. А мне крольчатина не нравится, ведь когда кусочек вырезаешь, кролик так дерется задними лапами, что потом дырки целый час зарастают. И вообще, пока мясо со всех костей у него обберешь, намучаешься – он такой маленький! Но зато и восстанавливается быстрее меня: его в клетку сунешь, а он уже обратно мясом затягивается. Если бы не бабуля, я бы вообще этих кроликов выбросила – противные они.

А Доктор их не ест, держит для опытов. И собак тоже. Про поросят не знаю, не видела. Доктор свой хлев вивариум называет, тут у него чистенько, и клетки для всех специальные сделаны, с водяным стоком. Между комнатой и хлевом он прозрачную занавеску повесил, только через нее все равно все видно.

Вот, а в той половине, которая мастерская, там все машинки собраны. Доктору вся деревня свои механизмы тащит на починку. Сейчас он там стол разложил, белый и красивый, продел его в три специальных колечка с диодиками и проводками и к компе подключил. Компа у Доктора большая, темно-коричневая, как наша Зорька, но не разговаривает, и детских кнопок на ней нету. У нас в школе Сима Левовна показывала, как на нашу страничку попадать, где форум, – просто на детскую кнопку жми, и сразу там. А на взрослой компе нужно все буквами набирать, это неудобно, но иногда приходится, потому что у дяди Толи тоже на компе детских кнопок нет, а на выходных меня на форум только он пускает.

Я подумала, сейчас хотя и ночь, но может, хотя бы Зинка Бот на форуме есть. Федька говорит, она – это программа, ей из компы никуда не деться. А я знаю, что она тоже иногда уходит. Если три раза подряд быстро-быстро нажать кнопку со звездочкой, то Зинка из списка гостей форума исчезнет. Я так часто делаю, чтобы она пошла отдохнуть. Но по пятницам мне ужасно скучно, и хотя уже, наверное, настала суббота, я все равно решила с Зинкой поболтать. Компа была включена, поэтому я сразу стала набирать название форума. А машина мне и пишет: ты кто такая? Я сказала, что Вика, но у нее внешнее ухо не работало, поэтому пришлось тоже печатать. Компа мне сказала, что имя неправильное. Я обиделась –

я не маленькая, писать умею! Стала с компой ругаться – она мне все талдычит, что имя не мое, а я ей в ответ всякие обидные слова печатаю, чтобы знала, как меня обижать!

Компа первая сдалась, она столько слов не знает. Меня ведь Федька учил. В общем, пропустила она меня. А форум у нее был какой-то странный, на наш школьный не похожий, но Зинка Бот там тоже сидела. Я ей сразу говорю: привет, Зинка! Она так обрадовалась, давно тебя не слышала, мол, как дела? А я ей: Зинка, чего ты тут делаешь, пошли лучше на школьный форум общаться. Она мне и отвечает: на самом деле, говорит, я сразу и там, и тут. Просто когда Доктора попросили для школы Бота написать, он Зинку придумал и себе тоже копию сделал, чтобы было с кем поговорить по работе. Я ей сказала: ты разве понимаешь, про что он говорит? Зинка засмеялась, целую строчку смайликов сделала, и говорит: конечно, понимаю, он же все свои изобретения в компе держит, а я как бы тоже кусок компы.

Ну, мы так болтали с полчаса, потом я про машину спросила: правда, что Доктор сделал секретную убивалку? Зинка долго молчала, я даже чуть не рассердилась, но вспомнила, как Сима Левовна нам рассказывала, какие кнопки можно нажать, чтобы Зинка снова заговорила. Я все сделала, как учили, Зинка опять стала писать мне. Хотя, кажется, она немного расстроилась, потому что сначала меня наругала, сказала: нехорошо про чужие тайны выведывать. И еще сказала, что если бы Доктор на своей компе настройки поменял, то никакие глупые девчонки бы про его секреты не узнали, а так он сам виноват, а она нет.

В общем, рассказала она мне про убивалку. Оказывается, Доктор сделал эту машину совсем недавно, когда его другу из города отказали в очередной смерти, и тот от горя спятил. Тогда Доктор и решил, что можно будет собрать домашнюю убивалку, раз городские не справляются. Зинка сказала, что он придумал какой-то другой способ, про который еще никто не знает. Доктор придумал, как оглушить няню-вируса, который нас обратно восстанавливает, почти на месяц. Городские машины смерти, они огромные и могут убить на три года, но там такая очередь стоит! И танатехники животных не берут, хотя многие очень просят, чтобы любимая собачка снова была нормальная, а не ходячие кости. А в домашнюю убивалку можно даже лошадку запихнуть.

Потом Зинка мне показала няню-вируса на экранчике. Он, оказывается, тоже машинка, только совсем-совсем крошечная и не из пластика, а белковая. Его когда сделали, держали сначала только в больницах, чтобы раны быстро вылечивать, а он стал быстро умножаться и поселился во всех людях и животных. Няня-вирус есть теперь у всех с самого рождения, а умирать по-настоящему никому не дает. То есть человек все равно стареет, но живет. Поэтому накопилось очень много дряхлых людей, прежде чем нашли способ временной смерти. Вот если удастся убить кого-нибудь хотя бы на год, его няня-вирус восстанавливает не из старых, испорченных клеток, а делает новые по записи, когда человек был молодой и здоровый. Я еще подумала, что зря Федька пытается умереть – его няня-вирус тогда сделает совсем глупым ребенком. Хотя если так, я буду старшей сестрой, и это здорово!

А еще мне пришла в голову идея: у меня есть Ватрушка, это кошка, она очень старая. И я Зинку спросила, может она для меня Ватрушку убить, хотя бы на месяц? Зинка поворчала, но сказала, что если я никому-никому никогда про машину Доктора не скажу, то может. Я сразу через подвал выбралась и побежала к нам. Ватрушка всегда спит в коровнике, она ждет, когда бабуля утром будет от Зорьки мясо отрезать – тогда и кошке немного дают. Я сразу ее нашла на сене в уголке. Ватрушку уже и держать было неприятно: шерсть стала жесткая, а кости на хребте выпирали. Но я ее все равно отнесла к Доктору в дом.

Зинка мне сказала положить Ватрушку на стол, только кошка лежать не хотела. Я тогда взяла клетку с кроликом, кролика вытряхнула, а Ватрушку вместо него запихала и поставила куда велено. Потом включила кнопки, какие Зинка показала.

Только я про Федьку забыла, а он книжку дочитал и стал меня искать. Он видел, как я с кошкой вернулась, и полез за мной следом. Ага, заорал: я все знаю! А сам ничего не знал, потому что только что пришел. Я ему так и сказала, но он опять разозлился и начал за мной гоняться, чтобы отлупить. Снова выбил мне зуб и поставил синяк на всю щеку. И сказал, что сам будет на кнопки нажимать, потому что я дура. Он начал включать машину, а я ему назло втайную щелкнула по клавише со звездочкой три раза, и Зинка ушла. Федька ее и так звал, и этак, и ругался, и даже компу пнул, но Зинка Бот все равно не вернулась. Тогда он все равно

стал кнопки жать. Смотрю, а машина-то заработала! Все тихонечно так загудело, огоньки замигали, а на компе побежали всякие строчки, только слишком быстро, не прочитаешь.

Федька ко мне повернулся и говорит: ага, дура, думала, я не сушею? И тут мне так обидно стало – почему я все первая узнала, про все с Зинкой договорилась, а Федька пришел на готовенькое? Не думала, что у меня брат такой гад. Я даже заплакала. А потом подумала, что, раз он меня обманул, я ему тоже пакость сделаю. Там на стене были розетки с разными кумуляторами, я один выдернула и пошла в подвал, где Жменя стояла. Поменяла ей кумулятор на заряженный и сказала, чтобы она шла в мастерской прибираться.

Жменя-то Федьку не знала, сразу на него набросилась. А у нее специальная защита встроена, такие молнии вонючие, чтобы крыс гонять. Вот она этими молниями стала Федьку лупить. Как он заметался по всей мастерской! Все перевернул, в стол врезался, локоть расшиб до крови! Я так смеялась, что чуть не лопнула. Потом только услышала, что лестница скрипит, – это Доктор все-таки проснулся. Пришлось Федьку срочно хватать и удирать, даже Ватрушку забыли и стол не выключили.

Дома мы быстро в кровати забрались, сделали вид, что всю ночь тут так и лежали. А потом как-то быстро и на самом деле уснули.

С утра нас бабуля разбудила и повела умываться. Чего-то она меня долго мыла, а потом в лице переменилась и убежала. Вернулась уже с Доктором, а за ними еще полдеревни пришло, и всякий пытался меня за щеку ущипнуть. Только когда я заплакала, они отвязались. А Доктор тихонечко мне сказал, что знает, кто у него ночью по мастерской шарился. Только он не обидится, если я ему скажу все-все, что сделала с его машиной. Я испугалась и сказала, что во всем Федька виноват. А братец на меня стал валить. Мы чуть не подрались, но нас бабулька с Доктором растащили и сказали, чтобы мы больше никогда друг друга не били, потому что вчера ночью в нас няня-вирусы выключились. И теперь все болячки и синяки будут надолго. Мне даже зеркало принесли, чтобы я на свой фингал посмотрела: он такой здоровый стал и фиолетовый! Я сначала решила, что это ужасно, а потом заметила, как взрослые на меня смотрят и завидуют, и пошла соседской Нюрке хвастаться. А Федька начал всем показывать свою ссадину на локте, как будто это круче синяка.

Потом было большое собрание деревни, куда нас не позвали, но там все равно скучно: мы немного подслушали через вентиляторную дыру. Доктор всем рассказывал про свою машину и про то, что теперь программа позволяет убивать определенные белковые штуки внутри носителя. Он еще чего-то сказал про резонансовый мунитет, который должен сохраняться в организме, поэтому сколько-то лет новые няня-вирусы не смогут заводиться в человеке, а за это время можно будет нормально умереть навсегда. Ватрушку дохлую показывал. Тут я совсем стала зевать (еще бы, они же выпались, а я нет) и ушла домой.

А вечером Доктор опять пришел и велел мне и Федьке за воскресенье написать про все, что было. Только честно, без вранья. И обещал за это нам в четверти отличные отметки по Родной речи. И еще шоколадку. Поэтому я сейчас пишу сочинение, а Федька-дурак без меня пошел прыгать в ракетную шахту. Когда вернется, я ему обязательно какую-нибудь гадость сделаю.

ИЛЬДАР ВАЛИШИН

Навигатор «Принцессы»

Военно-морская сказка

Время, описываемое в данном повествовании, было, по мнению многих историков, тихим, бессобытийным и для изучения просто не интересным. Хотя бы потому, что материалов для написания диссертации про этот исторический период осталось совсем немного. И были историки в этом вопросе совершенно правы. Впрочем, в своей научной правоте и пожизненной непогрешимости они, как истинные учёные-гуманитарии, никогда и не сомневались.

* * *

...Уже взрезали свинцово-серые волны облупленные форштевни имперских линкоров, влекомых в океанские просторы волей седых (или чернобородых, кому как приятнее) капитанов; уже разбивались огромные дождевые капли об листовую обшивку тяжёлых авианесущих аэростатов, плывущих то по небу закатному, то по небу на восходе; уже затевали первые бои на городских площадях бесшабашные бойцы абордажных отрядов, и звон фамильных таллийских шпаг и шпаг фамильных верненских звучал безумным, апокалиптическим, яростно весёлым гимном гаснущей и вновь возрождающейся жизни, смешиваясь с непрерывным рокотом одиночных, спаренных или счетверенных зенитных пулемётов. Все эти события были стихийны, необоснованны, невзаимосвязаны и неконтролируемы – тогда ещё никто не знал, что из этого безумного грохочущего и сверкающего века однажды взойдёт на вечернем горизонте яркая звезда подпоручика Райда Лайкэри. Вот так-то, судари мои, перелётные птицы...

* * *

Штормами океан славен, а моряки славны вечной с океаном борьбой. И покуда свет стоит, не изменится этот порядок... Волны били дредноут его императорского величества «Принцесса» по скулам, но стальной гигант неколебимо, со скоростью 18 узлов, шел в направлении Е. N. Е.

* * *

Второй штурмнавигатор «Принцессы» предпочитал, чтобы его звали Волчонок. Настоящее его имя на корабле уже и не помнили, – благо ввиду специфики своей работы штурмнавигаторы по судовой роли не проходили, как, впрочем, не проходили вообще ни по каким документам. «Элита элит», – говорили они о себе, но, конечно же, никто с ними не соглашался.

Волчонок лежал на своей койке, по старой привычке не сняв кителя и высоких абордажных ботинок из плотной чёрной ткани. Глаза Волчонка были закрыты, а пальцы бессмысленно выщёлкивали из пистолетного магазина тусклые цилиндрики патронов и тут же вставляли их обратно. Таким немудрёным способом Волчонок тренировал умение отрешаться – позволять своему телу выполнять все давным-давно отработанные поколениями предшественников действия, подобно хорошо отрегулированному автомату. Впрочем, в реаль-

ном бою Волчонка всегда захватывал сумасшедший азарт, и все эти поколения ужасались, должно быть, столь нерациональному применению немаленькой мускульной силы Волчонка. Одним словом, штурмнавигатора в полной мере из Волчонка не вышло. Но бойцом он всё равно был отменным. И даже понимал кое-что в судовождении. Хотя и старался особо об этом не распространяться. Ибо суда, равно, как и корабли, водить не любил и не хотел.

Волчонок привычно не отреагировал на входящего в кубрик соседа – штурмнавигатора Эрла Ворспауна. Как не отреагировал и на обычное предложение снять-таки обувь. Впрочем, Эрл и не рассчитывал на какую-то реакцию. Просто обычный ежедневный диалог... Хотя трудно диалогом назвать беседу из одной короткой фразы. Впрочем, очень может быть, что штурмнавигаторы при взгляде друг на друга обменялись какой-то информацией, которую обычный смертный не только высказать, но и осознать не в состоянии. Эрл стянул с себя мокрую робу повседневного ношения, отстегнул от широкого ремня два пистолета (кобуры крепились не по уставу – по бокам, а горизонтально за спиной, ствол над стволом) и бросил на стол, заваленный книгами и бутылками с и из-под минеральной воды, на которую Эрл и Волчонок демонстративно переводили большую часть своего денежного довольствия. Не маленького даже по меркам Имперского флота. «Здоровье дороже», – говорил Волчонок. «Один чёрт, не больше недели в год на суше бываем, куда их девать», – подтверждал Эрл. «Штурмнавигатор выше меркантильности», – объяснял весь этот бред Большой Кодекс.

* * *

Капитан дредноута вице-адмирал Ризо в своём неизменном – до безумия белом – кителе впечатывал шаги в доски палубы. Шторм, прошедшийся по кораблю, оставил немного следов – даже стихии не просто было бороться с громадой «Принцессы», – но всё же один из двух разведывательных гидросамолётов сорвало огромной волной с креплений и ударило об надстройку – в клочья. «Снять пулемёт и двигатель, если он может быть отремонтирован, всё остальное за борт». «Бумаг придётся заполнять... много», – вице-адмирал вздохнул. Он не любил заполнять бумаги. Он любил действовать: двадцать лет назад он водил в безумные ночные атаки меж вскипающими водяными столбами разрывов да под грохочущий огонь орудий береговой обороны юркие торпедные катера серии TBS, тридцать лет назад – звенел шпагой, выясняя туманные вопросы чести, на улицах столицы, а теперь... Операция по доставке наследницы престола в указанную точку – остров 24/6. Докатился, морской волк... Моряк стареет не тогда, когда его волосы становятся седыми, а когда начинает придавать значение своей седине.

* * *

– Знаешь, Эрл, – Волчонок, как и большинство штурмнавигаторов, субординацию не соблюдал принципиально, – я недавно узнал, что у нас на борту принцесса.

– Это хорошо, Волчонок: значит, капитан в ближайшее время не кинет нас в новую мясорубку.

– С каких это пор ты стал радоваться этому, Эрл?

– Я устал. Мне надо немного отдохнуть, Волчонок.

– А я отдыхаю только в бою. От жизни.

– Дай поспать, Волчонок. Через два часа я буду готов в одиночку штурмовать тяжёлый крейсер.

– Если ты когда-нибудь попробуешь не взять меня с собой на абордаж, сломаю челюсть.

– Это будут равносложные задачи.

* * *

...И когда ветер дует в лицо, и солнце блестит в алмазной крошке водяной пыли на волосах, ты чувствуешь, что ты прекрасна. Воздух пахнет морской солью и немного оружейным маслом – на мостике установлена спаренная зенитная установка. Мокрый «Чёрный-посеребру» на мачте. Ветер не в силах даже слегка пошевелить отяжелевшую ткань. Самое прекрасное в мире судно – не хрупкая и лёгкая прогулочная яхта, не комфортабельный до роскоши и неприязни круизный лайнер, а воплощение мощи и вызова – грозная и прекрасная «Принцесса». Корабль, которому я приписываю нежную *рушу*, спрятанную под бронёй толщиной в 16 дюймов, как каждая женщина придумывает что-то нежное внутри своего мужчины... Я мплитаристка? Нет. Я просто люблю этот корабль. Он – гордость Империи, а значит, и моя гордость... Порыв ветра сорвал с головы берет и унёс в океан...

* * *

– Но, Ваше Высочество, я должен выполнять приказ Императора, я не могу оставить вас на военном корабле. Вы будете доставлены в ваш замок в точке «24/6». – Ризо был непреклонен. – Мы прибудем через 4 дня, принцесса.

«Как хорошо быть адмиралом, – подумал Ризо. – Вдвойне хорошо быть адмиралом легендарным – в любом твоём действии общественность видит или героизм, или стратегический гений. Главное – постоянно подкармливать эту легенду. Желательно кровью. Предпочтительно своей».

– Адмирал, с автожира наблюдения докладывают об аэростате в 16 милях к юго-востоку. Предположительно – «Воздающий», сэр.

«Френсис Дикон. Я знал его отца. Малыш далеко пойдёт, но против нас не выстоит даже его птичка». Ризо усмехнулся: зенитное вооружение «Принцессы» было беспрецедентным – 24 127-миллиметровых орудия, 6 орудий 155-миллиметровых и огневой пояс из 150 25-миллиметровых зенитных автоматов создавали полусферическую защиту корабля. Ризо, как и многие другие, считал создателя корабля гениальным, но сумасшедшим. Ибо не было греха в жажде величия. Ибо все пути хороши, если ведут к славе. Слава... Слава... Слава...

* * *

Ко многому готовы штурмнавигаторы, могут они уходить от прицельных выстрелов в узких коридорах штурмуемых кораблей, могут отбивать незащищённой рукой удары шпага, игнорируя боль и кровопотерю, могут выполнять приказы, которые любой здравомыслящий человек посчитает безумными, – но к случайному столкновению на палубе с представителем королевской семьи Эрл Ворспаун готов не был. Он привычно вышел из кубрика и тотчас врезался плечом в стройную девушку лет восемна... но услужливое подсознание уже извлекало из памяти досье на Принцессу – что ей уже три месяца как девятнадцать, что натуральный цвет её волос гораздо темнее, и – совсем уж не к месту – о неподслащенных лимонах, которые принцесса любит есть на завтрак. В памяти мелькали данные о площадях принадлежавших королевской семье и непосредственно принцессе помещений в квадратных фарлонгах с мгновенным переводом в руды, рисовалось фамильное древо императорской семьи с гербами, мозг Эрла быстро заполнялся всей информацией, которой щедро снабжали его предшествующие поколения. Но Эрл не обращал на информационный поток ни малейшего внимания. От его плеча растекались тёплые успокаивающие волны. Неизвестное ощу-

щение не испугало штурманавигатора – штурманавигаторы не испытывают страха. Они кроме боли вообще мало что способны испытывать. О чём сожалеть тоже, к счастью, не умеют.

* * *

...Принцесса остановилась и посмотрела на моряка повнимательней – он был молод, строен, возможно, красив, но он был всего лишь моряк. Следовательно... Принцесса не знала, что из этого следовало. Ей вдруг захотелось что-нибудь сказать, но она просто не знала, о чём можно говорить с моряком... Впрочем, какая разница, кто он, если ты – принцесса?

– Как твоё имя, моряк?

– Эрл Ворспаун, принцесса, штурманавигатор первого класса.

Принцесса немного удивилась, что ей не сказали: «Ваше Высочество», но вольность эта оказалась ей внезапно симпатична.

– Вы не устроите мне экскурсию по кораблю, моряк?

Скользнувший ироничный взгляд навстречу.

– Да, принцесса, хотя корабль вам уже показывали два раза – Ла Бриза и ваш отец. И... я не моряк, принцесса.

Действительно, на чёрном кителе Ворспауна нигде не было золотистого крылатого якорька военно-морских сил. Вместо этого на воротнике блестела крошечная серебряная с вкраплениями алой эмали капля. Принцесса никогда прежде не видела такой, но своего интереса не показала.

– Ведите... штурманавигатор.

* * *

Штормами океан славен, а моряки – вечной борьбой с его рокочущей силой. Но что есть сила океана перед тихим словом женщины? Шелест травы. Звон монист. Шорохи. Всё это знал штурманавигатор первого класса Эрл Ворспаун: знал, что ни до чего хорошего не доводили его предшественников «близкие контакты», даже динамику процента потерь знал: всё это как раз сейчас вбивалось ему памятью предшественников. Но одновременно, сливаясь в один голос, звучало единодушное «Иди, Эрл...».

* * *

И он сделал шаг вперёд.

* * *

– Что, командир, подцепил девчонку? – Волчонок был временами излишне и не к месту циничен.

Эрл, не целясь, швырнул ему в голову бутылку. Волчонок поймал её левой рукой и аккуратно поставил у кровати.

– Командир, я надеюсь, ничего серьёзного у тебя не возникло?

– Я тоже на это надеюсь, Волчонок.

– Осторожнее, командир.

– Постараюсь, Волчонок.

* * *

Вице-адмирал Ризо ненавидел подобные каботажные рейсы. Он любил просторы, любил грохот 18-дюймовых орудий, любил тёплый коньяк, горячий ром и любил свою страну. И хотел ей добра. И сражался за неё во всех морских войнах последней четверти века. Вице-адмирал сидел за своим рабочим столом и курил вторую за полчаса сигарету. Хотелось чего-то, что Ризо не мог высказать словами.

* * *

Принцесса смотрела в иллюминатор на дробившиеся в волнах лучи заходящего за горизонт солнца. Ей было хорошо и спокойно. Теперь она точно знала, о чём можно говорить с моряками. «Штурмнавигаторами, – поправила она себя. – Эрл Ворспаун – штурмнавигатор». Со штурмнавигаторами можно говорить о море, о небе, скалистых берегах и белых чайках... Они поэты – штурмнавигаторы. По крайней мере, некоторые из них. Принцесса улыбнулась своим мыслям. И подмигнула своему отражению в толстом стекле иллюминатора.

* * *

Эрл Ворспаун сидел на холодной бронеплите второй орудийной башни и тянул холодную кардифскую минералку из длинной узкой бутылки. Пузырьки углекислого газа тихо звенели, отрываясь от стеклянных стенок. Эрл длинным глотком допил остатки воды вместе с выпавшим осадком, достал из ножен короткий узкий нож и, взяв бутылку двумя пальцами за горлышко, легонько ударил по ней обухом. Звон был тонкий и чистый. Почти как от хрусталя. Хрусталя из прошлой жизни. Эрл Ворспаун, сунул пустую бутылку в карман и направился в свой кубрик. Можно было выбросить бутылку за борт, но ни к чему было по мелочи гневить Океан. Ни к чему. Краем глаза Эрл Ворспаун заметил, что в каюте принцессы горит свет.

* * *

Волчонок сделал вид, что спит и вошедшего соседа не видит. У него не было сейчас настроения общаться с кем бы то ни было. Он вообще не любил разговоров после полуночи.

* * *

И была ночь, и было утро – день второй.

* * *

И был день второй солнечным и безветренным.

* * *

Эрл привычно встал ещё до восхода. Он тихо оделся, снял со стены тяжёлую пехотную шпагу (не имперских государственных мастерских, конечно, а просто очень похожую) и выскользнул за дверь. Он вышел на палубу и направился на полубак – обычное место своих утренних тренировок.

Он почувствовал неладное уже на подходе ко второй башне главного калибра. Что-то неясно тревожное. Лишь через пару секунд он услышал впереди свист чужой шпаги в широких круговых атаках.

«Северная техника, – подумал Эрл, – почти полное отсутствие прямых колющих ударов». Поднявшись по трапу, он увидел принцессу. В тёмно-сером с просинью дублете она, закрыв глаза, крутила «с весьма высокой скоростью» узким прямым клинком, имитируя атаки в разных направлениях.

«Интересные увлечения у наследницы престола, – подумал Эрл. – Если всё будет хорошо, то без работы не останемся».

– Принцесса, это место очень давно зарезервировано мной для тренировок.

– Прогоните меня, – широкая свободная стойка школы Ла Ви. Медленно проявляющаяся на лице хищная улыбка. Школа Ла Ви изучена штурмнавигаторами досконально пять лет назад, когда сам Ла Ви полчаса провёл в безрезультатных атаках на ныне покойного штурмнавигатора Бенье. Кончилось всё тем, что Бенье отнял у Ла Ви шпагу и сломал её об угол ратуши.

– Атакуйте, принцесса.

Атака просто безупречна, но не против штурмнавигатора – скрежет – прі гём на гарду – залом рую і – Д0611ван1 іе.

– Не больно, принцесса?

– Терпимо... – Принцесса растирает запястье. – Чем ты занимаешься Эрл? Чем вообще занимаются штурмнавигаторы?

– Мы управляем кораблями.

– Для этого не нужны такие весьма специфичные навыки.

– Предварительно мы захватываем эти корабли.

– Понятно... Атакуйте, штурмнавигатор.

– Постараюсь поаккуратнее, принцесса.

– Как получится, Эрл.

* * *

Волчонок не стал мешать Ворспауну тренировать принцессу. Просто встал, прислонившись к зенитной спарке, и смотрел на поединок. Вмешался только минут через пять:

– Эрл, кончай издеваться над девушкой.

– В каком смысле, Волчонок?

– Ты даришь ей ложную надежду. Разрешите, Ваше Высочество? – Вопросительный взгляд принцессы на Эрла.

– Хорошо. Зайдите за бронешиток, принцесса.

Взмах шпаги – рубящий, в лицо, – принять на локоть и в подсечку, – прыжок, рука тянется за пистолетом – зафиксировать в кобуре, вдавив кисть, – удар в лицо левой, ствол обнажён, – уход от пули влево с извлечением пистолета, уход от рикошета – выпад шпагой с одновременным выстрелом в голову – шпагу отбить рукой, выстрел в упор – шпагу к чёрту, курок заблокировать пальцем – заблокировать курок.

Бой окончен. Дальнейшее продолжение опасно.

– Вы что, так просто стреляете друг в друга боевыми патронами? – принцесса в ужасе. Зрелище просто прелестное.

– Да, иначе неинтересно, ну и других патронов нам здесь не выдают. У нас только одна условность – обязательное применение глушителей – иначе весь корабль перебудим.

– А я смогу так? Теоретически?

– Вы – нет, принцесса. Да и не стоит.

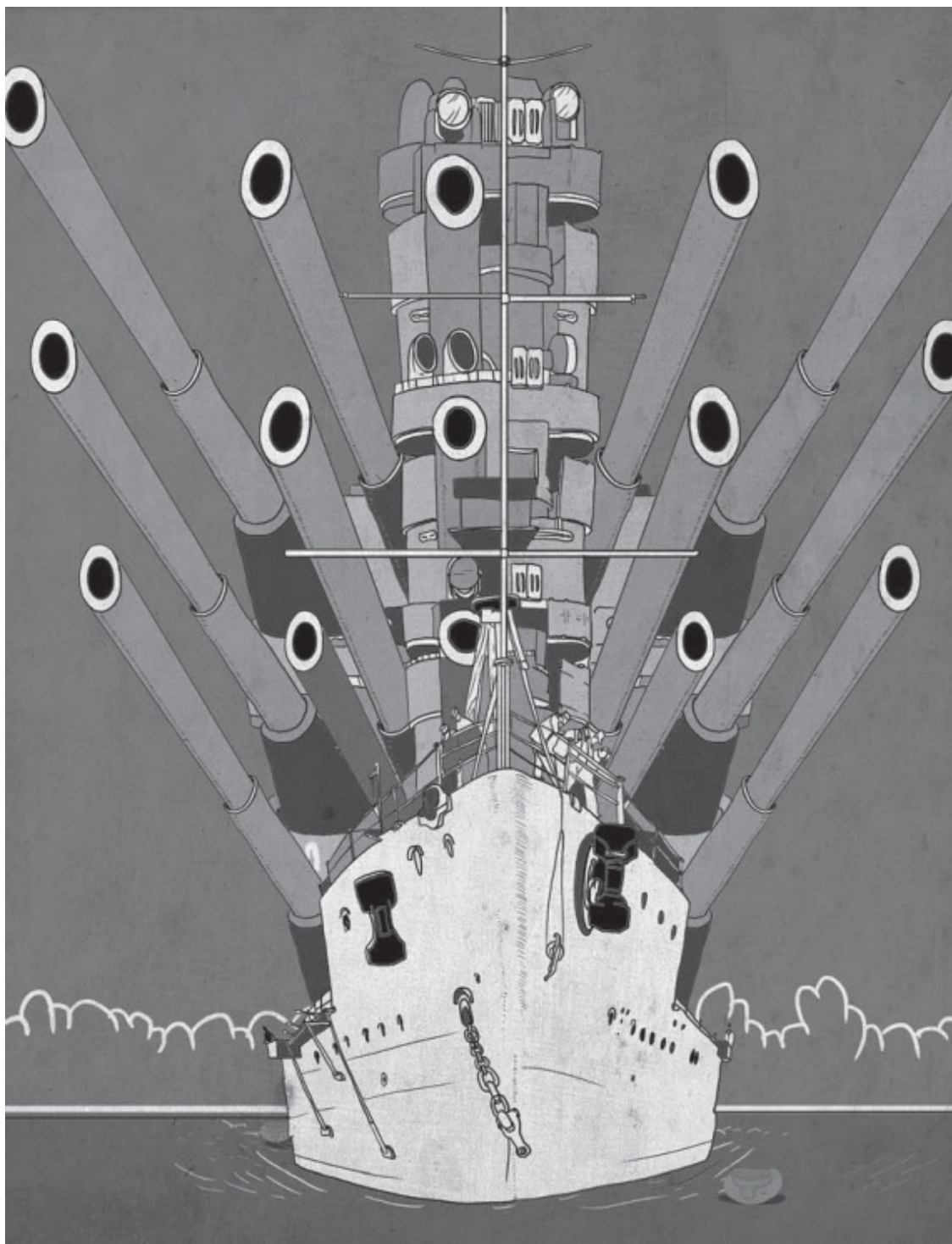
– Пофехтуем ещё, Эрл.

– Хорошо, принцесса, но теперь вы знаете мой уровень.

– Знаю, но ты же не будешь в меня стрелять?

Завораживающий звон шпаг.

* * *

– Эрл, ещё немного, и ты влюбишься. – Нельзя понять, серьёзен ли Волчонок. – Осторожнее.

– Не влюблюсь, Волчонок. Я не настолько сумасшедший, чтобы любить принцессу.

– Да... Ещё ни один штурманавигатор до этого не докатывался...

– Она неплохо фехтует.

– Для человека, Эрл, для человека...

* * *

У принцессы слегка болела кисть – Ворспаун всё-таки не всегда вполне контролировал свою силу. Зато эта тренировка действительно научила принцессу многому. Вот только чему именно – она выразить словами не могла. Пришло какое-то новое понимание суетности происходящего. Всплыло откуда-то из литорали подсознания твёрдое знание, вылившееся в строчку неизвестной принцессе песни: «Но всё это такие пустяки по сравнению со смертью и любовью».

И смерть тоже была, по большому счёту, пустяком.

* * *

Хотелось танцевать – двигаться в стремительном темпе по невидимому кругу без шага.

* * *

Вице-адмирал сидел за столом, полностью покрытым стратегической картой. Он любил сидеть так и вспоминать свои былые походы. Рейды, крейсерские операции, каперство. Он хотел чего-то ещё. Сняв трубку аппарата внутренней связи, он очень долго медлил прежде, чем вызвать Тиро – командира сводной абордажной группы флота.

* * *

Штормами океан славен и для штормов создан. А для чего люди плавают по океану? Нет, это не большая дорога для кораблей. Это поле, где человек решает, кто он такой. Ибо не даром сказано:

«Познавание Родины сходно с познанием моря.

Познавание моря сравнимо с познанием себя».

Надо любить Родину; несмотря на то, что она порой предаёт нас. И не только для моряков сие верно.

* * *

Славно, други, идти по волнам и не ведать грусти: радоваться безумному ритму абордажных боёв, смеяться над волнами, прокатывающимися по палубе от бака до юта, кормить чаек, бросая вверх куски чёрствого хлеба, но не знать при этом грусти.

* * *

– Здравствуй, грусть, – прошептал Ворспаун, – здравствуй, грусть... – И не разуваясь, повалился на койку.

Волчонок ухмыльнулся, но вслух ничего не сказал. Всё было видно и так – сеанс фехтования с девушкой не может не привести к возникновению как минимум симпатии. Особенно у штурманавигатора, чья философия боя подразумевает полное слияние с противником. Но на этот раз простой симпатией дело явно не ограничилось.

* * *

Отец часто говорил принцессе, что миром правит информация, и водил её по огромному архиву Особой службы. Эта экскурсия придавала расхожей пословице «Знание – сила» совсем другое значение.

– Адмирал, представьте мне личное дело штурмнавигатора Ворспауна.

– У меня нет его личного дела... На штурмнавигаторов дела не ведутся.

– Почему?

– Так положено, принцесса. В личном деле могут быть сведения, к которым я не допущен. Как, впрочем, и вы, принцесса.

– Но я – наследница престола!

– Вне всякого сомнения.

* * *

Приглашение на обед к принцессе застало врасплох Эрла Ворспауна. Правду сказать, к такому развитию событий он готов не был.

«Впрочем, обед – это ещё не ужин», – мудрая мысль, родившаяся внезапно в голове, заставила Эрла улыбнуться медленно вползающей на лицо неприятной ухмылкой.

«Придётся потренироваться перед зеркалом. Когда Волчонка не будет рядом».

* * *

Каюта принцессы ничем не отличалась от любой другой каюты на корабле – разве что почище. Те же 3 на 2 ярда, стены, окрашенные в бессмертный «Navygrey», иллюминатор – «бронированный? вроде нет», – шпага в углу у двери, две аккуратно заправленных койки (не по-мужски аккуратно), откидной столик, сервированный в лучших традициях Флота Его Величества, то есть так, чтобы все тарелки вместились.

– Вы хорошо устроились, принцесса. – Ворспаун сделал запоздалую попытку исправить двусмысленность фразы правильной расстановкой ударений, но успеха, как и следовало ожидать, не достиг. – В смысле, у вас отличная каюта, Ваше Высочество, – он сделал всё, чтобы показать, что титул употребил лишь во избежание плеоназма. Это у него всегда получалось замечательно.

– Такая же, как у вас, штурмнавигатор. Присаживайтесь к столу – коли уж мы собрались обедать.

* * *

Что-то смущало принцессу в манерах штурмнавигатора. Нет! Они были просто безукоризненны, но всё же... Внезапно она поняла. Так обращаются со столовыми приборами только представители аристократии, но никак не морские офицеры, где бы их ни готовили – пусть хоть в академии генштаба. Это было привыком, привитым с детства. Интересная получилась картина...

«Вилка в левой, значит западные территории исключаются... чашку не проворачивает – не Де Сото... Такое ощущение, что он или из столицы или... Нож! Большой и указательный пальцы обхватывают лезвие! Интересно... Никогда не видела ничего подобного. Жаль».

– Эрл, у меня возник недавно один вопрос: почему на вас – штурмнавигаторов – не заводятся досье?

Не подавленная вовремя мрачная усмешка медленно проявилась на лице Ворспауна:

– Уважаю рациональный подход к выбору друзей, принцесса. Возможно, это удивит вас, но штурмнавигаторов готовят не для имперского флота. Мы служим всем, кто способен заплатить. Мы, – Эрл щёлкнул ногтем по серебряной капельке, – не слуги императора – мылишь наёмники на его службе. И не только на его. Вам было бы очень интересно узнать о моих операциях не на стороне Короны?

– Вы можете не говорить мне об этом, Эрл.

– Несомненно, могу, но, тем не менее... Захват броненосца «Князь», рейд на порт Ла Роль, диверсия в центре координации штабов. Не упоминая мелких операций.

Эрл Ворспаун терпеливо ждал реакции наследницы престола. Пауза затягивалась.

– Впечатляет, – вымолвила, наконец, принцесса. – Ещё чаю?

– С лимоном, – подтвердил Эрл, равнодушно принимая если не помилование, то, как минимум, отсрочку приговора.

* * *

Когда Эрл Ворспаун, уходя, целовал руку принцессы, его губы задержались на её чуть шершавой коже чуть дольше, чем следовало по этикету, но оторвались на мгновение раньше, чем принцесса успела на это отреагировать.

* * *

Вечерело. Эсминцы эскорта покидали Флагмана, уходя на север. Небо затягивалось тучами, и первые капли дождя уже били по белым доскам палубы.

* * *

Славен будь флотоводец, эскадру к победе ведущий, славен будь капитан, что бросает крейсер свой в огонь вражеских броненосцев, Славен будь всякий, кого чувство долга посылает в бои последние и бои очередные. Но и тот славы достоин, кто, без красивой идеи сражаясь, боя всё одно не бежит. Хотя и не славы он ищет, а всё одно в мартирологе и он быть со всеми прочими наряду достоин.

* * *

Волчонка в каюте не было. Эрл, воспользовавшись его отсутствием, сел за стол и начал точить свой короткий штурмовой нож. Даже не точить, а править, выводя до бритвенной остроты с помощью хирургической иглы из полевой медицинской сумки. Выправил. Вставил в ножны. Повесил на спинку кровати. Разделся. Лёг. Уже засыпая, услышал шаги Волчонки и приглушенный хлопок открываемой бутылки с минеральной водой из кардифских источников.

И была ночь, и было утро – день третий.

* * *

И был день третий пасмурным и ветреным.

* * *

Впервые в жизни Эрл Ворспаун шёл на полубак не только для того, чтобы провести привычную утреннюю тренировку. Новое, ранее не испытанное чувство переполняло его – радостное ожидание. Но принцессы на полубаке не было. Эрл удвоил время тренировки с Волчонком, но принцесса не появилась. Настроение Эрла неуклонно падало до отрицательных значений. Он отпустил напарника и не спеша пошёл в кают-компанию за завтраком, который ему полагалось есть в своей каюте, отдельно от членов экипажа. Эрл направился туда через второй жилой ярус с невысказанной надеждой увидеть принцессу, которую он уже начал исподволь называть своей.

* * *

Встреча оказалась несколько не такой, как ожидал Эрл. Двое моряков в полевой форме оперативников абордажной группы, заломив Принцессе – ЕГО ПРИНЦЕССЕ – руки за спину, – быстро тащили ее по коридору навстречу оторопевшему штурмнавигатору. Четыре хлопка слились в два. Штурмнавигатор с удивлением смотрел на дымок, идущий из дульных срезов глушителей, и на два тела у ног испуганной принцессы.

«Рефлексы, чёрт бы их побрал... Каждая рука сработала независимо от другой. Бывает. Хотя и редко». Вслух:

– Принцесса, вы не скажете, что здесь происходит? – голос спокойный, уверенный, стойка широкая, пистолеты на вытянутых руках направлены в противоположные стороны коридора – красавец, блин.

– Мятеж...

Это очевидно и без слов, но зато Эрл увидел, что принцесса не паникует. Значит, нужно просто отвлечься от сантиментов и действовать по программе охраны VIP. Вариант 4-й резервный – «Ничего не ясно».

* * *

Впрочем, кое-что ясно было. Надо было добраться до Волчонка, сделать всё возможное для обеспечения эвакуации принцессы, затем принять бой с мятежниками и, связавшись с офицерами, восстановить контроль над кораблём.

* * *

– Принцесса, вы из этого вот стрелять умеете? – Эрл Ворспаун протянул ей за ствол пистолет одного из мятежников.

– Справлюсь. А какой у нас план?

– ВИП – вариант 4-й, – с максимально уверенным видом сообщил Эрл. – Держитесь ближе к стене, принцесса, стрелять вам, надеюсь, не придётся.

Затем он стволом одного из своих пистолетов показал принцессе классическое «следуйте за мной» и направился в свою каюту. Вопреки обычной тактике, он не держал пистолеты наизготовку. Во-первых, чтобы не нервировать принцессу, а во-вторых, на таких дистанциях стрельба с бедра не менее эффективна.

– Мы идём на мостик, Эрл?

– Нет, принцесса, мы идём за Волчонком.

– А как же...

– Мы не оставляем своих при любых рисках.

* * *

А Волчонок стоял сейчас перед своей каютой, свинчивая со ствола ещё горячий глушитель. Абордажников, крепящих на его дверь сосредоточенный заряд, он перестрелял, а теперь запоздало жалел, что под рукой не имелось «языка».

«И что делать? По идее, надо или искать Эрла, или идти на соединение с офицерами. Где Эрл – неясно. Следовательно, надо пробиваться к мостику и...»

Волчонок понятия не имел, что «и».

Он сунул так и не активированный заряд в боевой ранец и, поправив за спиной кобуру с «Правдоискателем», не оборачиваясь, пошёл в сторону командного мостика, насвистывая какой-то не-осмысленно-бравурный маршик.

* * *

– Итак, господа, корабль в наших руках. В общем-то, он и раньше был в наших руках, но теперь сами мы перестали быть верными слугами Императора. Мы идём к Архипелагу, где наше ремесло будет востребовано. Где «Принцессе» найдется, наконец, достойная работа.

– А что мы будем делать с Её Высочеством, капитан?

– Девчонка эта – наша гарантия от поспешных действий Имперского флота, – улыбнулся вице-адмирал Ризо, – а о нашем мятеже, я полагаю, Император уже знает.

* * *

Ризо был прав лишь частично. С резервного передатчика агент Министерства уже отстучал условный сигнал о мятеже на корабле, и Император с Министром уже сидели друг напротив друга в кабинете для особых совещаний, склонившись над картой океана, но ни Министр, ни Император не воспринимали Принцессу как повод для отказа от атаки линкора всеми доступными силами. «Кодекс Императора» нависал над ними огромным чёрным монолитом, прекословить которому было просто невозможно.

– ...Таким образом, эскадра настигнет «Принцессу» к 19 часам. А какова вероятность, что мятежники прорвутся через эскадру?

– Адмирал Ост уверяет, что не больше десяти. Но это при условии, что среди мятежников нет старших офицеров.

– А если есть?

– Тогда вероятность сильно зависит от числа этих офицеров.

Никто не мог тогда предположить, что весь офицерский состав полностью одобрял решение, окончательно принятое вице-адмиралом Ризо только этим утром. Никто не мог предположить, что эскадра, идущая на перехват, была уже фактически обречена.

* * *

Не заказывай реквием по не вернувшемуся из боевого похода моряку, ровно как и по моряку, не вернувшемуся из ординарного рейса. Это всегда может быть преждевременно, малышка. Сотни тысяч свечей во всех соборах мира не заменят одного маленького дрои-

жащего от сквозняка огонька в твоём одиноко светлом окне посреди бесконечно чёрного города.

* * *

Волчонок добрался до мостика без проблем. Скорее всего потому, что его просто не ждали. Он поднялся по трапу, вошёл в дверь и, отыскав среди офицеров Ризо, задал единственный вопрос, на который ответом мог быть только взрыв хохота: «Капитан, вы знаете, что на судне мятеж?»

* * *

Не нужно было даже заходить в каюту, чтобы понять, что Волчонка внутри нет. Четыре трупа бойцов абордажной группы флота красноречиво говорили о происшедшем. Эрл взглянул на принцессу – она смотрела на лежащие под ногами тела без эмоций. Ей уже случалось видеть мертвецов. Две попытки переворота, мятеж в Орли, госпиталь в Сото... Жизнь аристократии, увы, не так монотонна, как представляют себе обыватели.

– Принцесса, внутрь! – Эрл втолкнул Её Высочество в каюту и, держа на мушке дверной проём, открыл левой рукой тумбочку. Вытащил из рундучка жалобно звякнувшую коробку минералки и отставил в сторону. Под коробкой, как и следовало ожидать, лежали четыре запасных магазина к пистолетам и осколочная Мк2. Штурмнавигатор рассовал магазины по карманам и повесил гранату на пояс. Впервые он пожалел, что бронежилет не входил в список стандартного снаряжения. Иначе сейчас он отдал бы его принцессе. Впрочем... Прорвёмся и так. Случались ситуации и похуже.

– Ну что ж, принцесса... Следуйте за мной и стреляйте по врагам.

Эрл подмигнул принцессе и с пистолетом наизготовку вышел из каюты. Он был в своей стихии.

* * *

Они добрались до мостика без приключений. Только на трапе у второго отсека они наткнулись на следы боя. Точнее, даже не боя. Просто кто-то походя убил ещё двоих абордажников. Голыми руками. Не замедлив даже особенно темпа движения. Они шли по тому же маршруту, которым прошёл Волчонок. Совсем недавно – капли крови ещё стекали по ступеням.

* * *

Дверь в командный отсек открылась, и Эрл Ворспаун – штурмнавигатор первого класса – едва успел нырнуть под выстрел и, изогнувшись почти неестественно, вытолкнуть принцессу с линии огня. Затем прыгнул в сторону сам и явственно успел разглядеть, как медленно пролетают в пяти-шести дюймах от его левой нош серые шарики картечин второго выстрела. Но картечь уже пролетела мимо. Она не представляла уже никакой проблемы. Сейчас в голове штурмнавигатора упрямо отказывались собраться в естественный вывод три мысли: мостик захвачен мятежниками, посередине помещения под прицелом четырёх дробовиков сидит на стуле Волчонок, первый выстрел по открывшейся двери сделал вице-адмирал Ризо, который просто не мог не узнать стоявшую в проеме принцессу. Дела были отвратитель-

ными. Более того... За всю историю существования корпуса штурмнавигаторов – с 1670-го года – таких отвратительных дел ещё не случалось.

Штурмнавигатор первого класса Эрл Ворспаун сидел, прислонившись к переборке, и просчитывал в уме шансы на то, что он успеет в одиночку перестрелять двадцать четыре человека (мятежников, конечно, было больше, но на данный момент первостепенными целями были те, что находились на мостике). Без перезарядки не выходило. Перезарядиться же ему возможности не предоставят. Как только он ворвётся на мостик, абордажники изрежут Волчонка. Это очевидная потеря, о ней не думать. Перекат вбок со стрельбой – минус три, оттолкнуться от стола, выстрел – минус один, если повезёт – минус два, затем... а затем уж как пойдёт. Но после четырнадцати выстрелов надо будет переходить к рукопашной. И вот тут-то его достанут. Головоломка не складывалась. Его убивали при любом раскладе. И времени на размышления тоже не было. Потому что Ризо сейчас тоже не мог не просчитывать результатов столкновения и не посылать пару-тройку бойцов в обход – по фалам, через иллюминатор и через вторую палубу.

* * *

И в тот самый момент, когда Эрл Ворспаун уже почти решил, что он сейчас просто будет стрелять в кого придётся, а потом резать, кого получится, вице-адмирал Ризо начал переговоры.

– Ворспаун! – крикнул Ризо. – Я знаю, что тебе в общем-то наплевать, что я сейчас прикажу снести башку твоему коллеге, а потом разменяю на тебя десяток своих бойцов, но давай попробуем поговорить как деловые люди! Я бы мог предложить тебе сейчас весьма крупную сумму денег, но я всё понимаю: контракт, честь штурмнавигатора, прочая лабуда! Подумай о другом, Ворспаун! Ты – таллийский дворянин, хотя и пытаешься забыть про это! Империя давила вас уже черт знает сколько времени, и только чудом такие представители, как ты, дожили до нынешних времён! И что ты теперь делаешь? Собираешься положить свою жизнь за девчонку, которая рано или поздно придёт к власти и точно так же, как и её отец, будет отдавать приказы сжигать ваши замки и вешать вас на перекрёстках? Зачем тебе это, Ворспаун? Сложи один раз оружие, и я даю слово офицера, что отпущу вас, как только дредноут будет в безопасности! А потом я отдам принцессу тебе, и ты сам сможешь торговаться с Императором – тогда ваше вечномятежное графство получит реальный шанс на независимость!

– Ага! И на обломках самовластья напишут наши имена! – Эрл обернулся к вжавшейся в угол принцессе, смотрящей на него широко раскрытыми от ужаса глазами. – Извините, Ваше Высочество, ничего личного, просто глупое стихотворение.

– Волчонок, – крикнул Ворспаун, – АНГАРД!!! – и, высунувшись на мгновение в простреливаемый сектор, швырнул под ноги напарнику и другу оборонительную противопехотную гранату с выдернутой чекой...

* * *

Принцесса больно ударилась локтем об угол стола, когда Ворспаун закинул её в радиорубку. Она даже не поняла, как он протащил её по коридору. Она запомнила лишь, как грохотнул оглушительным раскатом взрыв на мостике, как Ворспаун, вскинув её на плечо, бежал по лестнице, как он стрелял куда-то и как кто-то падал. Но все эти кадры промелькнули просто перед глазами, и вот – раз! И она с болью в плече сидит на полу в радиорубке, а Ворспаун крутит верньеры рации.

Вот он оторвался и сунул ей микрофон.

– Вызывайте помощь, принцесса. Всех, кто может придти на помощь. Прямым текстом. Вот только боюсь, что никто не успеет. – Лицо Эрла Ворспауна было забрызгано кровью, а в глазах сияла безумная отрешённость. – Вызывайте помощь, принцесса. Я задержу их. Да, мы тут. – Эрл Ворспаун, почти не глядя, воткнул карандаш в висящую на стене карту и вышел. Через полминуты принцесса услышала, как внизу глухо звучат нечастые выстрелы.

* * *

«Внимание всем! Говорит корабль Его Величества «Принцесса»! Наши координаты: 55°04' северной широты, 57°33' восточной долготы! Корабль захвачен мятежниками, на борту находится наследница престола! Внимание всем! Говорит корабль Его Величества «Принцесса»! Наши координаты...»

* * *

Ни принцесса, раз за разом выкрикивающая в бакелитовый микрофон своё короткое послание, ни Ворспаун, стрелявший вдоль коридора из трофейного дробовика, не могли знать, что их послание помимо тех, кому оно собственно предназначалось, – тех, кто никак не успевал в срок, – слышал ещё один человек.

* * *

Он сидел в резном дубовом кресле перед массивным столом, покрытым картой, разрисованной цветными линиями воздушных течений, и крутил в пальцах циркуль-измеритель. В пепельнице дымилась белая папироса, а на спинке кресла висел багровый френч с золотыми кантами. Человек оценил по карте расстояние до линкора, достал из пепельницы сигарету, затянулся и, выпустив в потолок тонкую струйку голубоватого дыма, потянулся к микрофону радиостанции. Его тихий голос, прозвучавший на коротких волнах в эфире, заставил вздрогнуть всю Империю. Но принцесса не слышала их. Она намертво зажала кнопку передачи и только раз за разом повторяла свой призыв о помощи.

* * *

– Я – князь Френсис Дикон. Слышу вас, «Принцесса», – иду на помощь.

* * *

Ворспаун устал. Он уже дважды отбивал очень плотные атаки, и одна из них даже дошла до рукопашной схватки. Насколько же было легче штурмовать чужие корабли, чем защищать «свой» корабль! Там можно было перемещаться, оказываться там, где тебя не ждут, маневрировать, заходить со спины... Теперь же задача была лишь одна – держать лестницу. Держать лестницу. Держать лестницу. Драться со всей сводной абордажной группой флота в одиночку. Экономить патроны. Стрелять только наверняка. Вот так, например! Ударил выстрел, и ещё один противник упал на залитый кровью пол. Затвор остался в крайнем заднем положении – патронов в пистолете больше не было. Ворспаун не стал тянуться за запасным магазином – просто бросил пистолет на пол и достал из-за спины второй. У него оставалось всего лишь семь патронов. Надо было доводить дело до рукопашной и захваты-

вать оружие противника... Но ближний бой был слишком насыщен глупыми случайностями, а штурмнавигатор первого класса к тому же очень сильно сегодня устал.

* * *

И в этот самый момент он услышал рокот авиационных двигателей. Самый прекрасный звук на свете.

* * *

Он бежал по трапу, таща за руку принцессу и молясь, чтобы она не споткнулась на ступеньке. Внизу гремели выстрелы, но... Эрл Ворспаун и принцесса УСПЕВАЛИ. И вот, вылетев на крышу надстройки, Ворспаун, оттолкнув к леерам принцессу, буквально повис на запорном штурвале, задраивая дверь, в которую уже ударила пуля, но ударила с ТОЙ стороны! УСПЕЛИ.

Ворспаун обернулся и увидел огромный – безумно огромный – ударный аэростат. Тот, очертания которого он учил по контурным рисункам, хотя перепутать его с чем-либо было решительно невозможно. И капитана. Чей портрет они также видел неоднократно. Князя Френсиса Дикона – легенду вольных авиаторов, капитана «Воздающего» – крупнейшего дирижабля в мире, врага Империи и Императора.

Князь стоял на штурмовой палубе, поставив согнутую в колене ногу на резное ограждение. Его чёрные волосы шевелил поток воздуха от пропеллера. Френсис Дикон улыбался. Улыбка не оставила его лица даже когда Ворспаун навёл на него свой пистолет.

– Мне кажется, это вы просили о помощи, – рассмеялся князь – Помощь пришла. Другой не будет. Более того, если вы сейчас не примете мою помощь, то первый помощник нажмет на рычаг и вывалит вам на палубу весь бомбовый запас. Так что добро пожаловать на борт «Воздающего», Ваше Высочество.

– Стойте, принцесса! – Ворспаун, всё так же держа на прицеле князя, засунул в штурвал пистолетный глушитель, лишив абордажников возможности открыть дверь без применения взрывчатки. – Мне кажется, что наши шансы выжить здесь всё же несколько выше, чем если мы примем это предложение. К тому же... Я не хочу, чтобы ещё кто-то использовал вас, как фигуру, принцесса. Здесь у нас есть шансы. Что там – не знаю.

И тогда князь Дикон взорвался:

– Чёрт возьми! Я поперся в зону действия ваших батарей не для того, чтобы слушать сомнения юнца, которому к тому же жить осталось не больше двадцати минут!!! Я даю слово чести, что принцесса живая и здоровая будет доставлена в столицу!!! А знаешь почему? Потому что я не скрываю, что для меня она лишь фигура на доске!!! Потому что это и будет моим ходом!!!

Эрл Ворспаун смотрел на князя. Затем опустил руку с пистолетом и, подняв за локоть принцессу, подтолкнул её к верёвочной лестнице.

– Иди. Он отвезёт тебя домой.

– А ты, Эрл?

– Я навигатор «Принцессы». И пока она на плаву, я остаюсь здесь.

Принцесса, уже почти забравшаяся на палубу, застыла при этих словах и, вероятно, спрыгнула бы обратно, но перегнувшийся через ограждение князь схватил её за руку и, легко приподняв, втащил на штурмовую палубу. Улыбнулся красивой картинной улыбкой и, вынув из кобуры пистолет, бросил его штурм-навигатору. Тот поймал пистолет на лету за ствол – в удлиненном двурядном магазине «Правдоискателя» был тридцать один патрон. Затем Ворспаун развернулся и пошёл к двери. Ему было легко, как никогда. Он слышал, как за

спиной взревели все восемнадцать двигателей «Воздающего», заглушая женский выкрик: «Я люблю тебя, Эрл!»

– Я тоже люблю тебя, принцесса, – прошептал Эрл и, улыбнувшись своим несвоевременным мыслям, выдернул глушитель из штурвала.

PS

Дредноут «Принцесса» не дошёл до Архипелага. О его судьбе ничего не известно.

Князь Френсис Дикон доставил принцессу в столицу и вскоре после этого присягнул Императору, став главным врагом своих бывших товарищей – вольных авиаторов. Впоследствии он погиб вместе с «Воздающим», подорванным легендарным Френсисом Ла Граном.

Эрл Ворспаун был арестован в столице во время подготовки диверсии в Госканцелярии. При задержании он оказал сопротивление, убив «значительное число» агентов О. С. Приговорен к смертной казни через расстрел, а не повешение, ввиду ряда былых заслуг перед Империей и Императором.

PPS

Известно последнее письмо Эрла Ворспауна к принцессе. Особый интерес представляют его последние строки: «И теперь, за четыре часа до своей казни, я хочу сказать Тебе – увидимся послезавтра в полдень на мосту через Верней». Больше надёжных источников, говорящих о Ворспауне, в архивах нет. Но есть отрывочные сведения о том, что он или кто-то очень похожий на него купил впоследствии небольшой домик в посёлке Рыбачий на Энголле, где и жил со своей молодой женой. Примерно в то же время в рыбацкой артели этого посёлка появился ещё один человек – молодой, крепко сложенный парень с рваным шрамом на лице. Кое-кто из местных девушек уверял, что на теле у парня есть и другие шрамы, а получил он их тогда, когда в четырёх метрах от него взорвалась вражеская граната.

СЕРГЕЙ ВЕРБИН

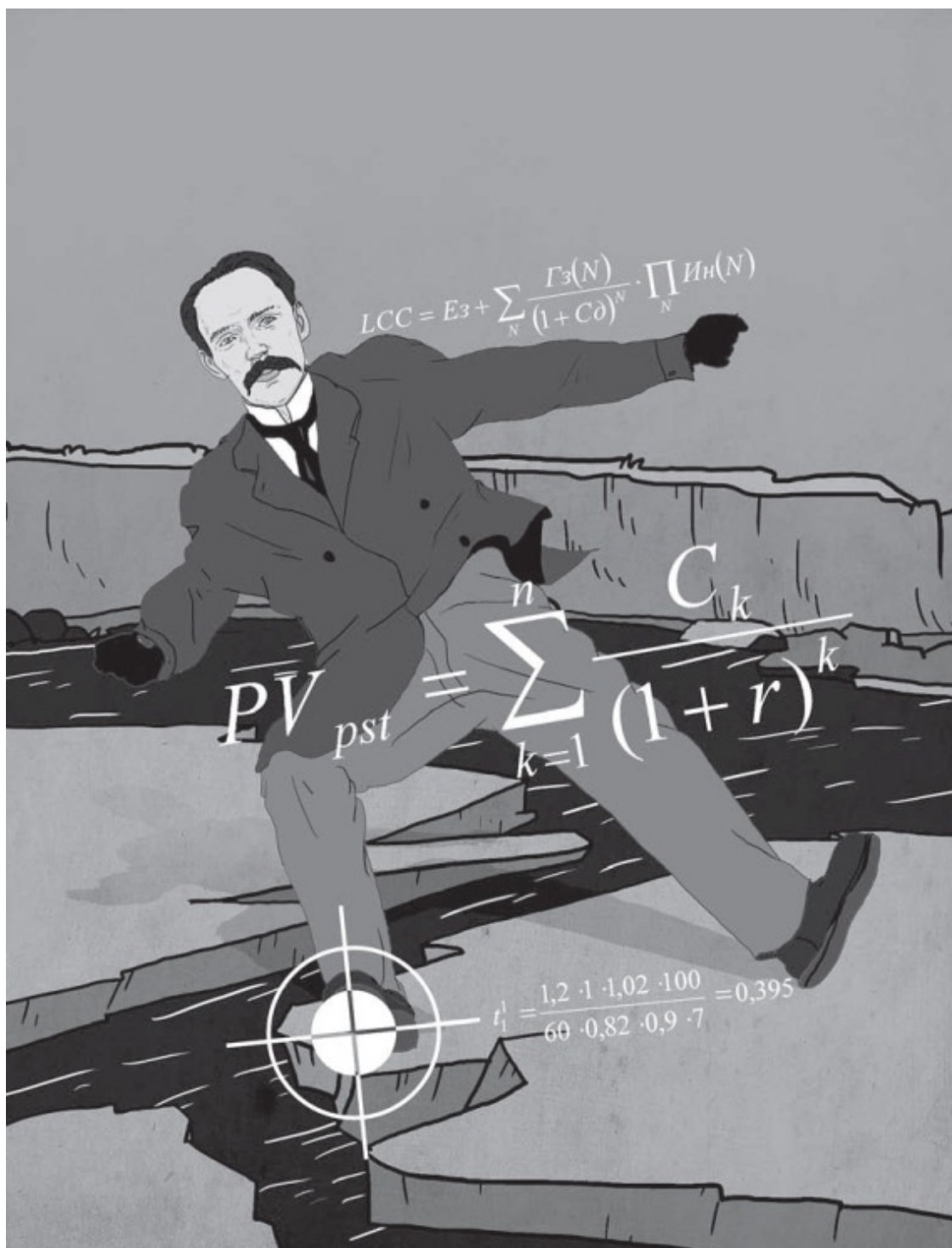
Памяти товарища Д

Рассказ

Милой О.

«И как им не надоело это бесконечное толчение в ступе: гений или злодей, спас или погубил Отечество, и что без Иосифа было бы – рай земной или давным-давно совсем уже пропали бы. И что толку от их бесконечных споров – проверить-то всё равно не могут. Вот и занимаются пописыванием и почитыванием про попаданцев к НЕМУ с мобильниками и ноутбуками, а если б задумались, то ведь это – такое же фэнтези, только что без эльфов и гоблинов. Ни в прошлое, ни в будущее не то что человека, даже элементарную частицу с ненулевой массой покоя отправить невозможно, а вот насчёт фотонов, к примеру, никакого запрета в законах физики никем не обнаружено.

Скорей бы довезли нас до места, что ли... Шеф-то чуть не спятил, когда узнал, что я, получив диплом, «пиджаком» служить пошёл. Он, конечно, допускал, что вместо нашей аспирантуры я могу от него за бугор слинять, но чтоб в непобедимую и легендарную? Вот если б до него дошло, в какой части я буду воинский долг исполнять, то наверняка бы допёр, что это неспроста, – и сам не дурак, и мою соображалку оценить успел. Лазеры-то с нужной энергией импульса уже не такая редкость, но все они только у вояк, и ТАМ к такому оружию не каждого своего допустят, не говоря уж про иностранцев. А вот в нашем-то бардаке вполне можно попробовать не в настоящем боеголовки сбивать, но и в другое время садануть. Ну, до этого кто-нибудь и кроме меня вскорости допрёт, идея-то почти на поверхности болтается. Другое дело, как этим импульсом исхитриться попасть куда следует, да еще в такой момент, чтобы в самом деле на прошлое повлиять? А вот для этого-то и соображать надо и компом уметь пользоваться не только для набирания графоманских бредней...

Опять про Теодорыча заладили – а впрочем, умный человек пользу может извлечь даже из многопудья житий орла нашего. Это из какой серии? А, «Биохроника (Час за часом, минута за минутой)». Ехать ещё долго, почитаю повнимательнее про 13-й год, когда он чудом в живых остался и, самое смешное, как раз в этих краях. Уж про такое до мельчайших деталей расписать должны».

* * *

Ссылные, зябко ссутулившись, молча стояли у каменистого мыса, далеко вдававшегося во вздыбившуюся от майского ледохода реку. «Ну что, обратно пойдем», – полуутверди-

тельно спросил Захаров, услышав в ответ: «Иди, а что сегодня – ещё только девятнадцатое?». Ответивший снова надолго замолк в глубокой задумчивости и, оставшись наконец в одиночестве, сел на камень, нависавший над самой водой. Минут через десять он почувствовал, что совсем продрог, и стал подниматься. Бесшумная яркая вспышка перед самыми глазами, ослепив, заставила его отшатнуться, сапоги поехали по скользкому камню, и последнее, что он услышал, уходя с головой под плывущую по Енисею льдину, был крик вернувшегося Филиппа: «Иннокенти-и-и-й, ты где-е-е?».

* * *

«Ну и дурацкая же ситуация, блин. Эти генеральские лбы из комиссии не две недели, а год ещё могли заседать, всё равно до меня не докопались бы. Как ни странно, не таких уж идиотов они с собой привезли, чтоб разбираться, только и эти майоры свои мысли в правильную плоскость направить в принципе не могут. Ну, неизвестно им о её существовании, и всё тут. Однако на факт несанкционированного импульса, да ещё такой мощности, реагировать как-то надо, вот дубы в лампадах и приняли оргмеры.

Еду теперь обратно по России-матушке, служить ещё полгода в совершенно бесполезной уже для моего дела части, а удался эксперимент или нет – так и не понятно. Режим секретности в части так старались блюсти, что выхода в Сеть оттуда не было, та «Биохроника» куда-то пропала, в ближайший городок с библиотекой до окончания разбора ЧП не выпускали, а потом бегом-бегом перебазироваться и в эшелон, который если и останавливается, то только на самых глухих разъездах.

Вроде не вышло ничего, раз эту лабуду по-прежнему перетирают: палач или спаситель, бла-бла-бла... Только почему они все время приплетают, что он с Таллина, по-моему, не было его там никогда?»

Примечания:

1) Дубровинский, Иосиф Фёдорович (парт, псевдонимы – Иннокентий, Инок, Леонид) (26 (14) августа 1877—1 июня (19 мая) 1913) – профессиональный революционер-большевик, пропагандист марксизма. Один из организаторов вооружённого восстания в Москве в 1905 г. Неоднократно подвергался репрессиям. Пошб в Туруханской ссылке. В. И. Ленин высоко ценил Д. как одного из крупнейших организаторов партии (см., например, Википедию).

2) Из книги В. А. Прокофьева «Дубровинский» (Жизнь замечательных людей). – М.: Молодая гвардия, 1969):

Донесение енисейского губернатора Селиванова:

«Туруханский Отдельный пристав рапортом от 4-го сего июня за № 256 донес мне, что административно-ссылный станка Баишенского Иосиф Федоров Дубровинский, за последнее время страдавший меланхолией, вечером 19 мая отправился гулять с товарищем своим Филиппом Захаровым, жившим с ним на одной квартире. Отойдя версты 1 1/2 от станка вниз по р. Енисею, Дубровинский сел на обрыв берега и попросил Захарова оставить его одного, что последний и исполнил; но, возвратясь приблизительно через час, не нашел уже Дубровинского ни на берегу, где он остался сидеть, ни в окрестностях этой местности, о чем Захаров и заявил местному надзирателю. Осмотром местности обнаружен отпечаток следов Дубровинского на камне, выдававшемся над водой, вследствие чего является предположение, что названный поднадзорный или нечаянно упал с камня в воду и утонул, или же покончил с собою умышленно. Предполагать побег нет оснований, так как Дубровинскому до окончания срока ссылки оставалось всего 4 1/2 месяца, пароходы прошли до исчезновения Дубровинского, и не обнаружено исчезновения ни одной лодки, на которой, за неимением иных путей, он мог бы скрыться. Принятыми мерами труп Дубровинского пока не обнару-

жено, но возможно, что таковой будет найден на спаде воды. Произведенное по сему делу дознание Отдельным приставом, на основании 253 ст. Уст. Угол. Судопроиз., направлено товарищу прокурора по Енисейскому уезду на прекращение».

ЮСТИНА ЮЖНАЯ Голубое стеклышко Рассказ

– Андрей, ты ведь знаешь, мне больше не с кем ее оставить. Ну пожалуйста! Ненадолго, всего неделя. Я попрошу Риту хотя бы пару раз зайти к тебе, может, она даже приготовит чего. Да и Леська уже самостоятельная, с ней хлопот не будет. Наоборот, сама поможет, если надо.

У сестры действительно не было выбора. Свою бывшую свекровь она на самом деле любила, а тут insult, мало ли как еще обернется. Но денег на два билета до Казани не было ни у нее, ни у меня. На один – да. А куда девать Леську? Конечно, ко мне. Присмотрит родной дядя-то за племяншкой. И неважно, что за дядей самим присмотр нужен. Раз я никогда не просил меня обслуживать, значит, силенки еще есть.

Естественно, я продолжил ворчать и отнекиваться, но в конце концов сдался.

– Ладно, приводи.

Положил трубку.

Ленка примчалась через пару с лишним часов, уже с дорожной сумкой и кучей разноцветных пакетиков. Пакетики вместе с растерянной и слегка взъерошенной Леськой были вручены мне. Инструкции по применению содержимого пакетиков мы с племяншкой выслушали молча, после чего удостоились торопливых теплых поцелуев и неизменной присказки: «Будьте осторожны, ни к кому не приставайте!» Я поклялся, что приставать к подозрительным незнакомцам, свидетелям Иеговы и продавцам на рынке с этого дня мы категорически отказываемся. Сестра уже на бегу улыбнулась и скрылась за порогом.

Мы с Леськой некоторое время смотрели на дверь, то ли ожидая, что Лена передумает, влетит маленьким торнадо и унесет все оставленное с собой, то ли оттягивая момент, когда придется повернуться друг к другу и что-то сказать.

Я, как положено старшим, подал пример.

– Ну что, Олесь, эту недельку ты здесь. Давай распаковывайся, будем обед готовить.

Она посмотрела на меня.

Выросла очень. Конечно, почти год я ее не видел, сейчас ей девять должно быть. Стоит серенький бельчонок такой, волосы короткие, уши торчат. Ленка зачем-то ей косички отстригла. Зачем? Девчонке вроде шло. Глазки тоже серенькие, взгляд... испуганный? Ну да, есть немного. На ноги мне глядит; детская непосредственность. Но, думаю, мама ей все давно рассказала.

– Пойдем, пойдем, не стой там.

Она пошевелилась, поставила пакет.

– Здравсьте, дядя Андрей.

– Да привет, поздоровались же, – я махнул ей рукой и нащупал пульт управления. Коляска развернулась, покатила на кухню.

Вечером Леська уже не шугалась ни меня, ни моего транспортного средства. Пристроилась с «Девочкой с Земли» на диване у окна и перечитывала (только на моей памяти – раз пятый) про неугомонную Алису и трех капитанов. Я подремывал, так и не найдя, чем заняться. Читать не хотелось, есть тоже, достать Фиговину я не решился.

– Дядя Андрей, а правда, что сюда часто дельфины приплывают? – спросила Леська, поднимая голову от книги.

Каким образом можно было провести логическую цепочку от Весельчака У до дельфинов, я не понял, но ответил:

– Правда.

– А завтра приплывут?

Я пожал плечами.

– Возможно. Но по заказу они не появляются.

– Хорошо бы приплыли. Мы с мамой почти не бываем на море...

Да, это так. Ленка живет в самом далеком от побережья районе, целыми днями работает, в нечастые выходные отсыпается и Леську одну (да и с подружками) к морю не отпускает. Девчонка небось соскучилась.

– А ты каждый день ходишь... ой... – она запнулась и чуть заметно вжала голову в плечи, укрываясь за переплетом книги. – Ты часто спускаешься к морю?

– Часто, – спокойно сказал я. – Видела деревянную дорожку? Это я сделал, то есть мне сделали, специально, чтобы я мог сидеть на побережье.

Леська замерла; видно было, что язычок у нее чешется спросить что-то еще, но она не решается. Боится обидеть? Я потянулся за газетой, пролистнул пару страниц, не нашел ничего любопытного, вернул на столик.

– И ты совсем не купаешься? – наконец произнесла племяншка.

– Ну почему. Купаюсь иногда, у берега. Но поскольку это для меня сложно, то – редко.

– Да? А я очень люблю купаться, – она вдруг оживилась, даже вылезла из-за переплета. – Меня тетя Рита в прошлом году научила плавать. Я могу брассом и на спине, и лежать могу «звездочкой», а кролем не могу, все время забываю голову правильно поворачивать и руками не так махаю и тону.

– Надо же, молодец, – я кивнул ей как можно одобрителней. – Ничего, кроль – легкий стиль, научишься.

– Можно, я завтра поплаваю? Я купальник взяла...

М-дя, этим вопросом племяншка застала меня врасплох. Я, конечно, за ней послежу с берега... Но что делать, если, не дай Бог, тонуть начнет? И вообще, холодновата вода, начало июня только.

– Знаешь, Лесь, мама говорила, что попросит тетю Риту к нам зайти. Давай ее дождемся, и тогда ты поплаваешь.

– У-у... – Леська скусилась. – Она, может, только послезавтра придет!

Послезавтра... Я невесело усмехнулся. Послезавтра. Какой долгий срок. Я вот иногда и не замечаю, как заканчиваются эти короткие бесцельные кусочки существования, гордо именуемые «день». Миг – и уже вечер, еще миг – недели как не бывало. Третий – и прошло полгода. Полгода, а я до сих пор не хожу.

– Ничего, послезавтра быстро наступит. Зато тетя Рита за тобой присмотрит.

– А ты не можешь?

В голосе мелькнула надежда. Пришлось развести руками.

– Я не могу.

Леська сжала губки.

– Ну ладно.

И снова уткнулась в книгу.

Оно шуршит. Оно берет камушки и катает их в пенных ладонях. Я слышу его утром, еще не открыв глаза, пытаюсь спрятать щеку от солнечного луча. Я слышу его вечером, когда выключен телевизор и не играет в наушниках «Clannad».

Оно шуршит.

Оно гладит стекла. Маленькие стекла от бутылок. Это же пляж. Вот прозрачное, обсыпанное песком, вот зеленое – застывший кусочек плавучей водоросли. Вот коричневое, через него можно смотреть на солнце и видеть его. А вот самое красивое – синее. Дверка в другой

мир; туда, где живут звезды и гуляет по улочкам Луна. Сквозь синее можно говорить с небом, и небо тебя услышит. А еще бывает, между галькой горят красные и желтые искорки...

И оно поднимает стеклышко, крутит в прохладных пальцах, начинает гладить. И шепчет еле слышно, так что и не разберешь: «Как тебе больно, мое милое. Ах, как тебе больно... Я все чувствую, мое хорошее, я чувствую, не бойся. Ты было частью такого совершенного целого. Такого гладкого, такого стройного и очень желанного, да? А теперь ты одно, о, мое дорогое, ты одно. Теперь ты разбито и потеряно. И ты режешь всех своими острыми краями. Конечно, ты режешь, тебя же разбили. Тебя же бросили с высоты прямо вниз, на эти холодные камни. Но не бойся... я поглажу тебя, мое родное. Я поглажу тебя, и боль отступит, ты станешь забывать прошлое. Не веришь? Это возможно. Ты станешь жить по-иному. Ты станешь жить. Опять. Ты будешь одно и не будешь больше одно никогда. Я буду рядом, всегда рядом с тобой. Мое милое...»

Стекла режут его, и оно снова и снова истекает солеными слезами. И гладит. И гладит. Пока не скользнет по краю, не поранив себе пальцы. И еще долгое время после.

Но то обычные стекла. Обычные бутылочные стекла.

А однажды... Однажды оно достает из своего глубокого кармана особенное стеклышко. Одно маленькое стеклышко – отражение неба в волне, васильковый лепесток, крыло голубянки, грань топаза, несбыточная мечта – маленькое голубое стекло. Оно ласкает его в последний раз и оставляет на берегу.

Тогда у кого-то, кто бродит по гальке в поисках разноцветных стекол, появляется шанс. Шанс на странное.

Фиговина (она же – «Витрум»², она же – Прибор... ну да, вот так, с большой буквы, в конце концов, имею я право на это маленькое тщеславие?) лежала в шкафу моей спальни, по совместительству – кабинета и мастерской. И когда Леська убежала к морю, я ее достал. Хотя, пожалуй, лучше по порядку.

Утром, не сильно ранним, пришла Валя. По-хорошему – Валентина Ивановна, конечно, однако старушка с самого начала настойчиво просила называть ее по имени. Старушку мне нашла Ленка, кому-то теперь нужно было убираться у меня в доме, хотя бы раз в неделю, и закупать продукты. За мелочевкой я «ходил» в магазинчик у поворота к нашему новому коттеджному району, крупные покупки поручал Вале. Она ничего не имела против прибавки к пенсии, а я не имел ничего против спокойной, по-своему доброй старушенции, изредка баловавшей меня пирожками собственного изготовления.

Валя протерла пыль, вымыла полы и шумом разбудила Леську, дрыхнувшую в крошечной комнатенке за шторкой. Леська выползла, натянув бежевое в белый горошек платье задом наперед, и в таком виде поплелась к умывальнику, мимоходом поздоровавшись с нами. Валя заворчала о брошенном без присмотра ребенке и добровольно прибавила к своим сегодняшним обязанностям одевание и кормление моего подкидыша. Затем (не переставая ворчать) удалилась.

Леська была отпущена на берег с куклой, книгой и строжайшим запретом на купание, а также обещанием, что дальше пирса она не забредет, – так я мог приглядывать за ней из окна.

Вот тогда я и полез за «Витрумом».

Он не был мне сейчас нужен, просто нравилось смотреть на него, держать в руках. Любоваться. На самом деле конструкция очень простая, тут и придумывать было нечего. Узкая железная пластина с тонкими штырями вдоль всей длины; кончики штырей едва заметно раздваиваются. Пять маленьких голубых стеклышек, зажатые в этих штырях. Края у стеклышек сглаженные, обточенные. Обточенные не человеком, морем.

---

² Vitrum – стекло (лат.)

Свое первое стекло я нашел, еще когда был жив дядя, то есть задолго до пожара и травмы. Дом, в котором я сейчас живу, принадлежал ему, и я время от времени приезжал сюда на выходные.

Люблю море, с детства. Наверное, так же, как любит его Леська и как любил дядя; похоже, это у нас семейное. Именно поэтому после того пожара я оставил съемную комнату (да и денег, чтобы платить хозяевам, теперь не было) и перебрался в дядин домишко. Он стоит у самой кромки воды, на отшибе, далеко от застроенных девятиэтажками районов и не сильно близко от свежевозведенных коттеджей. И хотя «дворцы» подбираются все ближе, но на побережье пока не строят, нынче трудно получить разрешение. Собственно, и дяде-то позволили там жить лишь потому, что участок этот переходил из поколения в поколение в дядиной семье аж со времен революции. Чудом он был получен, чудом оставлен нам. А самым большим чудом было наличие в доме газа и водопровода – спасибо дядиным знакомствам, иначе я не смог бы там жить.

В тот вечер я гулял по берегу. Конец апреля – днем уже вовсю жарило солнце, а под вечер вдруг похолодало. Резкий северо-восточный ветер разрушил весеннюю идиллию и продувал тело до последней косточки. Море слегка штормило. Я замерз, но упорно брел по берегу, поддевая носком кроссовки камешки и расшвыривая их в разные стороны. Пару часов назад у меня состоялся невеселый разговор с Ритой (той самой Ленкиной соседкой), я понял, что зря рассчитывал на какие-то чувства. Теперь не хотелось ни идти в дом, ни разговаривать с дядей, ни смотреть очередной этап «Формулы» (как мы это делали почти каждое воскресенье). Я брел и брел. Доходил до пирса, поворачивал обратно и снова брел. Я проделал этот маршрут раз двести, когда, пнув очередной камень, заметил его. Огненно-алые лучи закатного солнца отражались в небольшом стеклышке, присыпанном песком и обломками ракушек.

Не знаю, почему я нагнулся, обычный осколок, на пляжах таких полно. И все-таки... нагнулся. Полупрозрачное стеклышко легло в ладонь и тут же уютно там устроилось. Пальцы коснулись закругленных краев, покатали неправильный квадратик в ладони. Я поднес его к глазам, посмотреть на просвет: солнце тускловатым размытым пятном скользило за горизонт, уплывала в тень скала на горизонте, покачивался на грани между Зыбью и Явью дядин домишко. «Пора бы... ужин...», – прошептал дом. «Холодно... ходит... замерзнет». Я вздрогнул и отнял стекло от лица. Дядя зовет?

На пороге никого не было. Дверь не шевелилась, оба окна закрыты. Померещилось? Я огляделся – никого. Медленно поднял голубое стекло.

«Лестница... ставить... все старое... где?.. жаль... Андрей... Ритка... замерз... ужин...»

Рука с осколком упала.

Так, ладно, что бы мне ни мерещилось, а домой действительно пора – ног, ушей и кончика носа уже не чувствую.

– Ой, дядя Андрей, а что это такое?

Я обернулся.

Леська с ракушкой в перемазанных илом и песком ладонях стояла на пороге и пялилась на Фиговину. Я подавил желание немедленно спрятать ее обратно в шкаф – глупости все это, скрывать – только раззадоривать любопытство – и просто отодвинул в сторонку.

– Иди умойся, чудо завазюканное, потом расскажу.

– Ага, я щас!

Племянка умчалась с быстротой молнии и с такой же скоростью вернулась.

– Ну?..

– Баранки гну. Куда ракушку девала?

– Я ее в ванной оставила, потом помою. Расскажи, ну расскажи, что это?

Стеклышки отразились в серых глазах, с интересом уставившихся на смешную конструкцию моей сборки, превращая их в голубые. А ведь Леська похожа на дядю, вдруг понял я. Удивительно похожа. Да и... на меня самого, пожалуй. Не столько внешне, хотя и высокий лоб, и оттопыренные ушки – это наша порода, сколько вот этим сероглазым любопытством. Дяде было интересно все и всегда, он находил необычное там, где остальные прошли мимо, он редко по-настоящему скучал. И смотрел точно так же, как сейчас эта девчушка, когда однажды я в его присутствии свел два стеклышка вместе...

– С помощью этой штуки, Леся, – торжественно начал я, – я могу узнать, о чем ты думаешь.

Племянка покосилась на меня с долей здорового удивления.

– Как можешь?

– А так. Смотрю сквозь стеклышки и читаю твои мысли.

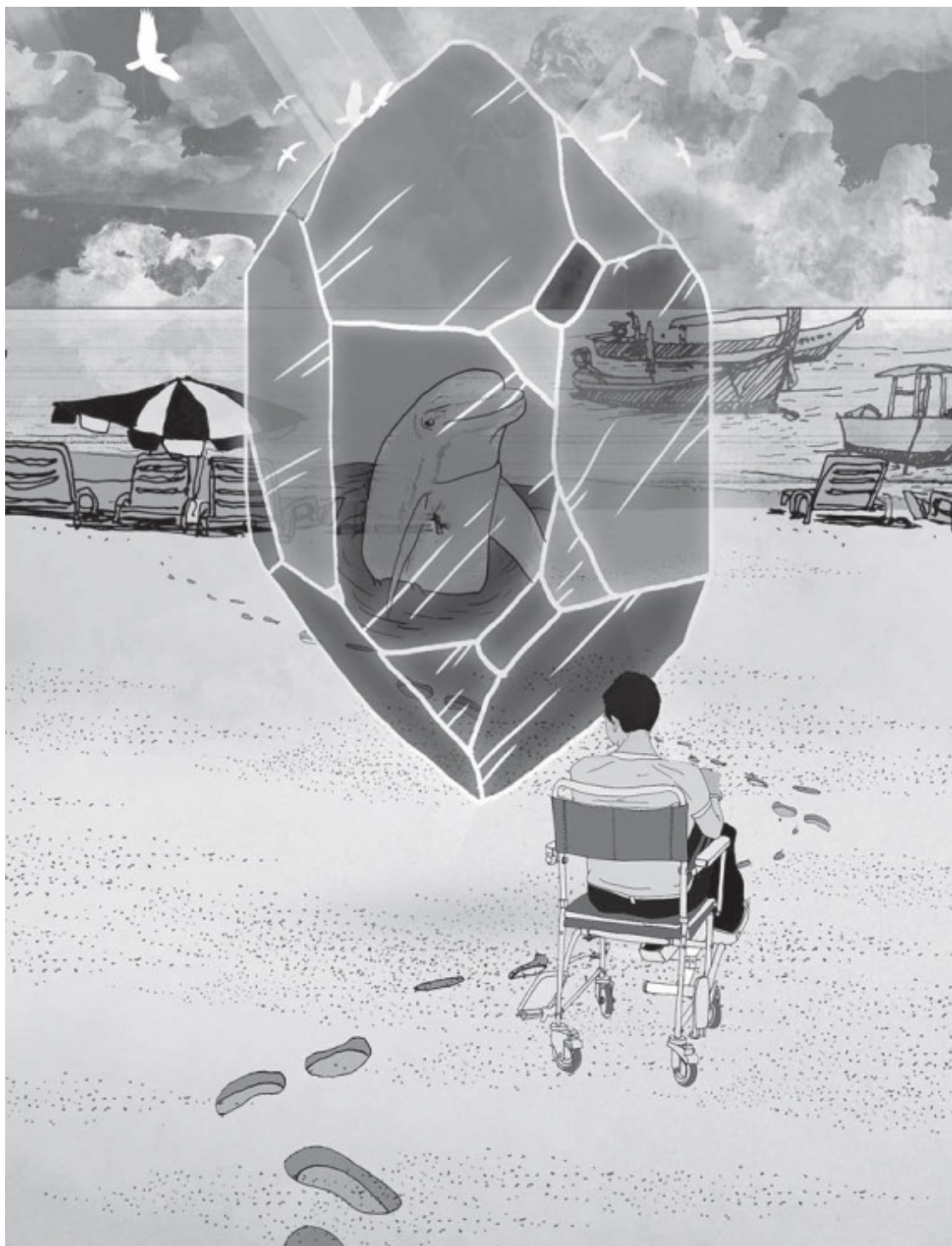
Леськино лицо выразило крайнюю степень недоверия. Она протянула руку, потрогала железку.

– Это что, миелофон?

Я хмыкнул.

– Ну, допустим, миелофон.

– И как он работает?

Вопрос прозвучал неожиданно по-взрослому, я даже растерялся, не зная, что ответить.

– М-м... – Я почесал в затылке и решил процитировать Эдмонда Гамильтона (не учебник же физики, в самом деле). – У каждого человека есть сознание, сознание – это сложная система полей...

– Торсионных?

– Что? – тут я окончательно опешил. – Откуда ты знаешь про торсионные поля?

– Мама увлекается, – махнула рукой Леська. – Все время с тетей Олей эти поля обсуждает.

Я с облегчением выдохнул. Понятно, девочка слышала умное слово.

– Нет, не торсионные. Торсионные – это ненаучно. А по науке...

– Так ты их прям слышишь? – перебила она меня, явно не заинтересовавшись наукой (вот ведь девчонки, неведомых полей им не надо, а пощупать и потрогать – это дай подай).

– Мысли-то? Слышу, ага.

– Честно? Дядя Андрей... Не, честно? Ну... скажи тогда, о чем я сейчас думаю?

Несколько мгновений я боролся с искушением. Нет, нельзя. Это же Леська. Втягивать собственную племянку в эксперименты... Дело даже не столько в этике, просто... Просто тот пожар шестимесячной давности что-то повернул в мозгах. Мне кажется, все тогда произошло не случайно. Может, так и начинается паранойя, но я думаю, мы с дядей поплатились именно за игры со стеклышками.

– Ты думаешь... – Я взялся за «Витрум», старательно хмурия лоб и изображая работу сознания. – Ты думаешь о том... что у нас будет на обед.

Леська подскочила на месте и совсем невежливо стукнула меня по плечу.

– Ну-у, нет! Дядя Андрей! Давай по-честному!

Я улыбнулся.

– Это и есть по-честному.

Леська плюхнулась на стул, кривя губки.

– Так ты пошутил? Это не миелофон?

Пришлось развести руками.

– Извини, пошутил, ага.

– Тогда что?

– Да так, безделушка.

– А почему тут не хватает одного стекла?

В железной подставке действительно торчал еще один пустой штырек.

– Стекло еще не нашел. Вот найду и вставлю.

– И что получится?

– Ну... сейчас их пять. А получится шесть.

Леськино лицо вытянулось, бровки сложились в домик, но она не стала переспрашивать, поинтересовалась:

– А где ты ищешь стекла?

– На берегу, – честно ответил я.

– Я-а-асно, – протянула племянка, покосившись в сторону входной двери. – Ну и что у нас на обед?

Я весело подмигнул ей.

– Так ведь что приготовишь, то и будет.

– Не, я так не играю! – крикнула она и со смехом и топотом уличалась из комнаты.

Подождав пару минут, я убрал «Витрум» в шкаф и повернул в дверце ключик. От греха подальше.

Получится шесть...

Найти стеклышки вовсе не легко. Давно известно, море расстается со своими сокровищами неохотно. Откуда оно их берет? Кто знает. Бутылки, флаконы, пузырьки, выплаженные ласковыми пальцами... Нет, сквозь обычные стекла не слышно, как дядя сокрушается о старой лестнице на второй этаж, как он жалеет беднягу Андрея, у которого не сложилось с девушкой Ритой, как плачет сухими глазами о ее тезке, моей родной тете Маргарите. Как встречает ее и прощается с ней снова и снова.

Нет, эти стекла не из бутылок. Они из глубины, из самой темной и ледяной части моря. Из обрывов и впадин подводных гор. Осколки неведомых нам кристаллов. Возможно, тех самых, из которых был сделан Алисин миелофон.

Миелофон... ха-ха... смешно.

Я покачал головой.

Найти стеклышки трудно. Не часто море делится маленьким полупрозрачным кусочком своей тайны. Кусочком с неровными, но гладкими краями. А если и найдешь, как догадаться, что это он, твой шанс на странное. На то, что никто раньше не делал.

Второе стекло я увидел возле пирса три месяца спустя. Волны катали его вместе с мелкими рыже-шоколадными камушками, забавляясь и играя: то хватали и уволаскивали в глубину, то подкидывали и легким щелчком выбивали на берег. Я стоял и не смел отобрать у моря его игрушку, не попробовав сначала понять эту игру, почувствовать ее ритм.

Шшшр-р-шш... мое, мое, заберу, не отдам... шшшр-р-шш... на, возьми, поиграй, решаю... шшшр-р-шш... поверил? а вот и не твое, не твое... шшшр-р-шш...

И опять.

И показывает мне язык.

А я приседаю. Жду. Играю вместе с ним. По его правилам. На руке оседает белая соль. Потом я сжимаю кулак, загребая горстью ракушечную крошку, песок и стекло. Маленькое голубое стекло. И оно становится мое.

Теперь я слышу четче и лучше.

«Знаешь, Маргоша, ты бы на меня обиделась, я снова начал курить... Куда девался Андрюха, мать его за ногу?... Котлетами пахнет, пригорели... Какая шикарная грудь... слава Богу за телевизор... Маргоша, где же ты...»

Обнаружив второе стекло, я рассказал о нем дяде. Третье мы уже искали вместе. А когда нашли, случился пожар. Собственно, подобные происшествия у нас в городе случались регулярно. И мы так же регулярно на них присутствовали. Мы ведь пожарные: я и дядя.

И тот пожар был совершенно рядовым, ничем не отличавшимся от десятков других. Ночь. Дежурка. Вызов. Машина. Сирена. Одноэтажный деревянный домик на окраине, чем-то похожий на дядин. Но... лопается от нестерпимого жара оконное стекло (стекло?) и ворвавшийся ветер с безумным и безудержным весельем расшвыривает языки пламени во все стороны. Мгновенно занимается крыша, потолок. А дядя внутри, ищет жильцов, семью запойных алкоголиков, любящих покурить в постели. Выносит женщину, та брыкается, вырывается и кашляет так, будто ее сейчас разорвет. Дядя бросается за мужчиной.

И тогда падает балка.

Она падает, преграждая путь.

К дому бегу я.

Мне кажется, тот пожар был потому, что мы узнали. Понимаете, узнали одну из тайн моря.

Я вытащил дядю. А хозяина дома вытащил кто-то из нашего расчета. Мужик остался жив, дядя так и не открыл глаза. А я в том пожаре потерял ноги. Они просто отнялись. Не было ни травмы, ни удара, ничего. Врачи сказали, это психологическое, должно пройти само. Или неврологическое. Или еще какое-то «ическое». Должно пройти само.

Проходило уже полгода.

Четвертое стекло я не искал. Даже не собирался.

Я сидел в своей прекрасной новенькой коляске с электрическим приводом (ее подарила мне моя команда, бывшая) и, кажется, встречал морозный февральский рассвет. «Кажется» – потому что я был смертельно пьян и плохо помню, вставало солнце или садилось.

Шршахш... шршахш... море смеялось надо мной. Долго и занудно. А затем выкинуло стекло. Прямо к моим ногам.

– Издеваешься, – сказал я морю. – Ты издеваешься.

– Шршахш, – ответило оно и уползло.

Я долго глядел на осколок у себя под ногами. Гадкий, мерзейший осколок. Я наклонился и поднял его.

Через неделю смастерил нехитрый Прибор. С ним было легче слушать.

Почему этот подарок достался именно мне? Море решило, что за тайну уплачено достаточно?

Четвертое стекло превратило меня в Маугли – я стал понимать мысли животных.

Честно говоря, было страшновато. Да нет, вру, ужасно страшно. В первую очередь я всерьез решил, что сошел с ума. Представьте, смотрите вы на соседскую таксу. Такса как такса, смешная, веселая, черная с рыжими подпалинами, носится по кромке воды, спущенная с поводка. А потом вы берете стекла.

«Запахи, запахи... солено... свет, вода... хозяйка, хозяйка... мокро, шуршащее... мягко, твердо... хозяйка, хозяйка... радость, радость, радость... бегай, играй... хозяйка... бежим домой... бежим наперегонки... человек... знакомый человек... хозяйка зовет Андрей...»

Слава Богу, бабочки, муравьи и жуки не разговаривали. А то я бы точно свихнулся. «Здравствуйте, дорогая лимонница, побывали уже на лугу? И как нынче у нас с пыльцой? Оранжевой уменьшилось, а желтой прибавилось? Ах, что вы говорите! Полечу, расскажу всему рою...» Бр-р.

Боялся я и последствий. Кто их знает, эти стеклышки, может, у меня от них потом Альцгеймер случится или еще какая гадость.

Но каждый раз, когда я брал «Витрум» в руки, страх отступал. Мне было слишком интересно.

С пятым стеклышком я разобрался в вечно меняющихся и неизменно постоянных желаниях птиц. Многие часы я проводил на побережье, смеясь над болтовней чаек и пытаюсь расслышать, о чем шепчутся дельфины вдалеке. Попросил Ленку купить мне хомячка.

Еще я подкармливал приبلудную кошку, пока в один прекрасный день с помощью Фиговины не выяснил, что полосатая хитрюга кормится еще в трех домах. Впрочем, я продолжал выставлять миску с молоком на задний двор и после данного возмутительного открытия.

Иногда я думал об академии наук, ученых, нобелевской премии. А иногда не думал. В конце концов, это мое стекло. Я за него честно заплатил.

Только хотелось исследовать еще и еще.

Что принесет мне шестое, я мог лишь догадываться. Но это должно быть что-то грандиозное. Передача мыслей на расстоянии?

А возможно, найдется и седьмое, и восьмое, тогда Фиговину нужно будет чуть-чуть переделать...

Но все это не сейчас. Сейчас я отправлюсь обедать, развлекать Леську, читать того же Гамильтона, смотреть квалификацию в «Формуле». А вечером – умыться и спать. Я удостоверюсь, что племяшка почистила зубы, пожелаю ей спокойной ночи и поеду к себе. Перенесу свое тело из коляски на кровать, изворачиваясь, словно здоровенный уж, сниму штаны и рубашку и лягу.

Пусть мне приснится что-нибудь хорошее.

* * *

Жара приходит неумолимо. Со лба льет пот, то и дело съезжает набок дурацкая каска, в тяжелых сапогах угли. Жара не знает жалости, она – единственная истинная инквизиция. Огонь – единственный истинный мессия. Они кладут твоё тело на жаровню и подбрасывают деревья в топку. Они смотрят, как ты ползешь, падаешь и встаешь для того, чтобы снова опуститься на колени.

Жарко. Как тогда, в июле, в позапрошлом году. Тогда плавился асфальт у цветочной палатки, прятались от иссушающего зноя прохожие, дядя грохнулся с солнечным ударом.

А мои плечи обгорели до волдырей. Я ойкал, подставлял плечи Ритке, и она мазала их сметаной...

И сейчас снова пузырятся волдыри, хрустит и лопается черная кожа. Только рядом нет Ритки, чтобы спасти меня от жары.

Жара подходит ближе, ты кланяешься ей, каска слетает на пол. Поклон недостаточно низок, и тут же следует наказание. В поясицу ударяет огненная волна, а следом за ней волна морская, ледяная.

У тебя больше нет дяди. У тебя больше нет ног. У тебя есть только стекло.

Маленькое голубое стекло, в котором отражаются огненно-алые лучи заходящего солнца.

* * *

Я проснулся на рассвете. Не знаю, что меня разбудило – слишком жаркое одеяло, шорох в комнате или дурной сон. Я остался лежать с закрытыми глазами, слушая, как тикают настенные часы со сломанной кукушкой (дядино наследство). В оконную щель задувал прохладный бриз, он же доносил неясный шум с пустынного пляжа.

Шум. Пустынный. Пляж.

Я открыл глаза.

Что-то было не так. Но не понятно что. Окно на месте, кровать на месте, стол на месте, кресло на месте, дверца... Дверца шкафа приоткрыта. Странно. Я закрывал ее вчера. Убрал «Витрум», повернул ключ и... и оставил его в замке! Вот болван. Но как...

Я дернулся, приподнимаясь на руках.

– Олеся! Олеся! – позвал я и прислушался.

Из соседней комнаты не раздалось ни звука.

– Олеся! – крикнул я громче.

Тишина.

– Олеся, иди сюда! – заорал я уже во всю мочь.

Ни голоса, ни движения.

Я, корячась на постели, натянул на себя штаны и сполз в кресло. Коляска дернулась и нехотя проползла пару метров. Аккумулятор! Гадство, забыл зарядить. Ну давай, давай, шевелись, дурацкая машина.

Кресло сместилось еще немного, я выехал из комнаты и добрался до Леськиного закутка. Отодвинул штору.

– Леся...

На постели лежала байковая простыня, огромная пуховая подушка и шерстяное одеяло. Все, как и должно быть. А вот кто там *не* лежал, так это девятилетняя девочка с короткой стрижкой.

Несколько мгновений я сидел, не двигаясь, затем развернулся. Кресло катнулось и замерло. Сволочной аккумулятор! Цепляясь за стены, я покатил к входной двери. Шестидесятикилограммовая коляска двигалась натужно, ручного привода у нее не было.

– Леся! Леся, ты где?!

Дверь распахнулась от моего толчка. За ней, зевая и потягиваясь, шелестело море, неспешно просыпалось тихое побережье. Я окинул взглядом полоску пляжа. Никого. Дальше – никого. Бетонный пирс – нико...

Господи...

Бежевое в белый горошек платье, желтые босоножки. Больше отсюда ничего не видно. Просто прилегла? Отдыхает? Уснула?

– Олеся!

Порыв ветра задел бежевое в горошек, трепанул, задирая выше колен.

– О-ле-ся-а-а-а!!!

Не может быть.

Леська...

Я кинулся к ней. Босиком по камням.

Кинулся? Босиком?

Еще несколько шагов я сделал по инерции и упал, обдирая ладони.

Что происходит?

Шатаясь, словно сдуваемый штормом, я поднялся на колени. Они дрожали, норовя расползтись в разные стороны, но держали меня. Держали. Давай! Ползи вперед... чего ждешь.

До пирса далеко. Я раньше не знал. Сто тыщ миллионов ползков коленями по камням. Миллион первый, миллион второй...

– Леська-а-а!

Миллион третий, миллион четвертый...

Коленки коснулись бетона. Леська лежала почти у берега, совсем близко. Ее тело вздрагивало и выгибалось, будто в припадке эпилепсии. Я подтянулся на руках, забрасывая ноги на пирс. И снова на колени. Огненные иголки во всем теле, а больше всего в ступнях. Но я уже знал, еще минута-другая и...

– Леська.

Я приподнял голову девочки. Глаза были открыты, но она не видела меня. Тело конвульсивно дергалось, и я никак не мог обхватить ее руки, чтобы они не бились о камень.

– Леська, бельчонок, что с тобой? Что случилось? Господи, что...

И тут я заметил Фиговину. Она валялась рядом. Узкая железная пластина, пять штырей, пять голубых стекол. И еще один штырек, шестой.

Одной рукой обнимая Леську, второй я дотянулся до «Витрума». Вгляделся. Так и есть, кончики штыря были разжаты. Туда явно что-то вставляли.

Но что?

Я медленно поднял глаза.

У другого края пирса показалась острая мордочка дельфина. Дельфин плыл как-то неестественно, рывками. То вдруг взмахивал плавником, то переворачивался кверху брюхом. Его стая резвилась далеко в море, а он почему-то оставался возле берега.

Нет...

Леська вдруг замерла, и я, отпустив ее на мгновение, трясущимися руками поднял Прибор, направляя на дельфина. Никак не мог сосредоточиться. Сознание билось, ускользало. Сердце колотилось, как синица в горящей клетке. Как в горящем доме.

Сквозь вату в ушах пробилась мысль. Не моя. Чужая.

«Страшно... Шестое... шестое... Страшно... Нашла... Шестое... Страшно... страшно... страшно... Спаси...»

Руки бессильно упали.

Так вот что делает это стекло. Не читает мысли, не передает их. Оно передает сознание.

Все целиком. Как у Гамильтона. Обмен...

Я уставился в одну точку. Зрение застил ужас, я не видел ни Леськи, ни дельфина, ни бетонного пирса.

Только размытое синее марево, волны.

Где? Где эта чертова стекляшка?!

В пальцах у Леськи ничего не было, в кармашке платья тоже. Вокруг пустота.

– Сейчас, Лесенька, сейчас. Где же оно? Мы его найдем. Сейчас. Ты только потерпи. Подожди немножко. Мы найдем его. Оно где-то здесь. Не могло же оно укатиться...

Оно могло. Могло укатиться, могло свалиться в воду. Оно могло проделать все, что ему угодно!

Наверняка это произошло не сразу. Леська каким-то невероятным образом подобрала стеклышко. Ну да, шестое. Подошла с Фиговиной к краю пирса. Невдалеке плавали дельфины. Она направила Прибор. Услышала. Испугалась, обрадовалась, снова испугалась. Побежала обратно к берегу. Но было уже поздно. С каждым шагом она теряла себя – мысль за мыслью, мысль за мыслью, пока совсем не...

Проклятие моей семьи.

Стекло! Мне нужно это гадское стекло!!!

Размазывая слезы по лицу, я подтащил Леську еще ближе к берегу, чтобы не дай Бог не упала в море. А теперь опять на колени. Вставай, изобретатель хренов, и ищи, ищи это сволочное стекло!

– Андрей, это ты?

Чьи-то шаги рядом – торопливые, спешащие, – руки, пытающиеся меня приподнять.

Ритка.

– Андрюш, ты что... ты без коляски?.., я вот встала пораньше, а ты *тут*... Ой, Олесечка! Андрюш, что такое?! А я ведь так и знала, нет, так и знала, ни свет ни заря вскочила... чувствовала...

– Стекло, – прохрипел я. – Ищи стекло!

Она взглянула на меня. Так, наверное, смотрят на умалишенных. Но что еще я мог сказать? Сейчас вся моя жизнь отражалась в маленьком стеклышке. Маленьком голубом стеклышке неправильной формы.

Потому что у меня еще есть шанс найти его и вернуть все, как было. И я найду. А потом пускай море подавится своими подарками. Пускай подавится. Оно больше никого у меня не отберет. Я не отдам.

Я ползал по камням у самой пенистой кромки воды. Ритка пыталась поднять то меня, то Олеську, порывалась бежать в дом и вызвать «скорую помощь», почти не слушала моих злых, отрывистых объяснений, потом расплакалась. Я искал. Внутри был огонь, а снаружи вода.

– Андрей.

Я поднял глаза.

Ритка стояла у пирса. В руках – небольшой квадратик стекла. Отражение неба в волне, васильковый лепесток, крыло голубянки, несбыточная мечта...

– Ты это ищешь? – В ее голосе одновременно смешались испуг, недоверие, раздражение и сочувствие к сумасшедшему.

Я оперся на ладони, поднимаясь с колен на ноги, неуклюже, тяжело. Штаны были порваны, иголки пронзали ступни по-прежнему. Я стоял.

– Андрюша...

Еще до того как она кинулась ко мне, еще до того как я доковылял до Фиговины, оставленной рядом с Леськой, до того как вставил стекло и направил Прибор на дельфина в море, до того как племяшка вздрогнула, открывая глаза, – до всего этого. Я увидел его.

Прямо под моими ногами. Оно лежало тихо и спокойно, словно было тут вечно. Словно не вырвалось только что из белесоватой пены на пустом пляже. Точно такое же, как топазный осколок, который сейчас ловил искорки поднявшегося из-за горизонта солнца в Риткиных пальцах.

Семь.

Что-то неизведанное, что-то потрясающе новое, что-то невозможное – у меня в руках.

Я наклонился, сгребая его всей пятерней вместе с песком и мелкой рыжей галькой. Секунду постоял, глядя на волны и слушая шуршание утреннего прибоя. Затем размахнулся и изо всех сил швырнул в море.

Я уже сказал, мне от него ничего не нужно.

ОЛЕГ КОЖИН

Сученыш

Рассказ

Осенний ноябрьский лес походил на неопытного диверсанта, неумело кутающегося в рваный маскхалат цвета сырого промозглого тумана. Сердитая щетина нахохлившихся елок, не спросясь, рвала маскировочную накидку в клочья. Высоченные сосны беззастенчиво выпирали в самых неожиданных местах. И только скрюченные артритом березки да обтрепанные ветром бороды кустов старательно натягивали на себя серую дымчатую кисею.

Еще вчера на радость горожанам, уставшим от мелкой мороси, поливающей мостовые не слишком обильно, но исправно и часто, выпал первый снег. А уже сегодня отравленный выхлопами ТЭЦ, одуревший от паров бензина, он растаял, превратившись в липкую и грязную «мочмалу». Но это в городе. А лес по-прежнему приятно хрустел под ногами схваченной первыми настоящими морозами травой, предательски поблескивал снегом из-под туманного маскхалата.

Из всех времен года Серебров ценил именно переходные периоды. Кто-то любит лето – за жару и буйную, неукротимо растущую зелень. Кто-то любит зиму – за снег, за чистую белизну, за Новый год, в конце концов. Поэты воспевают осеннюю тоску и «пышное природы увяданье». А Сереброву больше всего нравилось находиться на стыке. Очень уж нравились ему смешанные в одной палитре осенние рыжие, желтые, красные краски – присыпанные снегом, схваченные морозцем, до конца не облетевшие листья. Недозима.

Сосед Кузьма Федорович, в прошлом отличный охотник, ныне, в силу преклонного возраста, полностью пересевший на рыбалку, частенько ворчал на Сереброва:

– Вечно ты, Михал Степаныч, не в сезон лезешь. То ли дело по «пухляку» дичь скрадывать, так нет же! Выползешь, когда под ногами даже трава хрустит... Как ты вообще с добычей возвращаешься, ума не приложу?!

Прав, кругом прав был пенсионер. Захваченный первыми заморозками лес словно спешит извиниться перед мерзнувшим зверьем, загодя извещая о каждом передвижении опасных пришельцев с ружьями. В такое время, как ни старайся передвигаться осторожно, под ногами обязательно громко хрустнет если не сбита ветром ветка, так смерзшаяся в ледяную корку листва.

Впрочем, Михаил Степанович не особо-то и таился. Широкоплечий и рослый, он мерно вышагивал по еле заметной звериной тропке, практически не глядя под ноги. Под тяжелой поступью его обутых в подкатанные болотники ног, треща, разбегались изломанной сеткой маленькие лужицы, крошилась в труху ломкая заиндевевшая трава, лопались тонкие ветки. Перепуганное шумом с дороги исполина торопилось убратся все окрестное зверье, и даже вездесущая пернатая мелочь, стайками срываясь с верхушек деревьев, стремительно улетала прочь, на своих писклявых птичьих языках кроя двуногое чудовище по матери. Серебров их не слышал, равно как не слышал он, какую сумятицу вносят в застывший мир замерзшего леса его тяжелые шаги.

Узнай кто из коллег, как Михаил Степанович ходит на охоту, подняли бы на смех, а то и вовсе сочли бы ненормальным. Нет, со снаряжением у Сереброва был полный порядок. Толстые зимние портянки плотно укутывали спрятанные в сапоги ноги. На спине висел вместительный, выдавший виды рюкзачище на девяносто литров, купленный около десяти лет назад и все еще верой и правдой служащий своему хозяину. Охотничий костюм – полукombineзон, дополненный теплой курткой, легко выдерживал температуру до минус двадцати градусов, так что при нынешних минус восьми Михаилу Степановичу было вполне

комфортно. И даже камуфляжная расцветка с поэтическим названием «Зимний кедр» была подобрана как раз по сезону.

Вот только оружия у охотника не было. Нет, конечно, болтался на поясе скрытый лапами куртки и плотными кожаными ножнами тяжелый нож с широким лезвием, да в одном из боковых карманов рюкзака валялась давно не вынимавшаяся швейцарская «раскладушка». Но вот ни ружья, ни патронов Серебров с собой не брал уже два года. Зато брал вещь абсолютно не нужную, и даже, по мнению подавляющего большинства охотников, вредную. Ну кто, скажите на милость, идя в лес бить зверя, берет с собой плеер? А между тем, тонкие проводки наушников привычно выползали из-под ворота зимней куртки и, извиваясь черными змеями, терялись в густой бороде Михаила Степановича.

– Поброжу по болотам, проверю грибные местаааааа.

Отпущу свою душу погреться на звезды...

...задушевно выводил в динамиках глубокий бас Полковника. Плеер, миниатюрную четырехгигабайтную китайскую подделку под «Айпод», Серебров приобрел в прошлом году, удачно сменяв на выделанную волчью шкуру заезжим толкиенистам, устроившим в окрестных лесах какой-то свой шабаш. Тощий длинноволосый паренек, одетый в кольчугу поверх грязной косоворотки, сам того не понимая, за одну ночь привил угрюмому охотнику любовь к музыке. Изначально Серебров собирался толкнуть игрушку кому-нибудь из городских барыг, не слишком жалующих волчью шкуру, зато ценящих мобильные телефоны и прочий электронный хлам. Но среди мешанины незнакомых и зачастую непонятных песен одна зацепила старого охотника за живое, как рыболовный крючок, вырывающий внутренности глупому окуню. Именно она сейчас играла в ушах Михаила Степановича, тонкой стенкой из гитарного перебора и писклявых клавиш гармонии отсекая его от многообразия лесных звуков.

Запутанная тропка внезапно прекратила юлить и вывела охотника к маленькой почти обмелевшей речке, чье имя знали, вероятно, лишь географические карты. Ведущий к ней пологий склон густо порос кустарником и низенькими кривыми березками. Аккуратно привалив рюкзак к стволу самого большого дерева, корневища которого изгибались удачным и крайне удобным для многочасовой засады образом, Серебров неторопливо спустился к воде. Встав на колени, осторожно, чтобы не пораниться, кулаком разломал тонкое ледяное стекло и долго смотрел на свое бородатое отражение. Простое широкое лицо, из тех, что принято называть «русскими», за последнее время с виду совсем не постарело. Даже пучок длинных рыжих волос, стянутых на затылке резинкой, по-прежнему успешно сопротивлялся седине. Разве что лапки морщин, обосновавшихся возле глаз, тех самых морщин, что придают улыбке добродушную лукавость, стали заметно шире и ветвистее.

Большие грубые ладони зачерпнули ледяной воды и с наслаждением плеснули прямо в лицо, обжигающим холодом подстегнув кровь двигаться быстрее. Серебров с наслаждением потер глаза, отжал бороду и, глядя, как колыхается его лицо в чистой воде, прошептал:

– Господи, пронеси... Пусть все хорошо пройдет, Господи...

Этот простенький ритуал в последнее время заменял ему псалмы и молитвы. Не был уверен Михаил Степанович, что право имеет с Богом разговаривать. Но и не разговаривать с Ним совсем тоже не мог и потому перед каждой вылазкой ходил к безымянной речке умываться.

Упираясь ладонями в колени, Серебров поднялся к рюкзаку и отстегнул пластиковые карабины, закрывающие основной отдел. Из малого отдела охотник вынул пенополиэтиленовую сидуху, подsunул ее под куртку и застегнул на бедрах. Пройдя к причудливо изогнутым корневищам дерева, присел прямо на стылую землю, спиной к рюкзаку. Поерзал, устраиваясь удобней, и, откинувшись на самый толстый корень, достал из-за пазухи старый латунный портсигар. Пальцами подцепив сигаретку, сунул фильтром в заросли усов

и бороды, а сам портсигар, на внутренней стороне крышки которого крепилось крохотное зеркало, пристроил на соседнем корне – так, чтобы происходящее за спиной было видно во всех подробностях. Неторопливо подкурил. И только выдохнув в морозный воздух первую затяжку горького табачного дыма, Михаил Степанович бросил за спину:

– Матвейка, вылазь...

Отражение, которое давало зеркало, было слегка волнистым и оттого казалось ненатуральным, как дешевый спецэффект в старом фантастическом фильме средней руки. К этому Михаил Степанович давно привык. И все же, где-то в самой глубине подсознания не мог отделаться от мысли, что он уже давным-давно «поехал крышей» и на деле сидит сейчас где-нибудь в комнате с мягкими стенами, намертво спеленутый белой рубашкой с непомерно длинным рукавом. Потому что перед той реальностью, которой вот уже два года жил Серебров, меркла любая фантастика.

Верх рюкзака откинулся назад, и изнутри показались тонкие бледные руки. Неестественно выломавшись в локтях, они вцепились в усиленные каркасом стенки, примяли их, следом за собой вытягивая в морозный воздух притихшего леса лысую голову, с едва заметными, плотно прижатыми к черепу ушами. Частично выползая из рюкзака, частично снимая его с себя, существо поспешно выбралось наружу целиком. Тело – абсолютно голое, если не считать за одежду грязный кусок ткани, бывший некогда плавками, – казалось, совсем не реагирует на легкий, но все же ощутимый морозец, а босые ступни спокойно встали прямо на обледеневшую траву. Молниеносно обернувшись, существо на долю секунды явило отражению свой безносый лик и тут же исчезло из поля зрения зеркала. Совершенно бесшумно и практически незаметно.

Пальцы Сереброва автоматически поменяли зеркалу угол обзора, и охотник успел заметить быстро удаляющуюся худую спину с отчетливо выпирающим позвоночником и широко ходящими под тонкой кожей лопатками. Странное создание стремительно неслось между кустами и деревьями, ловко перепрыгивая бурелом, огибая заросли кустарника, стелясь под самыми низкими ветками. Без единого звука – это Михаил Степанович знал абсолютно точно. Он и плеер-то не выключал в основном из-за того, что уж больно жутко было в полной тишине смотреть на призрачно-бесшумный бег детской фигурки.

Удовлетворенно кивнув самому себе, охотник захлопнул портсигар, но далеко убирать не стал, сунул в карман. Вытащив из-за пазухи «айпод», Серебров отыскал там Полковника, заиклился любимую песню на повтор, и, выведя звук на максимум, облегченно прислонился к спинке своего природного кресла. Участие Сереброва в охоте закончилось. Теперь ему оставалось просто ждать. И надеяться, что все пройдет гладко.

Поводив плечами, Михаил Степанович приподнял ворот куртки, уткнулся лицом в высокое горло грубого шерстяного свитера и закрыл глаза отяжелевшими от налипшего инея ресницами. В тревожной полудреме зрачки его безостановочно сновали под веками, изуродованными вспухшими красными прожилками. Неглубокий сон смешал в один бессвязный сюжет бродящего по болотам в поисках больших сапог Полковника, застреленных им грибников, мертвенно-бледного Матвейку и отчего-то Буяна. Это было странно, потому что Буян не снился Михаилу Степановичу уже года полтора. Первые месяцы он приходил регулярно – упирался своими тяжеленными лапами прямо в грудь Сереброву и, глядя в его беспокойное, мнящееся лицо, давил всем весом... давил, давил и давил...

* * *

Буян был пес – всем псам пес. Настоящая охотничья собака, не чета всяким шавкам. Покойный ныне лесник Лехунов, шесть лет тому назад окончательно спившийся и утонувший по осени в речке Оленьей, отдавая Михаилу Степановичу Буяна, тогда еще совсем

щенка, клялся и божился, что кутеныш этот не что иное, как помесь волка и лайки. Большой веры покойнику, царствие ему небесное, не было. В погоне за водкой мог и не такое наплести. Сереброву памятен был случай, когда Лехунов толкнул «черным следопытам» координаты партизанского оружейного склада, оставшегося, якобы, со времен Великой Отечественной войны. Тогда предприимчивый лесник закопал в полусгнившей землянке одну из конфискованных браконьерок в надежде, что проканает. Не проканало. На счастье свое, отделался Лехунов вывихнутой челюстью да тремя сломанными ребрами. Так что не было веры покойничку, не было. Однако, когда он, глядя Степанычу в глаза своими мутными, гноящимися буркалами, истово крестился и, вздергивая за шкирку маленькое скулящее тельце, кричал:

– Волчара! Степаныч, христом-богом клянусь – настоящий волчара! Только тебе, по дружбе, задаром почти!

...Серебров ему поверил. Поверил, и, обменяв скулящий черный комок на мятую пятисотку, сунул щенка за отворот куртки и унес домой.

Так получилось, что «волчара» стал первым и последним псом Сереброва. Бобыль, одиночка по жизни, старый охотник не слишком жаловал домашних питомцев, считая всех городских собак, даже самых больших и злобных, бесполезными тварями, пригодными разве что на хорошую теплую шапку. Живущий в частном секторе на самой окраине города, охотник сразу же поставил четкие границы для нового жильца, отдав ему огороженный высоким забором двор и покосившуюся будку, в которой никто не жил с тех самых пор, как Серебров купил этот полуразвалившийся деревянный дом и привел его в порядок.

Но время шло, пес вырослел, и совершенно неожиданно для себя Михаил Степанович обнаружил, что не такие уж они и разные. Даже будучи щенком, при виде хозяина Буян не заливался радостным лаем, не бросался лизаться, а молча подходил и тыкался лобастой головой ему в ногу, разрешая почесать себя за ухом. «Волчара» рос и матерел, ходил с Серебровым на охоту, становясь обстоятельным и деловитым, полностью оправдывая утверждение, что собаки – копии своих владельцев.

К осени Серебров починил ему будку и накидал внутрь ветоши и соломы. А к зиме как-то незаметно для себя разрешил псу жить в доме, на старом полушубке, постеленном возле батареи центрального отопления. Никогда и никого не любивший затворник вдруг осознал, насколько это приятно, когда любят тебя.

Буян вырос в здоровенного мощного зверя, не боящегося ни лося, ни медведя, ни черта с дьяволом и за хозяина готового убить или умереть.

Возможность представилась два года назад...

* * *

С самого утра все шло на редкость мерзопакостно. Вздумававший вечером порубить дрова, Серебров здорово разошелся и орудовал тяжеленным колуном, стоя на промозглом ветру в одной лишь майке да ватных штанах. Так что просквозило его вполне закономерно. Проснулся он от жуткого кашля, рвущего на части не только легкие, но, казалось, и всю грудную клетку.

Одними только проблемами со здоровьем дело не ограничилось. Внезапно взбунтовавшаяся мебель бросалась под ноги, а мелкие предметы при всяком удобном случае норовили выпасть из рук. В хлебнице отчего-то не оказалось ничего, кроме пары зачерствевших горбушек, а в холодильнике закончились молоко и яйца. Ветром сорвало с крыши антенну, обрубив единственный телеканал. В довершение всего перегорела лампочка в сенях, и Михаил Степанович едва не сломал о порожек пальцы.

Верь Серебров в приметы, непременно остался бы дома, пить чай с купленным по случаю алтайским медом, слушать «Маяк» да вполголоса ругать паршивую погоду. Но Сере-

бров в приметы не верил и потому, как и собирался, пошел на охоту. Однако отцепиться от неудачи оказалось не так-то просто – череда мелких неприятностей преследовала Михаила Степановича неотступно целый день, к шести часам вечера заставив остервенеть настолько, что, в сердцах ковырнув ногой снег, он сломал толстую охотничью лыжу, сломать которую было практически невозможно. Глядя на ехидно щерящийся из-под снега пенёк, Серебров едва не взвыл от досады. Распушивший мохнатую шерсть Буян тактично отошел в сторонку, чтобы еще больше не смущать хозяина в минуту душевной слабости.

Чувствуя, как в углях закипает пар, а глаза наполняются кровью, Михаил Степанович сел прямо на снег и принялся стаскивать бесполезные лыжи с мохнатых унтов. Заевшее, как назло, крепление обжигало пальцы металлическим холодом, скользило, царапалось, но открываться не желало. И тогда, плюнув на свою обычную сдержанность, Серебров с мясом вырвал застёжку, со злостью сорвал крепление с ноги и запустив его в засыпанный густым снегом кустарник, громко и с наслаждением выматерился.

Поспешно содрав с себя вторую лыжу, Серебров вскочил на ноги и в голос заорал, вместе с паром и криком, выпуская наружу все скопившееся за день раздражение. Перепуганные ревом неведомого животного с окрестных деревьев в воздух сорвались несколько птиц. Невозмутимый Буян продолжал деловито обнюхивать ничем не примечательную березу.

После крика значительно полегчало. Дышать стало легче, да и в голове прояснилось, и Михаил Степанович трезво оценил свое положение: глубоко в лесу, надвигается ночь, лыжи сломаны. С тоской вздохнув, он напряг глаза и попытался разглядеть в опускающихся сумерках место, куда улетело злосчастное крепление... однако вместо этого увидел кое-что необычное. Прямо на него, медленно, но верно двигался снежный холмик, точно плугом разваливая искрящийся снег по обе стороны от себя. Складывалось ощущение, что нечто передвигается прямо под настом, ввинчиваясь в него на манер крота, разрывающего землю. Определенно, так оно и было – кто-то копошился в сугробах, не зная, что рядом находится двуногий хищник с карабином!

Недобро улыбаясь, Серебров тихонько снял со спины «Сайгу», упер прикладом в плечо и прицелился. Кто бы там ни был, а упускать свое охотничье не собирался. Первая попавшаяся за сегодня дичь должна была не только оправдать вылазку, но и принять на себя остатки раздражения, не вышедшего с криком. Заинтересованный поведением хозяина Буян задрал лапу, быстро помочился на черно-белый ствол и бодро потрусил к Сереброву. Остановившись рядом с обутыми в унты ногами, он некоторое время крутил лобастой башкой и шевелил мокрым черным носом, принюхиваясь. А затем вдруг широко расставил лапы, по-бычьему наклонил голову и, сверкнув длинными клыками, угрожающе зарычал.

Шерсть на его загривке встопорщилась острыми иголками, а в клекотании послышалась такая ненависть и злоба, что Сереброва проняло до самой макушки. Он вдруг ясно и отчетливо подумал – а почему, собственно, он решил, что существо под снегом не подозревает о его присутствии? После такого крика его бы и глухой заяц услышал, не то что... Кто? Охотник вдруг осознал, что понятия не имеет, какое животное может себя вот так странно вести.

Двигающийся снежный холм замер, не дойдя до человека с собакой каких-то три метра. Буян продолжал рычать, все более громко и угрожающе. Серебров, боясь опустить ружье, поспешно вытирал о предплечье внезапно вспотевший лоб. Холм не двигался.

Ждать неизвестно чего было невыносимо. Если бы не рык Буяна, страх бы уже давным-давно ушел, уступив место глухому стыду. Но матерый пес продолжал глухо ворчать, а когти его врезались в утоптаный снег, делая боевую стойку более уверенной и непоколебимой. Буян готовился к драке. Серебров тоже готовился, правда, все еще не понимал – к чему. Напряженный указательный палец нервно поглаживал изогнутый клык курка. Достаточно

было крохотного усилия и сотой доли секунды, чтобы нарезное жерло вытошнило огнем и смертью...

Сотой доли не хватило.

Равно как не хватило и целой секунды.

Снежный горб вспучился, взорвался целым фонтаном снега прямо в лицо Сереброву, залепляя глаза, сбивая прицел, дезориентируя. Мужчина скорее почувствовал, чем действительно увидел, как из сугроба вынырнуло бледное и отчего-то совершенно безволосое тельце. В невероятном прыжке, с легкостью преодолев трехметровую отметку, оно с силой врезалось в грудь охотника, опрокидывая его на спину. Серебров грохнулся на снег, показав темнеющему небу подошвы своих унтов. «Сайга», недовольно рывкнув куда-то в сторону леса, отлетела, едва не выломав державшую ее руку.

Извиваясь всем телом, в попытке сбросить с себя невидимого зверя, охотник смахнул с лица липкий снег, и впервые увидел *это*... Увидел и замер, придавленный парализующим, отнимающим волю к сопротивлению страхом. Верхом на нем, скаля два ряда мелких, но острых зубов, сидел ребенок. Тощий, синий от холода, невероятно уродливый, но все же ребенок. Серебров нипочем не смог бы ответить, откуда у него взялась такая уверенность. Было в оскаленной морде что-то такое... какая-то черта, общая для всех детенышей, от котят до крокодилов, от человека до волка.

Оцепенение прошло, когда существо взмахнуло рукой, и грудь охотника взорвалась от острой режущей боли. В прорехи куртки, уже набухающие от крови, радостно метнулся ледяной зимний воздух, и давление на грудь тут же исчезло. Лишь мгновение спустя, услышав за спиной яростное рычание, переполненное злобой и тщательно сдерживаемой болью, он осознал, что существо целилось ему в горло и не попало лишь по одной причине – лохматой, сорокакилограммовой причине, которая, судя по звукам, в данный момент насмерть билась за своего хозяина.

Перевернувшись на живот, Михаил Степанович споро подхватил присыпанную снегом «Сайгу» и, не целясь, выпалил туда, где, намертво сцепив челюсть на тощей ноге жуткой твари, погибал верный Буян. Выстрел, хоть и сделанный навскидку, угодил точнехонько в цель и сшиб чудовище с ног. Наметанный охотничий глаз Сереброва успел заметить, как пуля, вырвав приличный шмат мяса из бледно-синего тельца, проникла внутрь, да там и осталась. Ему даже показалось, что он слышал радостное чавканье, с которым тупой свинец вгрызался в бескровную плоть. Да, именно бескровную – из страшной раны не выпало ни единой красной капельки. Это Серебров видел также отчетливо. И потому-то почти не удивился, когда маленькая тварь, по-кошачьи вспрыгнув на все четыре лапы, вновь встала перед ним как ни в чем не бывало. В голове старого охотника, сталкиваясь и разлетаясь в сторону, точно бильярдные шары, уже давно метались старые легенды и страшные сказки, постепенно вылившиеся в одно веющее могильной жутью слово.

Упырь.

Детеныш резким движением оторвал бездыханному Буяну, даже в смерти не разжавшему зубы, нижнюю челюсть и, стряхнув с себя окровавленное помятое тело, кинулся на Сереброва. Еще дважды успел рывкнуть карабин, но несущийся на всех парах упырь даже не остановился, уже через мгновение отбив ствол в сторону и набросившись на охотника. Некоторое время Сереброву удавалось удерживать клацающую зубами тварь на расстоянии вытянутой руки, но, несмотря на малый вес и почти полное отсутствие мускулатуры, чудовище наклонялось все ближе и ближе к бородатому лицу Михаила Степановича. Изогнутые черные когти пластали на лоскуты рукава зимней куртки, с каждым взмахом взрезая не только ткань, но и кожу, и мясо. И тогда Серебров решил пойти на риск.

Всего одно мгновение смогла бы выдержать этот бешеный напор его правая рука, прежде чем перемазанные слюной и собачьей кровью зубы сомкнутся на его шее. Всего одно

лишь мгновение – Михаил Степанович знал это каким-то обострившимся чувством, отвечающим за выживание в экстремальной ситуации. Напрягшись, он оттолкнул от себя смертоносный комок из мельтешащих когтей и клацающих клыков, правой рукой ухватив упыря за горло, а свободной левой зашарил у себя за головой, выискивая в снегу поломанную лыжу. Запястье обожгло болью, заставив Сереброва разжать хватку, но перебирающие снег пальцы уже наткнулись на лакированное дерево и, сжав, с силой вонзили острый обломок прямо под торчащие, словно ксилофон, ребра упыря.

В тот же миг напор кровососа ослаб. Дернувшись всем телом, Михаил Степанович сбросил с себя бледное тело и поспешил встать. От потери крови и смены положения закружилась голова. Совершенно беспомощный, Серебров силился отогнать прилипшие к глазам разноцветные круги и не мог этого сделать. Во рту собралась кровь, подранная упыриными когтями грудь болела и чесалась, в рукавах и за воротом таял набившийся туда снег. Наклонившись, Серебров на ощупь зачерпнул в ладони снега и быстро протер лицо. На усах и бороде повисли неприятные холодные капельки, зато вернулось зрение.

Ребенок-упырь сидел совсем рядом, буквально на расстоянии вытянутой руки, но при этом даже не пытался напасть. Абсолютно синие, начисто лишенные зрачков глаза существа, расширившись, неотрывно наблюдали, как из-под торчащего в его животе обломка лыжи толчками вытекает густая черная жидкость. Сочась медленно, неохотно, как смола, черная кровь стекала на снег – не растапливая его, а ровным слоем ложась сверху, словно главный ингредиент отвратительного коктейля. Сведенные судорогой когтистые пальцы в напряжении подрагивали над деревянной лыжей, не рискуя прикоснуться.

На нетвердых ногах, пошатываясь, направляя остатки сил на то, чтобы просто не упасть, Михаил Степанович подошел к замершей твари и с размаху впечатал ей в морду тяжелую подошву унта. Упырь рухнул на спину. Опираясь на руки, он отполз на пару шагов от охотника и снова застыл, зачарованно следя за течением вязкой смолянистой крови. Серебров упрямо проковылял к нему и вновь пнул существо ногой, метя на сей раз в обломок лыжи. Удар загнал деревяшку еще глубже, заставив тварь пронзительно взвизгнуть. И только когда по углам Сереброва лезвием полоснул жалобный крик раненного зверя, Михаил Степанович понял, что весь их быстротечный бой прошел практически в полном молчании.

– Что, ссученыш, – сплюнув кровью на снег, ненавидяще прошипел Михаил Степанович, – больно?

И тут же отвечая самому себе, злорадно ухмыльнулся в бороду:

– Больно, паскуда, больно! А будет еще больнее! Я тебе все кишки на кулак наматаю!

Чувствуя, что сил остается все меньше, он, будто в сатанинской молитве, бухнулся на колени перед упыриным отродьем. Крепко ухватился за торчащий из впалого живота твари конец лыжи, с целью исполнить свою угрозу – намотать кишки, если не на кулак, то на спасшую его палку. Но стоило ему слегка прокрутить обломок в ране, как рука опустилась сама собой.

Упырь больше не стонал, не выл, не пытался огрызнуться – он просто молча ждал своей участи и даже как будто смирился с ней. А когда широкая ладонь охотника протолкнула обломок лыжи глубже, чудовище только съежилось и закрыло глаза. В мгновение ока клыкастая мерзость превратилась в то, чем и была с самого начала. В ребенка. Тощего, синего от холода, невероятно уродливого, но все же ребенка. Именно такого, каким увидел его Серебров впервые.

Не меняя позы, упырь сидел на снегу, боязливо зажмурившись. Лишь еле заметно вздымалась грудная клетка да бегали глаза под плотно сжатыми веками. И Михаил Степанович не выдержал – отвернулся. Мир вдруг начал расплываться непонятно отчего, и Серебров поспешил отыскать взглядом неподвижное тело Буяна. Пес лежал, нелепо подогнут под себя передние лапы, остекленевшими глазами с ненавистью смотря куда-то сквозь частокол

мохнатых елок. Лицо охотника стало горячим и мокрым, и, щекоча кожу, по нему побежали шустрые капельки, туг же пропадающие в зарослях густой бороды. Подбородок Серебров трясся от беззвучных рыданий, тело дрожало от боли, холода и начинающейся лихорадки, а утонувший в слезах взгляд все метался от мертвого четвероногого друга к крепко зажмурившемуся ребенку-нежити. Наконец приняв решение, Михаил Степанович собрался, перестал дрожать, стиснул руку на своем импровизированном оружии...

...и, резко выдрав его из начавшей покрываться черной коркой раны, отбросил далеко в сторону.

На этом силы кончились. Лицом вперед рухнув в снег, Серебров попытался отжаться, и не смог. Так и лежал неподвижно, краем глаза наблюдая, как мелкая мразь недоверчиво обнюхивает его лицо, а затем проворно ползет к мертвому Буяну и погружает свое безносое рыло в окровавленную дыру на песьем горле.

И только когда в уши Михаилу Степановичу с чмоканьем впились звуки поглощаемой упырем крови, он нашел в себе силы с ненавистью процедить сквозь стиснутые зубы неподъемных челюстей:

– С-сучен-ныш...

Очнулся Серебров глубокой ночью. Вяло удивился тому, что все еще жив. Не помня себя, шел, по колено проваливаясь в снег, придерживаясь за широкие лапы елей. По пути дважды терял сознание и в бреду, не видимый и не слышимый ни одной человеческой душой, метался и кричал, зовя верного Буяна. Обмороженный, ослабленный кровопотерей, каким-то чудом к полудню добрался до дома. С трудом отворил тяжелые ворота. Еле-еле справился с огромным навесным замком на входной двери. Содрав с себя окровавленную, изорванную в клочья на груди и руках, куртку, кое-как обработал раны, промыв их спиртом и перекисью водорода. После чего, не разуваясь и не снимая штанов, рухнул прямо на застеленный топчан, служивший ему кроватью, и провалился в тревожный, обрывочный сон.

Он не знал, сколько времени провел в бессознательном состоянии, разметавшись по мокрым подушкам и простыням, швыряемый усиливающейся лихорадкой из жары в холод. Несколько раз Серебров вставал и добирался до раковины, где жадно пил теплую, отдающую хлоркой воду. Ему казалось, что за время горячки он разок менял себе повязки, а однажды даже попытался поесть; тушеная зайчатина с картошкой не удержалась в желудке и полупереваренными кусками изверглись из него прямо на круглый вязаный коврик подле топчана. Во всем этом Михаил Степанович не был абсолютно уверен.

Потому что всякий раз, приходя в сознание, он видел тощий силуэт возле батареи, на том самом месте где обычно спал Буян. Лишенные зрачков глаза следовали за Серебровым по комнате неотрывно, куда бы тот ни пошел. Они сверлили его, когда он спал или проваливался в забытие, прожигали, буравили... изучали. Проходя по дому нетвердой походкой, Михаил Степанович грозил этим внимательным глазам кулачищем и бормотал со злостью:

– Уууу, сс-сученыш! Тварюка подколотная!

Сученыш отмалчивался.

В то утро, когда лихорадка, побежденная сильным, не испорченным вредными привычками телом, отступила и Серебров наконец начал воспринимать реальность адекватно, он в первую очередь перетряс старый тулуп – Буянову лежку. Сам не зная, что он хочет найти, Михаил Степанович тщательно исследовал каждый сантиметр вытертого меха и даже обнюхал подстилку. От тулупа остро несло псиной и только. Ничего сверхъестественного.

Игнорируя урчащий желудок, несколько дней не получавший нормальной пищи, Михаил Степанович все же не пошел на кухню, а сперва обошел весь дом. Никакого подтверждения тому, что ночной гость не привиделся ему в лихорадочном бреду, обнаружить не удалось. О яростной и быстротечной лесной схватке напоминали лишь груды окровавленного тряпья да отсутствие Буяна.

Впервые в жизни Михаил Степанович крепко задумался о состоянии своего рассудка. Ведь если мерещился ему пришелец в доме, то где гарантия, что то же самое не происходило в лесу? Может быть, и не было никакого мертвого ребенка-кровососа? А была, к примеру, рысь – раны на груди и руках вполне могли оставить когти дикой кошки... Что если...

Пожалуй, со временем рациональный разум Сереброва убедил бы самого себя в том, что именно так и было. Потому что в мире телевидения и самолетов нет места ожившим мертвецам. Потому что в лесу по зиме нужно бояться волков да не впавших в спячку медведей, а не голых мальчиков с полным набором клыков. Он бы с радостью дал себя обмануть, чтобы забыть этот кошмар, запрятать его глубоко в подкорке.

Но к вечеру, слегка оклемавшись, Серебров захотел малосольных огурцов и полез за ними в подпол. Там, среди невысоких полок, уставленных банками с соленьями, он и обнаружил разрытый земляной ход, ведущий на улицу. На утоптанном полу, прямо в осыпавшейся земле, отпечаталась маленькая детская ножка, отчего-то всего с четырьмя пальцами, от которых шли четкие, глубокие бороздки, оставленные когтями. Вдоль стены, повторяя построение пузатых банок, лежали три куриные тушки, трупик облезлого кота невнятной расцветки и с пяток жирных амбарных крыс. Все совершенно обескровленные.

Серебров устало опустил прямо на холодный земляной пол и долго глядел на любовно разложенные тела мертвых животных.

Есть расхотелось.

Совсем.

* * *

Сученыш пришел под вечер. Привычным движением головы приподнял крышку подпола и протиснулся в комнату. Он был абсолютно таким же, каким Михаил Степанович его запомнил, – приплюснутый, словно отсутствующий нос, плотно прижатые, чуть заостренные уши, сильно выдающиеся вперед надбровные дуги и синие, почти до черноты, глаза. Попаучьи переставляя все четыре конечности, он подошел к Сереброву вплотную, бесстрастно поглядел прямо в дуло обреза, пляшущего в его дрожащих руках, и, разжав челюсти, выронил на пол белую курицу с разможенной головой. После чего, пятясь, отполз на пару шагов и уселся, растопырив мохлявые коленки в стороны.

Взгляд Сереброва долго недоверчиво сновал с уродливого рыла на куриную тушку и обратно. Совершенно спонтанно, до конца не отдавая себе отчет в том, что он делает, Михаил Степанович отложил обреза, вместо него подняв с пола мертвую птицу.

– Что ж ты, паскудник, где живешь, там и ворует, а? – покачав давно не чесаной головой, спросил он.

Сученыш не ответил, продолжая смотреть на охотника немигающим взглядом.

– Спать ложись, – устало пробормотал Серебров. – И чтоб без моего ведома на улицу ни шагу, понял?

Не дожидаясь ответа, он прошел на кухню. Куриная тушка шлепнулась в раковину и оттуда, по-орлиному раскинув крылья, укоризненно пялилась на охотника единственным уцелевшим глазом. Щелкнула плита, в долю секунды вырастив в одной из конфорок голубоватый газово-огненный цветок, тут же безжалостно придавленный кастрюлей с холодной водой. Правая оселком затупившийся нож, Михаил Степанович боковым зрением следил, как на провонявшей псиной подстилке устраивается на ночь самый взавправдашний упырь.

* * *

Так Сученыш поселился у Сереброва и со временем обзавелся собственным именем – Матвейка. А мертвый Буян с тех пор стал навещать хозяина в кошмарных снах, укоризненно зияя разорванной глоткой и давя на грудь охотника грубыми подушечками широченных лап. Вот и сейчас вес его был почти невыносим, он мешал дыханию, перекрывая доступ кислороду, и...

* * *

...Михаил Степанович не сразу понял, что уже несколько секунд не спит, а давление на грудь хоть и продолжается, но на деле не такое уж и сильное. Громко вдохнув полной грудью промерзший воздух, Серебров провентилировал легкие и проснулся окончательно. Мутноватый спросонья взгляд встретился с остекленевшими звериными зрачками, заставив охотника вздрогнуть. Но практически сразу в поле зрения попал всклокоченный белый мех, обвисшие длинные уши и характерная губа, из-под которой торчали тупые белые зубы. Серебров выпрямился, сбрасывая с себя заячью тушку. По виду косой тянул килограммов на пять, но по ощущениям выходили все пятьдесят.

Быстро обшарив взглядом пространство перед собой, Михаил Степанович отыскал еще одного зайца, чуть помельче первого, пару упитанных тетеревов, лису с целым выводком маленьких рыжих щенят, после смерти ставших похожими на плюшевые игрушки, и одного лупоглазого филина. Последнего Матвейка притащил «на пробу», как притаскивал он все, что попадалось ему впервые. Все тушки были высосаны досуха, а у тетеревов, вдобавок, отсутствовали головы. Упырь сидел неподалеку, склонив голову к левому плечу, с интересом разглядывая проснувшегося хозяина. Значит, охота закончилась. И закончилась, слава Богу, удачно.

Поднявшись на ноги, Серебров цапнул филина за лапы и, раскрутив, зашвырнул далеко в кусты, давая понять – нам такого не надобно. Матвейка проводил выброшенный трофей немигающими синими глазами и вновь уставился куда-то за спину Михаила Степановича. За два года успевший изучить его поведение, охотник научился понимать позы и жесты мертвеца и порой даже улавливал разные эмоции в неподвижном, навечно застывшем выражении уродливой морды. Сейчас – Михаил Степанович мог сказать это с абсолютной уверенностью – упыреныш ждал одобрения. От этого странного ожидания, прячущегося в глазах кровососа, сердце Сереброва тревожно заныло. Стараясь оттянуть время, он собрал добычу. Только после того, как в одной руке его были крепко зажаты заячьи уши и лисьи хвосты, а в другой мягкие крылья тетеревов, охотник нашел в себе силы обернуться и посмотреть себе за спину. И тут же вновь уронил на землю тщательно собранные трофеи.

На вид мужчине было лет сорок – сорок пять. На бескровном, лишенном растительности лице его отпечаталось скорее удивление, чем страх. Прямо под горлом, не скрываемым более разорванным воротом свитера, на месте вырванного кадыка багровела глубокая дыра с обсосанными бледными краями. Серебров подошел к покойнику, присел на корточки и пальцами прикрыл ему веки.

– Что ж ты, Господи... не уберег, – прошептал он.

Пуговицы на куртке чужака не желали поддаваться дрожащим пальцам и расстегивались с большим трудом. И все же Серебров справился. Запустил ладонь во внутренний карман и уверенно вытащил оттуда бумажник, связку ключей и мобильный телефон. Ключи и мобильник он опустил к себе в карман, а бумажник открыл и долго смотрел на улыбающиеся физиономии двух девчонок лет пяти. Сглотнув застрявший в горле горький ком,

Михаил Степанович быстро вынул из кошелька всю наличность и тщательно протерев, вернул его законному владельцу. Матвейка тем временем перебрался поближе и теперь, обхватив самый толстый корень руками и ногами, сидел над тем местом, где только что спал его хозяин. У Сереброва мелькнула мысль – может быть, не стоит вот так, у него на виду брать вещи, деньги? Но тут же, снимая с трупа патронташ и ремень с хорошим охотничьим ножом, одернул себя, – сделанного не воротишь, мертвому все эти цацки теперь ни к чему, а ему – Сереброву – на что-то жить надо.

– Эх, Матвейка, сученыш ты! – с болью в голосе, чуть не плача, пробормотал Михаил Степанович, споро выворачивая покойнику карманы. – Сученыш, как есть!

Сученыш сидел на месте, попеременно поворачивая к хозяину то одно, то другое ухо, словно прислушиваясь.

* * *

Могилу необходимой глубины удалось выкопать лишь к вечеру, когда в лес пришла подельница-ночь, желающая помочь спрятать улики. Морщась от боли в сорванных мозолях, – пройти полтора метра твердой, как камень, земли саперной лопаткой, это вам не шутки! – охотник вылез из ямы. Покойника он столкнул туда ногой. Наскоро закидал тело землей и тщательно утрамбовал, оставив едва заметный холмик, – по весне просядет, будет не так заметно. Остатки земли долго перетаскивал к речке и сбрасывал под лед. По большому счету, можно было точно так же поступить и с безымянным мужиком, на беду свою повстречавшим Матвейку, но было это как-то... не по-христиански. Не по-христиански было и втыкать в грудь мертвецу наскоро выструганный кол, но иначе поступить Михаил Степанович просто не мог. Боялся.

Темнота опускалась все ниже, уже не столько помогая, сколько мешая, но Серебров был этому даже рад. Он уже почти закончил. По-быстрому набросав сверху веток и снега, Михаил Степанович придал месту вид охотничьего шалашика. Отошел на два шага, критически осмотрел и остался доволен. Однако же про себя твердо решил, что вернется сюда, как только сойдет снег, и подправит могилу. Может быть, даже посадит сверху дерево.

Поспешно рассовав по отделениям Матвейкину добычу и усадив внутрь самого Матвейку, Серебров взвалил изрядно потяжелевший рюкзак на спину, воткнул в уши плеер и по своим следам отправился обратно. Пока еще было относительно светло, Михаил Степанович хотел отойти как можно дальше от этого места.

*... обошелся с собою, как будто хреновый колдун, —
превратился в дерьмо, а как обратно – не знаю...*

...жаловался в плеере Полковник.

«Дерьмо, дерьмо я и есть, – отрешенно думал Серебров, под шаг удобнее устраивая рюкзак на плечах. – А когда таким стал? И обратно как? Никак обратно... то-то же...»

За его спиной, невидимые для случайного человека, растворялись во тьме три могилки – пара престарелых грибников, разделивших одну яму, девчонка-фотограф, неведомо как забравшаяся в эту глушь, и сегодняшний охотник.

На самой старой из могил вот уже два года росла маленькая ель, с пушистыми колючими лапками.

ТАТЬЯНА ШИПОШИНА

Домик

Рассказ

Он начал фантазировать, когда ещё не мог разговаривать.

В перильцах его деревянной кровати было выломано несколько вертикальных пере-
кладин – от долгого употребления кровати, и от многократной её передачи из рук в руки.

Так вот, он начал фантазировать ещё тогда, когда не мог выбраться из кровати сквозь дырки в перильцах.

Слово «фантазировать» не полностью подходило к тому, что делал этот младенец в своей кровати. Он лежал и составлял немыслимые фигуры из своих длинных, гнущихся в разные стороны пальцев. При этом он что-то лопотал. Слов разобрать было невозможно, но лепет имел явную эмоциональную окраску.

Случались и вскрики, и всхлипы, и смех. И утверждения, и вопросы.

– Что это с ним? – спрашивали подружки матери, забежавшие попить чайку.

– Это он так засыпает, – оправдывалась молодая мать и прикрывала двери в комнату, где спал сын. Чтоб не сглазили!

– Чудно, – судачили подружки.

Мать в ответ молчала. Ей тоже было чудно наблюдать за сыном. А вот свекровь была не на шутку встревожена.

– В нашем роду ни у кого не было ничего подобного! – говорила она. – У нас никто и никогда не фантазировал!

– В нашем – тоже! – пыталась возразить ей молодая мать.

Свекровь в который раз критически осматривала внука. Нет, внук был явно похож на своего отца, её сына. Внук был даже чем-то похож на неё саму!

Но... и похож, и не похож. Откуда у него эти длинные пальцы, выгибающиеся в разные стороны? Что это за странные фигуры, которые внук выстраивает из пальцев?

Сложит фигуру и замолкает, глядя на неё...

Потом медленно, выбирает из фигуры один палец за другим, как будто порядок перестановки пальцев играет какую-то роль.

Выбирает один палец за другим и складывает их по-новому или рассыпает пальцы в воздухе, сопровождая свои действия не то разговорами, не то песнями.

– Ну-ка, сейчас же замолчи! – прикрикивала на внука бабушка, пресекая его разговоры с самим собой.

Внук замолкал. Но пальцы всё ещё двигались в такт беззвучному ритму.

– Положи руки на одеяло! – бабушка прищёпывала внука по непослушным пальцам. Прищёпывала не больно. Так, для порядка.

Внук вытягивал вдоль одеяла тонкие ручки и смотрел на бабушку без сопротивления и плача. Просто смотрел и всё. От этого взгляда по спине бабушки бежали мурашки.

Больше всех в доме о внуке волновалась именно она, бабушка, мать отца. Другие члены семьи были заняты добыванием хлеба насущного.

Семья была простая, если не сказать – простецкая была семья. Дедушка любил заложить за воротник, а папа любил пиво и был ярым болельщиком «Спартака». Он старался не пропускать ни одной игры и часто приходил после футбола то с подбитым глазом, то в порванной рубашке. Так болел горячо!

До странностей сына у него просто руки не доходили.

А мать... Ну что мать! Мать есть мать... Всё она видела, конечно.

Видела и надеялась, что это пройдёт... когда-нибудь... Да и на работу она выскочила, когда сыну только год исполнился.

А вот бабушка волновалась, и не напрасно. Внук, наконец, научился вставать в кроватке, затем и вылезать на пол через дырку в перильцах. Мать сначала хотела замотать дырку поясом от своего платья, чтобы сын не убежал из кроватки. Но потом поняла, что это совершенно ни к чему.

Сын не проявлял интереса к окружающему миру. Он вылезал из кроватки только затем, чтобы забиться куда-нибудь в угол и начать, как всегда, строить фигуры из пальцев.

Этот мальчик хорошо понимал, о чём с ним говорили взрослые.

Но сам на человеческом языке не разговаривал. Ни в какую. Он говорил только сам с собой и на своём собственном языке.

В три года бабушка отвела наконец внука к логопеду, а логопед послал бабушку с внуком к психиатру.

Вечером того же дня в семействе разгорелся жаркий спор о том, в каком из родов были шизофреники и прочие психические больные.

Спор догорел до скандала. Взрослые закрыли дверь на кухню и кричали там друг на друга.

Виновник спора сидел в это время в своём уголке за диваном и складывал фигуры из пальцев.

На утро следующего дня все разошлись, и дома осталась одна бабушка. То ли давление у неё поднялось, то ли ещё что-то случилось... Было от чего случиться сердечному приступу!

Короче, бабушка побледнела и стала оседать посреди комнаты прямо на пол, теряя сознание.

– «Скорую»...03... телефон... – хрипела она из последних сил, понимая, что сама не в состоянии добраться до прихожей и взять телефонную трубку.

Хватая ртом воздух и теряя сознание, бабушка вдруг услышала звучащий в прихожей детский голос:

– Улица такая-то, дом 25, квартира 12.

Она, видимо, потеряла сознание на какое-то время и очнулась от резкого звонка в дверь. Потом она услышала такой звук, как будто кто-то тащил в прихожую табурет... тащил волоком, не в силах поднять табурет и переставить... потом щелчок замка...

Когда бабушка окончательно пришла в себя, в комнате рядом с ней врач переговаривался с фельдшером и ещё с кем-то:

– Не может быть! – басил врач. – Как это ты сумел номер набрать! И адрес свой знаешь! Молодец!

– Получается, что ты свою бабушку спас, – поддакнула фельдшер. – Любишь бабушку свою?

– Конечно, – отозвался детский голос. – Конечно, люблю...

К психиатру внука не повели. С этого момента он начал разговаривать. Причём разговаривал предложениями, как взрослый. Примерно через год он начал читать. Он не складывал слоги, а сразу читал слова и целые фразы.

По-прежнему он любил сидеть в своём углу больше, чем играть в игрушки, гулять на улице или даже читать.

– Пойду в мой домик! – говорил он.

Взрослые уже привыкли. Да им и хорошо было – не бегает, не хулиганит. Поёт что-то да пальцы вертит, а так – нормальный пацан!

Иногда отец, перебрав пивка, пытался воспитывать сына:

– Ну-ка, вылезай из своего угла!

– Это не угол, – возражал сын.

– А что же это?

– Это мой домик... это я в домике...

– Домик, домик! Мужчиной надо быть! Спортом заниматься! Хочешь, я тебя в секцию футбола запишу?

– Не хочу!

– А чего же ты хочешь? Всю жизнь в домике сидеть?

– Да...

– Вот напоща тебе ремня, будешь знать, как сидеть по углам! И не спрошу тебя – завтра же в секцию запишу!

Ни угрозы, ни уговоры не помогали.

Назавтра всё оставалось по-прежнему.

Однажды, когда сыну уже было лет шесть, а бабушка уехала на пару дней к сестре, мать спросила его:

– Ну что ты всё сидишь в своём углу? Что у тебя там? Почему ты пальцы свои крутишь? Что это за слова, которые ты говоришь?

Мать была беременна, уже месяце на седьмом. Он посмотрел на мать одним из своих долгих взглядов и сказал:

– Ну хочешь... садись рядом со мной. Сюда, в мой домик!

– Ох! – мать едва втиснулась за диван.

– Садись, – сказал сын, – ноги вытяни. Пальцы сложи... вот так!

– Не складываются, – мать пыталась удержать отёчные пальцы в неудобном положении.

– Сейчас, сейчас...

Он сел рядом с матерью и что-то залопотал на своём детском языке. Мать прикрыла усталые глаза. И тут она увидела...

Небо было голубым. Но таким чистым и таким высоким, какого не бывает. Было светло и тепло. Под ноги стелились непередаваемой красоты растения и цветы. На деревьях висели золотистые незнакомые плоды. Пели неведомые и невидимые птицы...

Вдали виднелся город, обнесённый переливающейся стеной. Ворота в город были крепкими и высокими и сияли перламутром.

Высокий старец с белой бородой стоял около ворот, смотрел на неё и улыбался.

Тут мать решила обернуться, чтобы посмотреть на сына, увидела нестерпимо яркий свет... и очнулась.

Рядом с ней, на полу, сидел её сын, и гибкие пальцы его рук спокойно лежали на синих домашних брючках.

– Видела? – спросил он.

– Как... как... откуда? Почему?

– Не спрашивай, мама, – улыбнулся сын. – Скоро у тебя родится девочка, а потом – ещё мальчик.

– Откуда ты знаешь?

– Ты, ма... ты не сильно расстраивайся... если что...

– Если что? – мать взяла сына за руку.

Рука его была тёплой и сухой.

И тут раздался звонок в дверь. С работы пришёл папа, принёс с собой пару пива, а сыну – шоколадку.

Мать едва выползла из-за дивана, чтобы открыть дверь мужу.

В семье родилась девочка, а старший сын пошёл в школу. Учился легко, но было видно, что в школе, со сверстниками, ему скучно. Весной, в конце первого класса, мальчишки уговорили его пойти на речку. Васька-третьеклассник уговорил, известный хулиган.

Васька и провалился под лёд. Он кинулся спасать Ваську. Он бросился в ледяную воду и вытолкнул Ваську из образовавшейся полыни. Откуда только силы взялись!

Но сам он выбраться не сумел.

Когда тело достали...

Чистый такой в гробу лежал... чистый, спокойный, как будто радостный...

Васька с тех пор перестал хулиганить. Окончил десять классов и уехал в университет. Говорят, потом большим человеком стал. Учёным. Что-то такое, с космосом связано.

В семье родился ещё один сын.

Но сколько мать ни смотрела на своих младших детей, сколько ни ждала – ни один из них не складывал из своих пальцев никаких фигур и не разговаривал на непонятном языке.

Свекровь и свёкр давно померли.

Мать с возрастом поверила в Бога, стала ходить в церковь, молиться и свечи ставить, за всю свою семью, за живых и за мёртвых. Правда, у Бога мёртвых не бывает...

А муж её – всё так же пьёт пиво и болеет за «Спартак». Только больше не дерётся, если его команда проигрывает. Не потому, что болеет не горячо. Постарел просто...

Да, вот ещё что.

Когда никого не остаётся дома, мать иногда идёт в угол, за диван. С трудом садится – артрит, попробуй-ка, сядь на пол!

Складывает узловатые пальцы, закрывает глаза...

Ничего она не видит...

ОЛЬГА ДОРОФЕЕВА

Верлиока

Рассказ

Телефон, а не будильник. Значит – труп.

Впрочем, Смирнов не удивился. Еще ночью, сжавшись комочком под тонким одеялом, чувствуя всей кожей холодное дыхание первых заморозков, он знал, что утром произойдет что-то страшное и гадкое. Ледяной воздух далекого глухого леса не давал ему согреться; запахи прелой листвы и тины, шорох поникшей травы, хруст веток мешали уснуть. Крик внезапно застигнутой птицы врывался в его дремы, тревожил, звал на помощь. Смирнов не хотел идти, он стонал, ворочался, подтягивал колени к животу, но что-то неизбежное уже шумело, грохотало, накатывалось...

Он поежился, пнул носком ботинка склеившиеся желтые листья. Девушку нашли рыбаки. «Как всегда, – вяло подумал Смирнов. – Если бы не рыбаки, наши реки были бы полны рассыпавшихся скелетов и обглоданных трупов. В отделениях висели бы бесконечные списки пропавших без вести, люди приносили бы к рекам погребальные венки, а рыбы вырастали бы огромными и жирными, они выпрыгивали бы из воды...» Мысль была настолько омерзительна, что Смирнов решил ее не додумывать.

А труп был тревожным. Располованное белое тело с узкими провалами темной плоти не нравилось Смирнову. Когда-то золотистые волосы смешались с листьями, испачканные в грязи и тине руки словно пытались врасти в землю. Тело хотело остаться в этой желтоватой от глины почве, прорасти корнями-пальцами, уйти в темноту кротовых нор. Оно не хотело в морг.

– Поверить не могу, есть документы! – раздался над ухом довольный голос опера. Следователь прокуратуры Анатолий Смирнов вздрогнул, поморгал и сделал вдумчивое лицо. – На ней была маленькая жилетка с карманом, а в ней – пропуск в институт. Фамилия, имя. Малова Елена. Не помню такой среди потеряшек.

– Да, – согласился со всем сразу Смирнов. – Надо съездить, поговорить.

– Не раньше, чем завтра, – развел руками опер. – Ты ж знаешь...

– Да, – хотя он не знал. – Ладно, давай сюда. Я сам поеду.

Направляясь к теплой, старательно пыхтевшей мотором машине, Смирнов обернулся. Река темной блестящей лентой уходила от невысокого берега вправо и влево. Вправо – к жилым кварталам города Москвы. Влево – к далекому глухому лесу.

– Значит, вы пошли в казино. Дальше? Рассказывайте, рассказывайте.

Девушка всхлипнула.

Рассказывать было особо нечего. Сэкономив правдами и неправдами долларов по сто, они с Леной Маловой ходили по субботам в казино. Да, одно и то же, «Гранд Рояль». Потому что их там уже знали и пускали. Играли совсем чуть-чуть, в основном строили глазки и пытались познакомиться. Нет, вы не подумайте, просто где же еще иногородняя девушка может...

– Я не думаю, – сказал Смирнов и обманул. Он думал. Помимо всего прочего, он думал, что почему-то никто не идет знакомиться на стадион. Или в туристическую секцию. Хотя тоже неизвестно, кого там можно встретить.

Но все золотоволосые иногородние девушки считают, что самое лучшее место для знакомства с мужчиной – это казино. А потом их находят рыбаки.

– Вы хорошо его запомнили?

– Так, – подружка пожала плечами. – Высокий, массивный, плечи широкие. Очень коротко стриженный, почти бритый. Одет шикарно...

– А лицо? – не выдержал Смирнов после трех минут описания костюма, рубашки, туфель и бумажника.

– Ну, – девушка замялась, – опухший он какой-то был. Один глаз вообще заплывший. Зато второй – злой такой и пронзительный, как уме... ээ... Злой, в общем.

– Зачем же ваша подруга поехала куда-то ночью с таким красавцем? – обиженно спросил Смирнов, стараясь смотреть зло и пронзительно. – Куда, кстати, не знаете?

– Знаю! Не точно, конечно, но Леночка, – всхлип, – сказала, что проведет воскресенье в загородном доме. Еще посмеялась, что она в вечернем платье, придется раскулачить его на одежду...

– Ладно, успокойтесь. Малову не вернешь, а вот вам надо бы сделать выводы, – нудно и бессмысленно бормотал Смирнов, глядя на рыдавшую в голос девушку. – Если это все, то я, пожалуй, пойду. Телефон у вас есть, если что...

– Подождите. Еще у него была трость. Хотя вроде не хромал, – всхлип.

Зябко, сыро, тревожно. Не надо было ему ездить к этой девушке. Пусть бы опера... Желтые листья кружили у ног, как хитрые псы, заглядывали в глаза, пытаясь прочесть его мысли. И отвлекали. Как ни старался Смирнов сосредоточиться, вместо логических цепочек в голове вертелись обрывки детского стишка. «Ростом высокий» – это хотя бы из описания предполагаемого убийцы. «Об одном оке» – уже бред. Ростом высокий, об одном оке. Бред.

И ведь было же чувство, что он откуда-то знал того мужчину. Неприятный тип, с таким лучше не встречаться. Бандит, наверняка. Где-то слышал он такой словесный портрет. Стишок мешал, не отвязывался. Ростом высокий, об одном оке. Плечи в поларшина, на голове щетина. Бабушкиным голосом...

Стоп!

Смирнов остановился, замерли и листья, подняв кверху любопытные морды.

– Пошли вон! Ничего не скажу! – погрозил им следователь прокуратуры. – Но это же и есть описание убийцы! Что там дальше?

Листья не знали или не хотели говорить. А Смирнов не помнил. И, если честно, совсем не хотел вспоминать. Настолько не хотел, что у него противно сосало под ложечкой от одной мысли, что он может этого убийцу найти.

Поэтому он достал трубку и набрал бабушкин номер.

Отвратительное зрелище. Особенно гадко кровь смотрелась на стенах, как будто кто-то размахивал шлангом или душем... кровавым душем. На полу лужа, диван почернел от огромного сочного пятна. Бабушка лежала у окна, лицом вниз, на седых растрепанных волосах запеклась темная пена. Тошнотворно пахло бойней. Смирнов подошел, присел и нежно погладил свою бабулечку-роднулечку по худой спине, удивляясь где-то на задворках сознания аляповатой черно-белой кофте.

Потом в квартире появились люди. Их было много, они здоровались, фотографировали, раскрашивали столешницы и дверные ручки кисточками, добывая отпечатки. Смирнов устал и ушел в кабинет, сел в любимое кресло. Мысли путались, а перед глазами стояла забрызганная кровью стена.

– Толик, ты здесь? – в кабинет вошла сухонькая старушка в темном, волосы собраны в пучок, на носу очки в металлической оправе. – Сиди, сиди. Может, чаю тебе заварить?

«Кто-то из бабушкиных подружек», – Смирнов отрицательно повертел головой. Очень знакомая, сто раз ее встречал, это точно, но не вспомнить ни имени, ни откуда она. Хотя, и так понятно, что соседка: узнала и пришла. Стоявший в горле сухой ком вдруг погорячел и раздулся кверху, в глаза, выдавив жгучие слезинки.

– Судьба такая, Толечка, – вздохнула старушка. – Надо справляться. Сколько власти он себе забрал, смотри-ка. А все с Леночки началось. Ты помнишь Леночку?

– Ммм, – выдавил Смирнов. Прямо сейчас он помнил только одну Леночку – Елену Малову, но вряд ли речь шла о ней.

– Надо вспомнить, – нравоучительно сказала гостя. – Надо! Ты и так слишком надолго все забыл. В секретере – в стенке секретер, знаешь? – возьмешь самодельный конверт из зеленого картона, там все. И держись, внучок. Удачи тебе.

– Спасибо... – недоумевающе пробормотал Смирнов. Теперь ему хотелось получше рассмотреть так хорошо проинформированную старушку, может, имя-фамилию вежливо узнать. Но пожилая женщина отошла к окну и с интересом рассматривала что-то во дворе.

– Голуби, – сказала она, – осень.

– Толь! – кто-то внезапно ударил следователя по плечу. Смирнов вздрогнул, повернулся. – Ты спишь, что ли? Не заболел?

Недоуменно моргнув на опера, Смирнов быстро посмотрел обратно, на окно. Никого.

– Слушай, ээ, Костин, а здесь была бабулька такая? – спросил как можно небрежнее, заодно зевнут и прикрыв ладонью рот.

Но опер на небрежность не купился, хотя и второй раз про «заболел» спрашивать не стал.

– Не было бабулек. Слушай, а как ты вообще здесь оказался?

– Ну, – Смирнов скорбно покачал головой, – убитая – моя бабушка.

– Бабушка?

Интонация у опера была очень неправильной, поэтому Смирнов встал и вышел в комнату с кровью.

В белом меловом контуре лежала смутно знакомая женщина лет сорока, темные короткие волосы, пунцовая помада, пятна крови на лице и кофте. Перерезанного горла было почти не видно. Следователь напряг мозговые извилины и внезапно выловил из них хоть какое-то настоящее воспоминание.

– Это Люба, дальняя родственница из Саратова. Или Саранска, путаю их. Она живет... жила здесь примерно с полгода, после того, как *бабушка*...

Ага. Умерла, а сегодня пригласила в гости на чашку чая. Но этого никому знать не надо.

– Сегодня я заехал взять некоторые вещи и обнаружил ее убитой...

– А квартира кому досталась? – виновато поинтересовался опер, изо всех сил притворяясь, что не думает ничего плохого.

– Моим родителям, – возмущенно осадил его Смирнов. – Бабушка оформила дарственную еще при жизни. Так что – никаких инсинуаций!

– Что за вещи? – продолжал выспрашивать бестактный Костин.

– Фотографии, – уверенно ответил следователь. – Так я возьму?

Опер махнул рукой, но все же поперся за Смирновым и понаблюдал, как тот открыл секретер в одной из секций массивного книжного шкафа и достал склеенный из картона зеленый конверт. Он был сделан в форме плоской коробки, а закрывался просто на клапан. Смирнов открыл конверт и, не глядя, вытащил старую черно-белую фотографию. Костин грустно вздохнул.

– Дело ты будешь вести?

– Не думаю, – Смирнов не хотел. У него и так было много забот. – У меня уже есть сегодня один труп, пусть кому-нибудь другому дадут.

Только на лестнице он наконец-то смог посмотреть на фотографию, которую так и нес прижатой к шершавому боку конверта.

Маленький Толя Смирнов на фоне типичной дачной веранды, застекленной небольшими прямоугольниками в рамках из деревянных реек. За спиной росли кусты, над головой

наверняка пели птицы, а рядом стояла девочка, удивительно похожая на маленькую Лену Малову.

У них действительно была дача где-то под Клином, но что с ней случилось, Смирнов не помнил. Просто однажды летом они туда больше не поехали. Родители ничего не объясняли, и Толя решил, что дачу продали. Ничего особенного: через несколько лет появилась другая, гораздо ближе к Москве, которую сто лет спустя перестроили в коттедж. Про первую, клинскую, все забыли.

Но именно там была сделана старая фотография, и именно туда приезжала на лето соседская блондиночка Лена. Не из Москвы – она точно жила не в Москве. Смирнов распахнул портфель, судорожно зашуршал бумагами. Тверь. Из Твери она приезжала. И Малова – из Твери.

Забытые, вычеркнутые события вставали из глубин памяти мутными призраками. Была там какая-то история, связанная с Леночкой. Заплаканные родители, дородная тетенька в милицмейской форме, ее настойчивые вопросы. Пропала девочка, кажется. Потерялась в лесу. А его, Толика, почему допрашивали?

И опять беспричинная тревога нахлынула на него ледяной волной предчувствия и страха. Под Клином такие густые, дремучие леса. Там рано темнеет, там уже первые заморозки, стылая вода в речках, золотые русалки. Там случилось что-то, непонятно связанное с гибелью студентки Елены Маловой. Смирнов вздохнул. Надо было ехать, поднимать архивы, пока рабочий день не закончился.

После часа скитаний по пыльным коридорам, Смирнов получил вожденную кремовую папку с веревочками и стул в так называемой комнате для работы.

То, что пропавшую девочку звали Леной Маловой, он уже знал. Как и то, что ее не нашли.

Про совпадение имени и фамилии он старался не думать, вчитывался в пожелтевшие страницы, искал. Постепенно факты из протоколов складывались в единую картину, и становилось понятно, какую роль в этом деле сыграл маленький Смирнов.

В конце дачного сезона Лена и Толя пошли погулять в лес. То ли кто-то надоумил, то ли сами решили собрать ягод-грибов, но к вечеру дети домой не вернулись. На следующий день недалеко от поселка нашли Толика – грязного, перепуганного, в слезах. На вопросы он не отвечал, молчал или плакал. Лену так и не нашли.

Кроме этих печальных, но простых сведений в деле было и кое-что оригинальное. Во-первых – и этот факт как раз стал причиной бесконечных вопросов тетеньки в форме – из коллекции Лениного дедушки пропал нож. Действительно необычный: длинный, но очень узкий, как заточка, с изящной, инкрустированной стеклянными кабошонами рукояткой. В деле был рисунок, и Смирнов вертел его то так, то этак, пытаясь что-то вспомнить. Ничего не получалось. Но интерес следователя к пропавшему ножу был понятен.

Второй странностью было заключение детского психиатра: Толя пережил сильнейшее потрясение. Заблудиться в лесу, потерять там подружку, бродить всю ночь, плача и зовя на помощь, или задремать под кустом, дрожа от страха и холода, – всего этого, по мнению специалиста, было недостаточно. Шок, который испытал мальчик, равнялся шоку от падения, например, кометы прямо ему на голову. Смирнов добросовестно порылся в памяти и пожал плечами: никакого шока он не помнил. Он вообще не помнил себя в этой истории.

Поэтому, перед тем как вернуть дело архивариусу, следователь аккуратно переписал адрес своей бывшей дачи на бумажку, неведомо как затесавшуюся в дело. Оборванную наискосок страницу из детской книжки.

На платформе было пустынно, только ветер гонял по сырому цементу желтые листья. Смирнов проводил взглядом электричку и огляделся.

Вечерело. Серый холодный туман подымался рваными клочьями из низин, полз по мокрым склонам холмов. Смирнов знал, помнил и эти холмы, и тропинки, и старые черные ели справа от дороги. Это была странная память – память тела, бегавших здесь детских ног, срывавших лопухи и шишки рук. Его тело, давно выросшее и изменившееся, узнавало это место... и боялось его. До дрожи в коленках.

Следователь вздохнул, разглядывая чьи-то когтистые лапы, поверх которых был записан адрес дачи. «Сказочное чудовище... Славянская мифология...» Странные картинки иногда прячутся в старых уголовных делах... Он и так знал, где находился поселок, но шестое чувство подсказывало: идти надо не туда. Разгадка, с которой ему так не хотелось встречаться, была в другом месте.

Там, где страшнее всего.

За черными елями.

Не задумываясь, насколько нелепа эта вечерняя экскурсия горожанина по проселочной дороге и через лес, Смирнов побрел вперед, меся коричневую грязь кожаными туфлями. Он машинально бормотал, продираясь сквозь ельник:

Ростом высокий, об одном оке,

В плечах пол-аршина, на голове щетина,

На клюку опирается, сам страшно ухмыляется...

Ростом высокий, об одном оке... Да кто же, черт побери?

Внезапно лес кончился. Впереди лежала заповедная поляна с травой выше колена, обрамленная черными высоченными елями. Посреди поляны стояло изогнутое, как арка дерево, с опущенными до земли ветвями.

– Ростом высокий... – Смирнов положил ладонь на сердце и прижал, чтобы не вырвалось на волю. Раньше времени. – Так кто же? КТО???

– Кто-о? – застонал ветер.

– Кто-о? – эхом откликнулись ели.

– Кто-о? – зарыдали мокрые травы, склоняясь до земли.

– Высокий... око... – вспоминал Смирнов. Словно молния мелькнула перед глазами: маленькая девочка шепчет ему на ухо. «Там живет чудовище и его зовут... Вер...»

– Вер!..

– Вер!.. – замерев, повторили деревья и травы.

«Его зовут Верлиока!»

– Верлиока! – выпрямившись и отбросив портфель, закричал Смирнов.

– Вот он я!

И веря, и не веря Смирнов смотрел на появившегося монстра. Громадный циклоп с лысым черепом и длинными до земли руками стоял всего в нескольких метрах от него, щерил кровавую пасть и буравил следователя острыми глазами.

– Хорошо, что ты пришел, – лающим голосом проговорил он. – Значит, вспомнил меня?

Да, вспомнил. До липкого ледяного пота на ладонях, в подмышках, до сосущего червяка в животе. До окаменевших, неподвижных ног.

Маленькая девочка с золотыми кудрями шепчет на ухо: «Там живет чудовище, и зовут его Верлиока. Но ты не бойся, у моего дедушки есть волшебный нож, который убивает чудовищ. Надо вонзить его прямо в сердце. Пойдем?»

Он вспомнил.

Они стоят на поляне, взявшись за руки, а Верлиока идет им навстречу. Эта пасть, эти зубы, ухмылка. Лена шагает вперед и замахивается ножом, но чудовище просто опускает на нее руку. Нож отлетает в сторону, а трава внезапно становится красной... Толя бежит, бежит прочь.

Он вспомнил.

– Теперь твоя очередь, маленький трус!

Одним толчком Верлиока повалил Смирнова на спину и тотчас же прыгнул сверху. «Да у него не руки!» – когтистая лапа располосовала щеку. Челюсти монстра вытянулись вперед, уши заострились и встали торчком. Чудовище плотоядно щелкнуло острыми зубами у самого лица следователя. Извернувшись, он выкатился из-под омерзительной туши и вскочил на ноги.

– Что же ты за дрянь?!!

– Я – Верлиока! – захохотал оборотень, прыгая вперед.

Смирнов снова оказался на земле. Ноги путались в траве, левую руку монстр впечатал в грязь обеими лапами. Сопротивляться не было сил.

– Волшебный нож, – прошептал совсем рядом детский голосок. – Волшебный нож.

Правая рука Смирнова нащупала под травой что-то холодное, металлическое. Сжав пальцы, следователь почувствовал неровности кабошонов, отчаянно дернул вверх. В руке у него был нож!

– Надо вонзить его прямо в сердце! – сказала девочка.

– С тебя должок! – смрадно выдохнул Верлиока, вывалив из пасти черный язык.

– Получи! – одним ударом Смирнов всадил сверкающее длинное лезвие в самую середину волосатой звериной груди.

На платформе было пустынно. Смирнов огляделся. Как его сюда занесло? И вышел почему-то здесь, на полустанке. Покопался в карманах, но на билете – только номер зоны и цена. Что за глупость? Определенно, ему пора отдохнуть. Следователь скатал билет в шарик и щелчком отправил в пожухлую траву за платформой, следом – непонятную бумажку, обрывок цветной страницы из какой-то книжки. Угрюмо ссутулившись, побрел было к переходу на другую сторону станции, когда вдруг заметил на скамейке маленькую девочку.

– Привет! – от неожиданности поздоровался он. – Ты почему одна?

– Сейчас мама придет. – Она была белокурой и голубоглазой, как одна его знакомая из далекого детства. Ленка Мало-ва. Тоже тихая, но бесстрашная. Смирнов невольно усмехнулся. Сам-то он всегда считался трусом, а вон как дело повернулось – подался в следователи. А Ленка – наоборот, выучилась на дизайнера, теперь сидит в удобном кресле и теплом офисе...

– Ты осторожней, – пожурил он девочку. – Ну, пока! Тебя как зовут-то?

– Леночка, – прошептала она, глядя в спину уходившему Смирнову.

АЛЕКСАНДР ГОЛУБЕВ

Синие цветы

Рассказ

– Эх, утро-то какое сегодня! – благодушно подумал Юрий Васильевич, выходя за порог своего дачного домика.

Июньское солнце уже висело над верхушками кряжистых камчатских берез, подступивших к самым границам садово-огороднического товарищества.

На макушке столба электропередач сидела сорока и вертела по сторонам головой. Увидев Юрия Васильевича, она жизнерадостно затарахтела, взмахнула крыльями и полетела к лесу.

– И тебе привет, птица! – сказал Юрий Васильевич, с наслаждением потянулся и вдруг замер, не веря своим глазам.

Прямо посреди его участка синел квадрат каких-то диковинных растений.

Высокие стебли, узкие зазубренные листья, распутившиеся бутоны, похожие на огромные хризантемы, – все было темно-синего цвета.

– Да что же это такое? – растерянно спросил у себя Юрий Васильевич и также растерянно ответил: – Наваждение...

Он медленно пошел по утоптанной тропинке, не сводя глаз с синих бутонов.

Трогать стебли руками он поостерегся, просто присел на корточки и принялся рассматривать. Нет, такого за свою долгую жизнь он еще не встречал.

Только вчера на этом месте была свежевскопанная грядка.

Что здесь посадить, Юрий Васильевич еще не решил. Место было какое-то странное: клубника выродилась через два года, пришлось ее выкорчевывать, редис сразу же уходил в дудку, укроп и петрушка желтели и высыхали, даже если он их заливал водой.

Он осторожно понюхал лепестки.

Непривычный какой-то запах. Не цветочный. Морем пахло, йодом, водорослями, свежим ветром.

– Доброе утро, Юрий Васильевич! А что это за диковина у вас растет?

– Здравствуйте, Нина Михайловна. Сам не знаю. Сегодня проснулся, вышел и... вот. Вечером ничего не было, а сейчас вон какое вымахало.

– А можно мне посмотреть?

– Да, пожалуйста, заходите, смотрите на здоровье.

Соседка безбоязненно ощупала цветы, повертела бутоны, понюхала и сказала:

– Наверное, на рынке они бешеных денег стоят! Я сегодня редиску повезу, могу и ваших пару букетов прихватить. Для оживления торговли.

Всю жизнь Юрий Васильевич работал чертежником в КБ своего завода. Зарплата была маленькой, и идея соседки показалась ему здоровой.

Он протянул руку к земле, с хрустом подломив стебель, сорвал синий цветок и тут же вскрикнул: растение увяло, сморщилось, и в его ладони осталась только пыль.

– Тут специалист нужен, – решила Нина Михайловна. – Есть у меня один знакомый флорист, он раньше у моего Петьки учителем ботаники был. Я сейчас ему позвоню.

К обеду на участке Юрия Васильевича собралась толпа человек в тридцать: соседи, какие-то зеваки, все они смотрели, как флорист-ботаник задумчиво отрывает листья, тут же превращающиеся в порошок.

Потом приехал фотокорреспондент местной газеты и долго снимал просто цветы, цветы распадающиеся, Юрия Васильевича на фоне цветов и флориста на фоне Юрия Васильевича и цветов.

Вечером все разошлись, фотокорреспондент уехал, пообещав на завтра привезти съёмочную телевизионную группу.

Юрий Васильевич сидел у домика и смотрел на свой участок. Грядки были истоптаны, картофельное поле походило на лунный пейзаж, и только синие цветы победно покачивались под легким июньским ветерком.

А что будет завтра, когда наедут телевизионщики и народу набегит еще больше?

Юрий Васильевич решительно встал и твердыми шагами пошел к хозяйственному сарайчику.

Выкатив тачку с торчащими из нее черенками лопат, он остановился у синего квадрата.

Секунду помедлив, он воткнул в землю штыковую лопату, наступил на нее ногой и вогнал до упора. Перехватив черенок поудобнее, подковырнул ломоть земли с торчащим из него синим цветком, швырнул в тачку. Цветок изогнулся, скукожился и исчез.

– Вот так-то! – победно выдохнул Юрий Васильевич.

Он работал до поздней ночи, ожесточенно снимая полуметровый слой земли и вывозя его на дорогу. Там он рассыпал грунт тонким слоем, приговаривая сквозь зубы:

– Вот и растите здесь, если хотите, только не у меня, только не у меня!

Когда на его огороде не осталось ни одного синего цветка, он встал у края ямы и перевел дыхание.

Все. Теперь его участок ничем не отличается от остальных.

Никаких флористов, никаких ботаников, никаких журналистов и телевизионщиков здесь не будет. А будет только он, и все, что он посадил и вырастил: клубника, морковка, редиска, картошка.

Отдохнув, Юрий Васильевич направился к куче торфокомпоста, чтобы завалить им яму.

Телевизионщики приехали утром.

Юрий Васильевич безмятежно сидел на скамеечке возле домика. Он ласково поглядывал на свеженасыпанные картофельные грядки.

– Цветы? Какие цветы? Ах, си-и-ние! Нету цветов. Рассыпались. Зато теперь картошка растет. Будете снимать? Нет? Ну, тогда до свидания!

Осенью пришла пора сбора урожая.

Юрий Васильевич с двумя ведрами и вилами подошел к картошке.

Посмотрим, что же выросло на месте синих цветов. Он взмахнул вилами и всадил их под картофельный куст, чуть выше борозды.

Вилы звякнули.

– Откуда здесь камни, я же каждый комок руками разминал? – удивился Юрий Васильевич и перевалил пласт земли.

На борозду покатались крупные картофелины.

– Отличная картошка, просто отличная, – порадовался Юрий Васильевич и поднял картофелину.

Рука сразу ощутила непривычную тяжесть. Подняв еще одну, он стукнул их одна о другую.

Звук был такой же, как при ударе двух булыжников.

Он поднес картофелину поближе к глазам и внимательно рассмотрел: цвет кожуры, глазки – все было точно такое же, как у настоящей.

С одной только разницей – ее нельзя было есть.

Над головой звонко застрекотала сорока.

– Пошла вон, вздорная птица! – заорал Юрий Васильевич и запустил в нее каменной картошкой.

2

Личности. Идеи. Мысли

ТАТЬЯНА ИВАНОВА

Футурология в терминах элит Версия

В майском номере журнала Forbes появился на редкость актуальный материал «Футурология: будущее глазами миллиардеров». В рамках материала представители знаменитого «списка Forbes» рассуждают о том, как будет выглядеть Россия и остальной мир в 2050 году.

Действительно – как? А если заглянуть за пределы 2050 года? Ведь большинство футурологических работ написано в терминах среднего класса, мечты которого страдают детским эгоизмом, но, в сущности, гуманны. А никто не задумывался, как выглядит футурология в терминах элит? Необходимо поблагодарить журнал Forbes за своевременную постановку вопроса.

В последние десятилетия прогнозирование и футурология не только утвердились в статусе научных дисциплин, но также превратились в весьма практичные области человеческого знания. Одна из ключевых идей современной футурологии – само обсуждение будущего уже формирует его. Другими словами, какое будущее мы себе «наговорим», в такой реальности и будем жить уже в ближайшие годы. Метода «работает», и человечество давно живет либо по отдельным сюжетам, либо в соответствии с полноценным глобальными сценариями, рожденными в «лабораториях» проектировщиков будущего.

Мы сами сегодня живем в чьих-то прошлых прогнозах: и мобильный телефон, и Сеть, и расцвет пластической хирургии, и 3D-телевидение, и гибридные автомобили, и вот-вот готовые осуществиться туристические вояжи в космос – все было предсказано когда-то, представлено в виде проектов и картинок, запавших в душу ученым, технологам, инженерам, политикам, бизнесменам, медикам, дизайнерам, всем, кто так или иначе, хотел того или и в мыслях не держал, но причастен к проектированию реальности. Мы сами проектируем будущее – сегодня это ясно человечеству, как никогда. Мы принимаем на себя ответственность за будущее, а потому должны ясно представлять себе как законы общественного и планетарного развития, так и законы, возможности и последствия изменения самого человека.

Именно изменение самого человека является центральным сюжетом современного перехода к новому технологическому укладу. Дело в том, что прежде переход цивилизованного общества от одного технологического уклада к другому был связан с совершенствованием методов освоения человеком окружающей среды и источников энергии, с развитием коммуникаций, техники. Формально сегодня мы живем на закате эпохи углеводородов и в преддверии перехода к приоритетному использованию альтернативных источников энергии и энергосберегающих технологий. Формально, а по смыслу – это эпоха перехода к новому человеку. Раньше, переходя от одного технологического уклада к другому, человек увеличивал свои внешние возможности – автомобиль позволил быстрее добираться из точки А в точку Б, а самолет реализовал мечту о полете. Но все это относится к внешним изменениям и к расширению внешних возможностей. Внутри человек оставался относительно все тем же продуктом античности – разве только ноги стали длиннее, как утверждают антропологи.

На исходе минувшего века ученые констатировали, что под давлением внешних факторов, новой техники и технологий, социальных обстоятельств жизни стал меняться сам человек – меняться даже с биологической точки зрения. Например, не секрет, что мужчины становятся более феминными не только по поведению, но и на уровне «химии», и это доказано учеными. Прогнозируют, что к исходу грядущего десятилетия будет проведено первое оплодотворение из искусственного семени, созданного на основе женской стволовой клетки. Мужчина как рудимент? Привыкайте к мысли – возможно и такое развитие событий. Мобильный телефон в считанные годы не только изменил стиль нашей жизни и наши отношения, но также породил новые фобии и психозы. Тотальное проникновение Интернета во все сферы жизни человека способствует совершенствованию коммуникаций и развитию информационного общества, но при этом меняет мышление человека. Как установили ученые, подрастающее поколение, буквально живущее в Сети, демонстрирует отличные навыки оптимальным образом искать нужную информацию, но постепенно теряет аналитические способности, то есть с трудом решает проблемы, где надо просто сесть и подумать. Без компьютера. А ведь в ближайшие десять – двадцать лет неизбежно постепенное технологическое «сращивание» человека с компьютером и мобильным телефоном – вплоть до появления вживленных устройств. Человек будет на связи со всем миром двадцать четыре часа в сутки, но явно отдалится от самых родных и близких людей, не находя для них лишней свободной минуты. Сами по себе понятия интимности, доверия, духовной и физической зависимости людей друг от друга утратят былое значение и вес, что приведет к возникновению и развитию новых форм семьи, отношений между мужчиной и женщиной, родителями и детьми, дружбы, способов проведения досуга, межличностных, корпоративных отношений и т. д. Технический и технологический прогресс стремительно выламывает человека из привычных социальных ячеек. Он более заботится о персональной уникальности, чем, к примеру, о потомстве. Демографические проблемы в цивилизованных странах уже в ближайшие 10–20 лет оцениваются, как катастрофа, соответственно возможна легализация клонирования, развития биогибридных технологий.

Если изменения человека становятся центральными проблемами новых технологических укладов, то грядет расцвет медицины, геномной инженерии, технологий продления жизни и активности, совершенствования физического облика человека, управления средой, своего рода технологий планетарного «климат-контроля». В Европе уже родились младенцы, которые проживут 150 лет, утверждают медики. 90—100 лет станет возрастом сохранения сексуальной привлекательности и активности. Медицина уже в ближайшие 10–15 лет предоставит для этого все возможности. Собственной внешностью, работоспособностью, настроением можно будет управлять, просто приняв таблетку. Зато цивилизованное человечество рискует впасть в медикаментозную зависимость, облениться и «посадить» иммунитет. И, хотя мы стоим на пороге победы над раком и СПИДом уже в ближайшие 10 лет, иммунная слабость сделает человека беспомощным перед лицом новых болезней. Возникновению новых вирусов способствует и растущая агрессия среды. Ряд ученых придерживаются мнения, что на Земле экологически обосновано проживание примерно 600 миллионов человек (остановимся на этой компромиссной численности, цифры ныне называют разные, но они в любом случае меньше тех миллиардов, с которыми каждый из нас сегодня делит эту планету). Все, что свыше этого, порождает ответный удар среды – своего рода форму защиты Земли от человечества. Странно участвовавшие извержения вулканов, землетрясения, цунами, наводнения или засухи – лишнее тому доказательство. В ближайшие десятилетия человек попытается разработать технологии управления климатом. Впрочем, есть свидетельства того, что уже разработал. Правда, одновременно возникает опасность неконтролируемого использования климатического оружия.

Жизнь в условиях меняющегося климата актуализировала и другую проблему – мегаполисы в ситуации экологического или климатического бедствия превращаются в ловушку. Куда безопасней жить за городом, рассматривая мегаполис только как своего рода «фабрику», где люди зарабатывают на жизнь. Для мегаполисов, к примеру, это вскоре может обернуться падением цен на недвижимость, оттоком людей в пригороды вместе с платежеспособным спросом. Такие процессы повлекут за собой архитектурное и функциональное переформатирование больших городов.

Это и есть ближайшее будущее – не лишенное проблем, но по-своему притягательное для нас, словно высокобюджетный голливудский блокбастер, просто обязанный «отбиться» в прокате. Впрочем, это только одна сторона медали, своего рода привлекательная потребительская витрина будущего. Пусть витрина выглядит порой опасно, но даже риски, представленные здесь, завораживают обывателя.

Но есть и другая сторона медали. Экологические бедствия, техногенные катастрофы, пандемии, самолет, атакующий башни-близнецы, развал такой империи, как СССР, целые страны и регионы, население которых парадоксально одномоментно срывается в пропасть бунтов и революций, словно одержимое единым вирусом... Недаром внимательных свидетелей этих событий не покидает ощущение, что где-то они все это уже видели – вплоть до кадрового совпадения. Это все кто-то уже придумал и даже прозондировал общественное мнение на предмет приемлемости сценария.

В известном смысле, футурологи давно управляют будущим. Один из самых знаменитых проектировщиков будущего – З. Бжезинский (вне зависимости от того, считает он сам себя футурологом или нет). Теоретически можно представить себе злодея-футуролога, творящего мировую историю по хорошо продуманному погибельному сценарию. Отличный новаторский сюжет для Голливуда, который вполне готов к освоению, тем более, что на «фабрике грез» в последнее время злодеи стали как-то повторяться.

При внимательном рассмотрении потребительской витрины будущего сразу бросается в глаза: *такого будущего на всех не хватит*. Посчитаем: безопасный таунхаус с ушной начинкой в экологически чистой пригороде (если будет беспокоить климат, всех обещают поместить под купола с контролируемой средой); домашние роботы; два-три автомобиля (или летающих авто) на семью; возможность полностью обновлять бытовую электронику по первому желанию, а также по желанию «заказывать» рождение здорового ребенка; ландшафтный дизайн (допустимо – виртуальный); чистые здоровые продукты и вода; личный психолог и лайф-менеджер; фармакологические игры с собственной внешностью и настроением; развлечения в виде космического туризма, телепортации, построения собственных виртуальных миров или создания собственного цифрового бессмертия; приятная творческая «удаленная» работа; высококласное медицинское обслуживание; звездное небо над головой, нравственный закон внутри, при этом физическая жизнь до 120–150 лет (медики почти уверенно это обещают) или того больше – вечное клонирование себя любимого, наиболее ценной родни и домашних питомцев, чтобы ни на секунду не ранить впечатлительную психику утратой близких. Таково лицо стандартного обывателя будущего – отнюдь не миллионера, почти «середняка», проживающего все свои 120 лет по уши в потребительских кредитах.

Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы почувствовать футурологическое лукавство. Даже если технологии дойдут до максимального удешевления всех составляющих такого образа жизни, все равно остаются вопросы. Где найти столько территории и ресурсов на семь-восемь-десять миллиардов человек? Скоро мы будем помещаться на пригодных для красивой жизни пространствах только стоя. Есть серьезные ресурсные ограничения, даже при условии тотального падения рождаемости в странах «золотого миллиарда». Другой вопрос: а кто сказал, что страны «золотого миллиарда», в недрах которых сформировался

образ щекочущего нервы, но привлекательного будущего, собираются так просто подарить это будущее «понаехавшим», а сами сойти со сцены мировой истории по тривиальным демографическим обстоятельствам?

Они будут бороться, если не с помощью рождения детей, то хотя бы посредством воспроизводства себя в клонах и биогибридах. И никакие законодательные ограничения не в силах этому препятствовать. То есть сначала обязательно будут препятствовать, потом привыкнут, потом легализуют и узаконят. Как говорили герои фильма «Парк Юрского периода», жизнь всегда пробьет дорогу. Современная цивилизация и современный цивилизованный человек страдают чем угодно, но не альтруизмом. Отдельные движения за сохранение среды (от «зеленых» до «этического консюмеризма») внесли серьезный вклад в то, чтобы корпорации и целые государства скорректировали свою политику природопользования и экологической ответственности, однако борцы за окружающую среду не переломили ситуацию радикально. Примеры, к сожалению, на поверхности нашей памяти, и первый из них – авария на нефтяной платформе корпорации BP в Мексиканском заливе, за которую мир с высокой вероятностью может расплатиться остановкой Гольфстрима. Цель бизнеса – извлечение прибыли. Все остальное – побочные, неприятные эффекты, которыми следует пренебречь. Где здесь хоть капля альтруизма?

Официальная гуманизация нравов в современной цивилизации привела, конечно, к тому, что Анджелина Джоли под одобрительные аплодисменты публики привлекает детишек из погибельных, с ее точки зрения, регионов планеты. Однако когда дело доходит до мирового кризиса, цивилизованный человек трезвеет на глазах: гуманизм гуманизмом, а светлое будущее – врозь.

К тому же и в странах «золотого миллиарда» все еще слишком много людей, чтобы равномерно распределить привлекательное будущее даже между ними. Того самого высокотехнологичного, высокоскоростного, виртуально насыщенного, опасного, зрелищного и прекрасного будущего уже не хватает и на полмиллиарда. В ситуации жестких ресурсных ограничений есть два пути: ждать, пока человечество вымрет до приемлемого масштаба, так сказать, естественным образом, либо устроить контролируемое вымирание, предварительно поделив реальность на избранных и «чернь» будущего по самым разным классификационным критериям.

Мы в двух шагах от окончательного раскола человечества в духе господина Герберта Уэллса, увидевшего закат времен в исполнении элоев и морлоков – с той только разницей, что наши злой прибавят в агрессивности и высокотехнологичности, освоят производство собственных копий или вовсе переселятся под неприступные купола элитных мегаполисов, а морлоки, лишённые всякого физического контакта с элоями, потеряют в потребительской корзине, то есть не смогут больше кушать этот праздный народец. Новая иерархия спасет мир – точнее, комфортабельное будущее для избранных.

Естественных причин вымирания человечества достаточно: суровый демографический закон, связанный с неизбежным сокращением рождаемости в ходе тотальной урбанизации; пандемии; стихийные бедствия, которые сегодня не десятками, а тысячами съедают население самых разных стран, невзирая на их принадлежность к «золотому миллиарду» или отсутствие таковой, бедность, войны... Самотек естественной зачистки человечества был, есть и останется. Ключевое слово здесь – самотек, а, по сути, отсутствие управления этими процессами со стороны людей. Истинных проектировщиков будущего самотек давно не устраивает.

Конспирологический подход к оценке мировых процессов при этом утверждает: неуправляемых катастроф на Земле почти не осталось, кроме разве тех, что вызываются смещением тектонических плит, извержением вулканов и падением астероидов. Да и то – здесь надо еще разобраться. Современные технологии теоретически позволяют манипули-

ровать массовым сознанием в самых широких масштабах, устраивать на заказ войны, засуху, наводнения, политические кризисы, пандемии, мор и прочие глобальные неприятности, связанные с принесением человеческих жертв, – другими словами, мир давно превратился в подобие компьютерной игры-стратегии или квеста, а кнопками щелкают всего-то человек девять (так утверждает Джульетто Кьезо). Вполне правдоподобная версия, тем более что управляемые катастрофы, кризисы, войны, революции, распады империй есть первый и самый простой путь к выборочной стабилизации численности населения. Это путь выстраивания традиционной иерархии по геополитическому и национальному признаку, где на вершине пирамиды те народы, для кого имеет смысл бытовая и потребительская футурология, а внизу – те, кому футурологией интересоваться бессмысленно, так как им навсегда суждено законсервироваться в веке XX, XIX или вообще, скажем, в XV.

Не надо далеко ходить за примерами: в России некоторые граждане, получающие символическую зарплату, проживая в «хрущевке» с текущим потолком и пятиметровой кухней, только по подсказке телевизора или Интернета (если у них вообще есть компьютер) могут догадаться, что на дворе XXI век. Для них XX все никак не может закончиться. Это не состояние первобытного, ничем не омраченного счастья, которое испытывают не открытые учеными дикие племена, которые все еще бродят в джунглях Амазонки. Это – другое. Известны случаи, когда люди сознательно, вынужденно-добровольно отказывались от благ цивилизации, например, потеряв в кризис работу и любую возможность дохода в городах, продавали квартиры, переезжали в глухие деревни, чтобы там в домах без света, газа, прочих привычных удобств, завести огородик, скотину и выживать в стиле, который органично смотрелся бы и 100, и 200, и даже 300 лет назад. Некоторые пошли еще дальше – и из соображений экономии укатили на Гоа. Там не нужны пуховик и меховая шапка, можно сидеть в своей лачуге, проедать полученные от продажи квартиры средства, что-нибудь курить и грезить поддыхание пока еще ласкового океана. Можно сказать, что таков их свободный выбор. А можно иначе – их отфильтровал чужой, довольно агрессивный проект.

Некоторые социальные мыслители, кивая на поговорку «посеешь ветер – пожнешь бурю», считают данный сценарий ранжирования человечества самоубийственным, или, *в конце концов*, самоубийственным. Однако для вышеупомянутых девяти человек (если верить Джульетто Кьезо) он таковым не является. Судя по всему, у «платиновой девятки» на все случаи жизни заготовлена комфортабельная спасательная башня из слоновой кости, сидя в которой, просто из любви к искусству можно поигрывать человечеством и любоваться достигнутым результатом. Что творится у них в голове и какое будущее они запланировали для себя и своих потомков – одна из самых притягательных тайн современности. Вдруг они планируют немногочисленным, бессмертным, но поэтичным народам гулять по безлюдным альпийским лугам, вдыхать горный воздух, потреблять простую крестьянскую пищу и родниковую воду, размышлять о высоком, в то время как на них будут пахать армии, по нраву напоминающие японских жен нано-роботов под безукоризненным контролем сверхкомпьютера? А если соскучатся по общению, могут из обширного банка генотипов наклонировать себе кого-нибудь. Или наловить под землей морлоков и выучить их плясать «цыганочку с выходом». Ведь большинство футурологических работ написано в терминах среднего класса, мечты которого страдают детским эгоизмом, но, в сущности, гуманны. А никто не задумывался, как выглядит бытовая футурология в терминах элит? Вот у одного из олигархов нет мобильного телефона (во всяком случае, по его собственному признанию). Понимаете? А зачем ему мобильный телефон?

Как бы там ни было, управляемые войны, революции, катастрофы различной природы, провоцирование саморазрушения народов и государств – проверенный и доступный (с учетом уровня развития современных технологий) путь к уменьшению количества претендующих на светлое будущее или к сталкиванию народов, не отвечающих критериям избран-

ности, в вечную ссылку в темные века. При этом на вершине грядущей иерархии сегодня каждый видит себя – будь он англосаксом, мусульманином, китайцем и т. д. Идет битва проектов будущих иерархий. Народы и альянсы, обладающие достаточными ресурсами, амбициями, так сказать, «физической массой», имеют наибольшие шансы продвинуть именно свой проект. Все промежуточные стратегические рассуждения о том, с кем дружить, в каких рамках, на каких условиях, против кого – суть фрагменты данных проектов. Проиграет тот, кто не отдает себе в этом отчет. Цена вопроса – не просто геополитическое господство. Это средство. Смысл битвы проектов иерархий по своему сакральному содержанию куда чище. Речь идет о жизни в таунхаусе в условиях высокотехнологичного комфорта (список удобств см. выше). И чтобы никто не мешал наслаждаться будущим.

Второй путь, или второй сценарий, может реализоваться и следом и параллельно с первым. Напомним, что миллиард, даже «золотой» – это тоже все еще слишком много людей. Этот путь предполагает формирование жесткого социального расслоения, когда высшему классу доступно все из комфортного ассортимента будущего, а низшему – почти ничего. Более того – представители низшего класса практически теряют шансы «выбиться в люди» и даже не помышляют об этом. Возможно довести их до такого состояния, когда они, втянутые в рупшу выживания, просто утратят представление, к чему стремиться, да и само желание делать это.

Данное состояние легко достижимо: достаточно отрезать людей от информации, качественного образования и медицинского обслуживания, максимально осложнить быт, с помощью технологий управления массовым сознанием внушать по обстоятельствам то панику, то уныние, то пренебрежение к жизни ближнего, то агрессию, то необузданное веселье по самым пустяковым поводам. Средства просты и известны – подменить информацию псевдоинформацией, сделать всеобщее образование элементарным, а качественное образование – неподъемно платным, отобрать жизненную энергию, посеяв страх конца света и т. д. Можно даже создать предпосылки физического различия между высшим и низшим классами – например, с помощью ГМО заложить в будущие поколения бомбу генетических мутаций. Но самое главное – это выстроить непреодолимую стену информационной блокады между низшими и высшими классами. Причем эта блокада может быть односторонней: высший класс может знать о существовании низшего, а вот низшему классу знать о высшем противопоказано. В конце концов, что мы знаем о причудах и привычках современных эллов? Мы даже не уверены, существуют ли они на самом деле.

В таком видении будущего нет ни капли приевшегося мальтузианства, а только здравый смысл, знание человеческой природы и констатация научного факта. Помните – какую партию ни создаем, всегда получается КПСС? Так и футурологи: сколько о будущем ни рассуждай, темы иерархий не избежать. Сколько-нибудь информированному ученому ясно: состояние ресурсной базы человечества таково, что планировать комфортное, во всех отношениях перспективное будущее могут лишь избранные. Остальным придется остановиться в своих потребностях и устремлениях в настоящем – и это в лучшем случае. Высока вероятность отката к куда более элементарной потребительской корзине. Смысл происходящей сегодня битвы проектов – и геополитических, и индивидуальных – заключается в борьбе за право попасть в число избранных, кому уготовано захватывающее приключение под названием «светлое будущее». Ресурсы и территории сокращаются под натиском стихий и техногенных рисков, технологии управления людьми все изощреннее, шансов попасть в избранные все меньше (но пока есть), поляризация человечества все яснее, борьба все жестче. Впрочем, у проигравших останется слабое утешение: скорее всего, они никогда не узнают, что будущее было так прекрасно, даже проживая в нем.

Как выглядит альтернативный сценарий? Сегодня все чаще говорят, что этика и нравственность – это исторически оправданная условность, в ближайшем будущем и нравствен-

ность, и гуманизм, и этика претерпят изменения под давлением объективных обстоятельств. Судите сами: если меняется сам человек (например, под влиянием вживленных устройств или биогибридных технологий), а этика остается прежней, – это даже странно. Однако совестливому человеку все еще невыносимо думать, что альтернативы вышеуказанным сценариям нет. Альтернатива есть. Помириться, смириться, сплотиться, вспомнить о спасительном самоограничении и общей ответственности за...

На этом месте любознательный читатель, испытывающий интерес к популярной футурологии, обычно зеваает и захлопывает книгу.

ГЕОРГИЙ АБСАЛЯМОВ

Как поссорились Павел Иванович с Иваном Александровичем

(в защиту лженауки, которая есть и которая будет)

У нас в институте долго ходила одна студенческая байка после летней практики, которую мы проходили в тогдашней российской глубинке.

В сельскую больницу из дальней деревни поутру пришла старушка. Наперед забегаю, болезнь ее оказалась ерундовым насморком, но бабуля почему-то решила обратиться к официальной медицине. В пылу своих забот медсестры приемного покоя быстро сунули ей в руки термометр и сказали на бегу: «Плотно прижимайте, бабушка, ровно десять минут. Но осторожно, вещь хрупкая!»

В небогатом больничном хозяйстве термометры тогда были еще в картонных цилиндрических футлярах. Сердечно дочек поблагодарив за душевное участие, бабка сунула градусник в котомку и пошла обратно к себе той же лесной дорогой. Дома она этим и следующими днями плотно прижимала к груди лечебное средство ровно по десять минут, глядя на старые ходики с кукушкой. Болезнь как рукой сняло за два дня. Старики в той деревне всегда друг другу помогали, и волшебная палочка с тех пор так и кочует из избы в избу при всякой случающейся хвори. Приезжим о ней рассказывают, но в руки не дают и даже не показывают. Неровен час кто сглазит, и умклайдет свою силу потеряет, а на нашем веку другого уже не сыскать.

Эти страницы не ристалище для побед над невежеством, и «Всемирную историю шарлатанства» тоже напишут без нас. И не наше дело призывать к учреждению в стенах «Министерства правды» отдельного главка «По борьбе с дурью». Нам, читателям «Альманаха», пристало обратиться к будущему: как там нашим потомкам удастся окончательно развенчать, пригвоздить или, может быть, примирить и т. д.

Откажемся от споров терминологических. Жуткое детище компьютерного века – Википедия – предлагает десяток синонимов типа «лженаука», «паранаука» и пр., и есть еще ругательные слова «мистика», «суеверия», «мракобесие», «обскурантизм» и многие другие, – в этом сумбуре остается либо заговорщически друг другу подмигивать каждый раз: мол, понимаем, о чем речь, либо плюнуть и принять чисто рабочий, условный термин. Например, иметь в виду «знание рациональное» как антитезу всему нерациональному.

Наши попытки предвидения будущего тут же встречают небольшое, вполне преодолимое, затруднение. Это оценочные суждения. Себя, здравомыслящих, мы считаем хорошими, а тех (ну, мы понимаем) всегда записываем в плохие. А они, в свою очередь, с этим не согласны. А надо просто признать: и наши порой ведут себя не по-нашенски, и наоборот. Это важно для прогнозов, потому что чего больше, хорошего или плохого, в иных неразумных действиях, – так это бабушка надвое сказала. Смотрите!

Спускают на воду корабль, плод напряженного труда огромного числа умнейших, грамотнейших людей. И на стапелях разбивают о борт бутылку шампанского. Бред! Никакого отношения бутылка не имеет к дальнейшей судьбе моряков и удаче в плаваниях. Мы, люди разумные, легко можем это доказать. Построим еще десять кораблей как опытную группу и разобьем о них бутылки. Еще построим десяток изделий контрольных, о которые посуду бить не будем. Далее, в течение сорока лет отслеживаем аварийность и ходовые качества в обеих группах. Подведем итоги и огласим победу здравого смысла. Победа (то бишь цена эксперимента) обернется нам в 6 миллиардов рублей плюс 10 раз по 90 рублей за бутылку

для опытной группы. А если не следовать разумной логике, то хватит и одного раза оставить в магазине чуть меньше стольника. Кто рациональный-то?

Или космодромы. Говорят, перед запуском там кто-то из главных-генеральных должен обязательно на дюзу помочиться. Так это вообще бесплатно, да и коллектив на старте мужской в основном. Примеров пруд пруди. Или, допустим, идет современный бизнесмен сделку заключать, и каждый раз он за горстку долларов получает у ясновидицы приворот на удачу. Если от этой глупой тетki вред один, то надо бы разобраться – а что за сделка там? Честная или пусть лучше сгорит жулик этот к чертям собачьим! Тогда от тетki прямая польза. В общем, для прогнозов понятия «лучше-хуже» не годятся. И кто рациональней – тоже не поймешь. Тогда поставим вопрос иначе: кто умнее?

«Несмотря на бедность и вызываемую ими неприязнь, цыгане пользуются известным уважением у людей малообразованных и очень кичатся этим. Они чувствуют свое умственное превосходство и открыто презирают народ, оказавший им гостеприимство. Нечестивцы глупы, и надуть их ровно ничего не стоит – говорила мне одна вогезская цыганка».

Цитата не из нашей жизни. В либретто не включенная, она из «Кармен» П. Мериме, 1845.

Верования, обряды, приметы, заклинания... Будем считать их одним из видов нерационального мышления, столь сильно нам досаждающего. Компонент далеко не самый важный, поэтому покончим с ним поскорее. Конрад Лоренц объяснил происхождение всей этой чуши просто и внятно. Мозг, неспособный безошибочно разбираться в причинно-следственных связях между событиями, не должен пользоваться результатами их анализа, потому что, приняв следствие за причину, можно жестоко поплатиться. Лучше эти события воспринимать как единое целое, запоминать комбинации, оказавшиеся успешными или безопасными, и стремиться их повторять.

Вот и первая попытка прогноза. Ритуализированное поведение, похоже, сохранится у человека будущего надолго. Долго еще будут осеять знамениями, плевать через плечо, садиться на счастливое место, заговаривать на успех, заговаривать (заряжать?!) продукты питания – столь долго, сколь сложна и непредсказуема вся наша жизнь. Ну и торговать амулетами, как самое невинное.

Еще нагляднее у Р. Шекли. Некий анахорет выжил в страшных джунглях благодаря тому, что выходя из хижины, начинал разговаривать исключительно в рифму.

«А вам не приходило в голову провести опыт? – спросил Марвин. – Я имею в виду, не пробовали вы разговаривать на открытом воздухе прозой? Возможно, что стихи вовсе не обязательны.

– Возможно, – ответил Отшельник. – А если бы ты попробовал прогуляться по океанскому дну, то, возможно, оказалось бы, что и воздух вовсе не обязателен».

О других формах нерационального. Потоки брани, низвергающиеся на головы безобидных изобретателей, контактеров, уфологов, эмитентов/реципиентов энергоинформационных излучений и прочих (ну, мы понимаем) грешат недосказанностью. Ну обругали, обложили, покрыли... а дальше что? Наша логика подсказывала бы фразеологизм: «...потому что из-за лженаучной установки выплавка стали и урожайность зерновых...» Но вывод не звучит, потому что – другие времена. Угаданные телепатиями мысли публики решительно не влияют на какие-либо осязаемые качества нашего бытия. Два исключения – мошенничество и подмена правильного лечения знахарством – отложим на несколько минут. А во всех остальных случаях гневное обличение лженаук захлебывается из-за отсутствия выводов. Как в трамвае.

Я нашел прогнозы только двух категорий. Патристические и эколого-эволюционные. Первые не достойны рассмотрения, они сводятся к формуле: «Если лженауки будут процветать, мы еще больше отстанем в научно-техническом развитии и Россия превратится в

сырьевой придаток, и т. д., и т. п.». Скажем прямо, уже превратилась, и уже давно отстали, и всякая нерациональность (ну, мы понимаем), она большей частью продукт импортный. И вообще, претензия на российскую монополию в астрологии и гомеопатии несостоятельна.

Интереснее с эволюционными аспектами. Часто звучащая идея такова. Сообщество, где культивируется иррациональный подход в хозяйстве и сохранении здоровья, обречено. Или, без «черно-белого», менее рациональные группы населения менее жизнеспособны. Они вымирают, а логически мыслящие и умеющие считать – выживают и процветают. Начала XX века позиция Макса Вебера была близка к этой формуле, только без эволюционных отсылок. «Групповой естественный отбор», вопреки досужему заблуждению, вовсе не включен в общепризнанный дарвинизм, для биологов это вопрос открытый. Но в контексте нашего разговора, в общем-то, нетрудно представить себе механизм губительного влияния ложного знания на выживаемость изолированной группы. Пахать, сеять, орошать, косить надо в соответствии с накопленным эмпирическим опытом, он же почти наука. И тогда урожай будет больше. А если агротехнические приемы реализовывать в зависимости от расположения далеких звезд и сновидений шамана, то урожай погибнет и племя сдохнет от голода. Возможно, так оно и было в прошлом. Ацтеки и майя подошли к завершению своих жизненных циклов еще до прибытия испанцев.

Вопиющий примитивизм этой схемы не имеет значения. В наше время мировая цивилизация худо-бедно спасает целые народы, погибающие от голода, эпидемий и стихийных бедствий. Кем-то придуманная карикатура под названием «антиглобализм» лишь контрастно выделяет изобилие мировых продовольственных резервов, изощренность и мощь спасательной техники.

Странно, но рационально-сытое устройство мира теперь позволяет безбедно существовать разным дармоедам (ну, мы понимаем, о ком идет речь). Похоже, дальше будет больше. Если Госдума... извиняюсь – абстрактный парламент пойдет на поводу у шарлатана и выделит бешеные деньги на новый идиотский проект, то вскоре сработает блокировка по М. Жванецкому: «А включаешь – не работает!» Проект закроют, скандалчик рассосется, и разворованные к тому времени суммы вовсе не обрушат экономику отдельно взятой... или любой другой страны. Просто прекратят финансирование, и в бюджете сохранится баланс в пользу прозаической буханки хлеба. Потом все повторится.

Итак, чем лучше мы живем, тем оно спокойнее для адептов нерациональных учений. Эволюционные механизмы работают в обратную сторону. И ничего здесь нового нет: из нефтяной трубы опосредованным образом кормятся и офисные насекомые, и ярмарочные шуты, и вожди психоэнергетических сект. В Америке – из труб других отраслей.

Не получается с естественным отбором в отношении лженаук. А это значит, что корчевать надо по собственному разумению. Те, кто воюет с лженауками, априорно считают свою позицию общественно-необходимой и, как часто бывает с самоуверенными людьми, делают забавные оговорки. «Распространение... этих учений мешает истинному знанию». А на кой ляд, простите, большинству живущих на Земле это истинное знание? «Допустим, Ватсон, Земля действительно вращается вокруг Солнца...»

«Ну а как насчет того, что человек, в отличие от животных, существо, испытывающее непреодолимую потребность в знаниях? Я где-то об этом читал.

– Я тоже, – сказал Валентин. – Но вся беда в том, что человек, во всяком случае, массовый человек, тот, которого вы имеете в виду, когда говорите «про нас» или «не про нас», – с легкостью преодолевает эту свою потребность в знаниях. По-моему, такой потребности и вовсе нет. Есть потребность понять, а для этого знаний не надо. Гипотеза о боге, например, дает ни с чем не сравнимую возможность абсолютно все понять, абсолютно ничего не узнавая... Дайте человеку крайне упрощенную систему мира и толкуйте всякое событие на базе этой упрощенной модели. Такой подход не требует никаких знаний. Несколько заученных

формул плюс так называемая интуиция, так называемая практическая сметка и так называемый здравый смысл».

Это из «Пикника на обочине».

Сомнительно, что народ поддержит корчевателей. Да и в прогностическом плане: какие есть основания думать, что человек будущего вдруг взорвется неумным любопытством и загорится исследовательским пылом? Пока что масса людей понятия не имеет, что такое полупроводники, но день и ночь болтают по мобильным телефонам. Гуманитарии принципиально и даже гордо не желают знать разницу между статором и ротором, но пользуются лифтами и прекрасно себя чувствуют!

Еще иногда предполагают, что лженауки уводят кого-то куда-то в сторону. В смысле, неправильно задается курс научного поиска. До сих пор было не так. Кеплер начинал свои расчеты в интересах астрологии, Дарвин увлекался на досуге гомеопатией, а Менделеев – спиритизмом. Смешно вышло со столоверчением, когда им увлеклись в Лондоне, в 50-е годы XIX века. Прагматичных ученых старались не подпускать к осмотру столов и помещений, но зато позвали... Майкла Фарадея! Потому что электричество считалось мистической силой, то есть чем-то родственным и близким явлению духов усопших. Ну, тот с интересом искал, не нашел и забыл. Крах естествознания не состоялся.

Теперь о жуликах. Прогнозы в этой части затруднены из-за обидной мелочи. Юристы-практики горько сетуют, что мошенничество (как форма хищения) почти недоказуемо, если нет заявления от потерпевшего. Рискнем высказать оптимистическую надежду на то, что уголовное право все-таки сделает шаг вперед, и наивной бабуле вернут ее деньги, даже если она сама верит в омоложение квантово-торсионным витализатором. И что государство чего-нибудь взыщет с безграмотного министра, пустившего по ветру народные деньги. В целом по всему миру резко ужесточается контроль за лекарствами и новыми методами лечения. Есть множество изданий, еженедельно сообщающих об очередном целителе, которого суд штата отправил на долгую отсидку – просто за использование непроверенной методики. Если тенденция сохранится, то доля лженаук в этой сфере пойдет на убыль. Аминь!

Хуже дело с бескорыстным знахарством. У каждого из нас есть сослуживец или сосед, которого хлебом не корми, дай только всучить какое-нибудь снадобье при любом нашем чихе. Уже задолбали своими советами. Но сами-то мы! Чуть какой наш знакомый упомянет по телефону о своем недуге, так у нас язык сразу чешется насочетовать верное средство, которое деду Федоту намеренно помогло. Советуем без осмотра, без расспросов... и без малейшего чувства ответственности за последствия. А когда советуют нам, то родной-близкой тете Зине верим охотнее, чем малознакомому дураку в белом халате. На зеркало неча пенять, и нет никаких оснований думать, что самозванных целителей будет когда-нибудь меньше. Спрос имеется! Вот и весь прогноз.

Но это частный случай. А в общем виде мы имеем дело с самостоятельным изобретательством. Не только лечебные средства, но и вечные двигатели, экстрасенсорные обнаружители полезных ископаемых и прочее (ну, мы понимаем) перманентно изобретаются веками напролет. Дух нашего времени – всего лишь в упрощенных средствах пропаганды открытий. Но даже когда требовалось обивать пороги и скрипеть перьевой ручкой, все равно непризнанных гениев хватало. Больше их со временем становится или меньше? Это ключевой вопрос для прогноза. Результат моего личного копания в статистических отчетах ВОЗ, начиная с середины 60-х, таков. Не удалось найти ни одного подтверждения тому, что распространенность психических заболеваний изменилась. Менялся лишь подход к т. н. пограничным патологиям. Относить ли неврозы или реактивные состояния к душевным расстройствам – это приводило к колебаниям в численной оценке. А грубые психические отклонения остаются на прежнем уровне. Помешательство вовсе не обязательно требует лечения или

помещения в сумасшедший дом, поэтому тихие изобретатели продолжают спокойно надоедать научным учреждениям или заболевшим физическим лицам.

Строго говоря, вреда от них никакого. Словами современного поэта, «лишь бы только он в подъезде не мочился и не лез бы к управлению государством». И в наше светлое будущее мы потащим за собой этот необременительный балласт, причем в том же объеме.

Список разновидностей этих, «нерациональных», может оказаться длинным. В любом случае речь до сих пор шла о субъектах эманации всякой брехни. А как насчет потребителя? Здесь, на мой взгляд, значимыми являются два обстоятельства. Первое – завышенные ожидания от настоящей науки, отчего неизбежно разочарование и растущее недоверие к ней. Ну помилуйте, если высоколобый мудрец декларирует свое могущество за счет недоступного нам знания, – так пусть он сделает нам так, чтобы все было хорошо. Вообще всё!

Есть легенда, что во время египетского похода Наполеон решил заручиться особым признанием со стороны вождей местных племен. Оборудовали что-то вроде химической лаборатории с демонстрационными причиндалами. Показывали превращения веществ (как в фильме про Анжелику, где герой Робера Оссейна предъявлял суду получение слитков из золотоносного колчедана). Натерпевшись от скуки, один из шейхов повернулся к Наполеону:

– А можешь сделать так, чтобы мы все в один миг оказались при дворе султана в Марокко?

– Нет.

Тот вздохнул:

– Значит, не настоящий ты колдун.

И второе. Нельзя отрицать и благотворное влияние лженаук – их седативный, умиротворяющий эффект. Погрузиться в завораживающее (и ни к чему не обязывающее) болотце эзотерики или наукообразностей – отличный рекреационный ход в наш нервный век. Эсхатологические страшилки приятно щекочут. И эскапизм стал привычным, хотя тут есть побочные эффекты. Как в случае с отроком, насмотревшимся фильмов про ниндзя. В спортзале он с упоением постигает секреты экзотических единоборств, но выйдя наружу, резко получает по морде от банальной дворовой шпаны.

О целебных свойствах пустышек известно давно, говорить о них скучно, так что тихо и без паники забираем с собой в будущее и акупунктуру, и циркониевые браслеты... забираем, пригодятся! Жаль, нельзя приводить свежие примеры, чтобы не делать никому рекламы. Но вот что затейно: наши люди ужас как верят в разное старье. В древние рецепты. Когда-то наши предки гибли в младенчестве от ничтожных инфекций, угасали в детстве от ревмокардита, умирали в пожилом тридцатилетнем возрасте от подагры и достигали старческого сорокалетия, ослепшие от трахомы. Так вот: в те времена лекарства, которые без химии, были в тысячу раз лучше современных – таково убеждение в нынешней популяции. А это значит, что любая ахинея, придуманная в наши дни, потомками будет восторженно превозноситься как великая старинная народная мудрость. Так что посылочка, которую мы отправляем в будущее, должна включать и гербалайф... ну, мы понимаем. Оно там возродится и приживется.

В будущем наше «сегодняшнее суетное» может и не проявиться во всем разноцветье. И суть озарений не имеет значения. Важны личности – кто будет убедителен? Говорим ли о своекорыстном жулике или о маниакальном проповеднике сверхценной идеи – кто душит нашего брата сейчас и кто будет впредь?

Есть ответ – у великого фантаста Н. В. Гоголя. Он категорически нарисовал два принципиальных типа обманщиков. Первый вариант – холодный расчет и безошибочная последовательность. Второй – искрометный экспромт и вдохновение. В первом случае Павел Иванович отлично понимал, как он обводит вокруг пальца наивных доверителей. А Иван Александрович просто напился в гостях и сам собственному вранью радостно поверил. В

наши дни (во избежание рекламы, возьмем имена хрестоматийные) Кашпировский тщательно все взвесил и просчитал. А Джуна ничего не планировала, ее просто несло вихрем безудержных фантазий.

У всех есть слабые стороны. Как Чичиков прокололся, доверившись трепачу и шалопаю Ноздреву, так и Кашпировский, поскупившись на профессионального сочинителя, стал сам писать себе благодарные письма от исцеленных, – и тогда со стороны бросилось в глаза однообразие стилистики с изобильными украинизмами. Хлестаков, завравшись, отписал приятелю хвастливое письмо, а Джуна просто утомила жителей средней полосы вулканическим жаром своего пустословия.

В наши дни они мирно сосуществуют. Но в будущем, с приумножением их числа, может случиться их столкновение в конкурентной борьбе за наши умы, сердца и кошельки.

Мы, мы – кому отдадим наше благорасположение? Ох, как интересно будет наблюдать публичный диспут, где сшибутся лбами новые Хлестаков и Чичиков! Перья вам в руки, авторы-фантасты!

Вот только не надо будить Великого Утешителя. Джефф Питере, выдавая себя за жреца индейского племени Во-Ху и торгуя чудодейственным отваром от желудка, не забывал в каждую склянку водопроводной воды добавлять пару крошек марганцовки. Настоящей!

«Дело же не в том, какие дороги мы выбираем. Дело в том, что внутри нас заставляет выбрать ту или другую дорогу!»

3

Информаторий

«Фанданго» 2011

С 15 по 19 июня в Крыму, в Судакe, прошел пятый фестиваль «Фанданго-2011», организованный крымским Клубом фантастов. В его программе были: поход на мыс Алчак, выезд в Генуэзскую крепость, поездка в Новый Свет с горной экскурсией, дегустация в Доме шампанских вин. Из деловой программы следует упомянуть завершение ранее объявленного конкурса фантастического рассказа, жюри которого (В. Гаевский, Ю. Иванов, В. Карачуца, А. Корепанов, К. Щемелинин) в дни фестиваля подвело итоги и наградило победителей. Шестнадцать рассказов из числа присланных на конкурс в ближайшее время выйдут в сборнике издательства «Шико» (Луганск). Прошёл творческий вечер В. Ларионова, вылившийся в дискуссию о состоянии современной фантастики. Состоялась презентация последних номеров симферопольского фантастического альманаха «Фанданго».

Главным мероприятием фестиваля стала презентация Литературной премии за лучшее фантастическое произведение гуманистического плана имени Леонида Панасенко (1949–2011), учрежденной Клубом фантастов Крыма (председатель В. Гаевский) совместно с Межнародным Союзом писателей Крыма. Леонид Панасенко, много лет возглавлявший этот союз, ушел из жизни в марте нынешнего года. Он писал светлую и добрую фантастику, яркий пример которой – роман-утопия «Садовники солнца» (1981). Панасенко рассказывал в нем о фантастической Службе Солнца, «сотрудники которой – Садовники – занимаются вопросами счастья и духовной гармонии на коллективном и индивидуальном уровнях». Создатель Службы Солнца и сам был человеком солнечным. Светлы и названия его книг: «Без вас невозможно», «Сентябрь – это навсегда», «Танцы по-нестинарски», «Мастерская для Сикейроса». Добрый выдумщик, волшебник слова, друг Рэя Брэдбери, он был очень похож на «подельчиков» зеркальников из своего рассказа «Плач в комнате смеха». И дело вовсе не в том, что он был таким же большим и круглым, просто Леонид Николаевич всегда с лихвой возвращал собеседнику заряд подаренного тепла... Хотелось бы, чтобы премия его имени, которая начнет присуждаться с будущего года, помогла «высветить» фантастические произведения истинно гуманистического направления и одновременно стала свидетельством памяти о писателе.

А еще были приветствия фестивалю от Б. Стругацкого и Г. Прашкевича, полное лунное затмение 15 июня, которое участники наблюдали из беседки на крыше гостиницы, интервью для ТРК «Крым», прощальный банкет, купания в море и бассейне и, конечно, солнечные ванны. Следующий фестиваль пройдет в 2012 году в Феодосии.

Оргкомитет

Наши авторы

Георгий Абсалямов (род. в 1954 г. в Москве). Окончил 2-й Московский медицинский институт; работал хирургом в городских больницах и военном госпитале. Последние годы врач-консультант частной клиники. Публиковался в сетевом «Росбалт» и в журнале «Итоги». Популярные статьи об истории науки. Живет в Москве. В нашем альманахе печаталась статья «Досадная брешь» (№ 12 за 2009 г.).

Ильдар Валишин родился в Уфе, где живет и сейчас. Учился на инженера-строителя, но работает администратором стрелкового центра при семейно-спортивном комплексе, параллельно занимаясь (больше для развлечения, чем ради денег) написанием статей в местные журналы. В свободное время занимается страйкболом, гуляет по Приуралью с фотоаппаратом или пишет роман. В нашем альманахе печатался рассказ «Пистолетчики» (№ 5 за 2011 г.).

Сергей Вербин (род в 1954 г.) окончил физматшколу № 30 и физфак ЛГУ, после чего работал в ФТИ им. А.Ф.Иоффе, ныне – профессор СПбГУ. Автор более сотни научных публикаций, в художественной литературе – дебютант, живет в Петербурге. Сайты: <http://www.spbu.ru/faces/whoiswho/v/verbin/>; <http://solid.phys.spbu.ru/verbin>

Александр Голубев (род. в 1960 г. в Южно-Сахалинске в семье моряка) окончил Петропавловск-Камчатское высшее инженерное морское училище, инженер-судоводитель. Посещал литобъединение «Земля над океаном» на Камчатке. Писал стихи и прозу, печатался в камчатской периодике, в журнале «Дальний Восток». Работает старшим помощником капитана на транспорте. В нашем альманахе печатался неоднократно.

Ольга Дорофеева родилась в г. Запорожье, училась в Москве, долгое время работала переводчиком с английского и французского. После получения второго высшего образования работала консультантом в сфере финансов и управления. В настоящее время живет в Москве, занимается домом и семьей. С 2008 года пишет сказки и фантастические рассказы. Имеет ряд публикаций в журналах и сборниках.

Татьяна Иванова родилась и выросла в г. Ленинск (Байконур). Образование – философский факультет МГУ им. Ломоносова. Социолог, политолог, футуролог. Автор десятков публикаций в специализированных изданиях. Соавтор книги «Россия и мир: взгляд из 2017 года». Публиковалась также в журналах «Экономические стратегии» (постоянный автор), «Смена» (рассказы), «Marie Claire» (футурологический материал «Это будет завтра»), сетевых изданиях. Работает в Москве в Институте экономических стратегий. Преподает в системе бизнес-образования (МВА). Действительный член Международной академии исследований будущего (МАИБ).

Олег Кожин (род. в 1981 г. в Норильске). Окончил Ленинградский областной госуниверситет им. А.С. Пушкина по специальности «связи с общественностью». Пишет около шести лет. Публикации в журналах «Реальность фантастики» и «Знание сила: фантастика». Работает директором городского центра молодежи г. Петрозаводска. В альманахе «Полдень, XXI век» печатался рассказ «...где живет Кракен» (№ 6 за 2011 г.).

Геннадий Пращкевич (род. в 1941 г.). Прозаик, поэт, переводчик. Член Союза писателей с 1982 года; Союза журналистов с 1974 года; Нью-Йоркского клуба русских писателей с 1997 года; русского Пен-клуба с 2002 года. Лауреат нескольких литературных премий. Автор детективных, исторических, научно-фантастических, приключенческих повестей и романов и научно-популярных книг. Издавался в США, Англии, Германии и других странах. В альманахе «Полдень, XXI век» публиковался неоднократно. Живет в новосибирском Академгородке.

Оксана Романова (род. в 1970 г.) окончила среднюю художественную школу, потом Театральную академию Петербурга (театроведческое отделение). Защитила кандидатскую диссертацию по средневековому театру. С первых Хоббитских Игрищ увлечена ролевыми играми. В качестве иллюстратора и автора статей работала с газетой «Просто фантастика» и журналом «Мир фантастики». В «Просто фантастика» был опубликован первый рассказ «Теория улья». Художник-аниматор, разрабатывает компьютерные игры.

Татьяна Шипошина (род. в 1953 в Феодосии, Крым). По специальности – детский врач; в 1978 г. закончила Ленинградский педиатрический медицинский институт. Член Союза профессиональных литераторов Москвы. Работает врачом. Пишет с ранней юности. Издано более десяти книг для взрослых и шесть книг для детей. Считает себя православным писателем, но отдает дань фантастике, как первой любви. Живет в Москве.

Юстина Южная родилась в г. Долгопрудный, в настоящее время проживает в Москве. Закончила Московский государственный университет печати. По профессии литературный редактор. Лауреат литературного конкурса на приз ЛФГ «Бастион». Первая публикация – соавторская статья вышла в журнале «Вместе/ Together» в 1992 году. Первый рассказ опубликован в 2004 году, затем последовало несколько публикаций в разных периодических изданиях и сборниках фантастики и фэнтези. В альманахе «Полдень XXI век» печатался рассказ «Историк» (№ 3 за 2010 г.).